

ДРАМА ТЕАТР

*журнал
о современной
драматургии
и
театре*

Пьесы

№4 - 2021

издание Гильдии драматургов
России

От редакции

**«Брать ли с собой «Идиота»,
чтобы не скучат в троллейбусе?»..... [стр. 6](#)**

Юрий ЛУГИН

**Аркадий Иванович едет в Америку
школьная история в 2-х действиях [стр. 8](#)**

Любимовка 21 [стр. 75](#)

Юлия ТУПИКИНА

**Безмятежность
пьеса [стр. 85](#)**

Русский театр за рубежом

Нина МАЗУР
«Три вечера с театром Латвии» [стр. 125](#)

Алексей ГОСТЕВ

**«И корабль пивет...»
Национальный русский театр драмы
им. М.Ю. Лермонтова. Алматы [стр. 135](#)**

Впервые в России. Открываем новые имена

Орен САФДАЙ (Канада)
**Как облапошить старушку!
пьеса в 2-х действиях
перевод Виктора Вебера [стр. 159](#)**

Театральные разборки

Алексей БИТОВ
**«...встанет из гроба. И раскланяется...»
спектакль «Васса» в театре
«Театральный ОсобнякЪ». Москва [стр. 239](#)**

Татьяна ЕРМОЛИЦКАЯ

**«Non fiction о человеке сложном или история
с многоточием...»
опыт документального спектакля в Томском
областном театре куклы и актера «Скоморох»
им. Романа Виндермана..... [стр. 245](#)**

Михаил БАРЩЕВСКИЙ
при участии Екатерины КРЕТОВОЙ
Женское счастье

пьеса [стр. 252](#)

Новые пьесы к Новому году

Александр ПУДИН

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

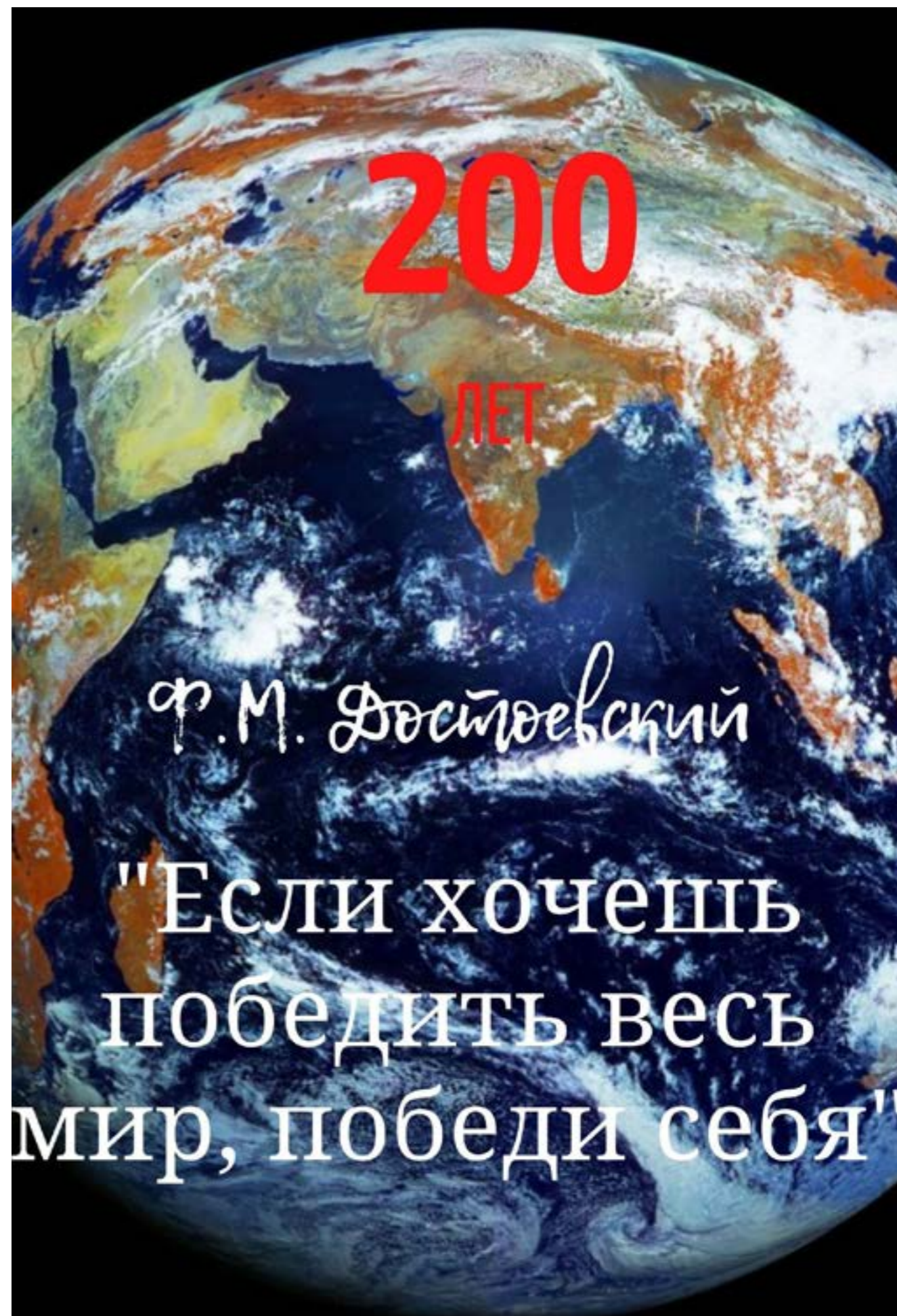
пьеса по мотивам одноименной сказки

кн. Вл. Одоевского [стр. 287](#)

Вячеслав БУРМИСТРОВ

Раз, два, три! Елочка, гори!

новогодняя сказка-детектив [стр. 321](#)

От редакции

Брать ли с собой «Идиота», чтоб не скучать в троллейбусе?

Пущенная когда - то острой на язык Фаиной Раневской фраза, вошедшая в кинофильм «Весна», вынесенная в заголовок, как нельзя лучше подходит для редакционной статьи. Пафос и эмоциональный накал, созданные 200 - летием рождения Фёдора Достоевского нарастают. Говорят, что самый читаемый в мире из русских писателей - это Достоевский. Однако в России сейчас Достоевского читает мало, и еще меньше вникают в сущность его философии. Одно дело проследить за сюжетом детективного романа «Преступление и наказание», как следят за сюжетами других классиков детективного жанра, – это даже занимательно. Но не более. Другое дело вникнуть в суть нравственной позиции великого русского писателя, пройти вместе с его героями путь искупления и раскаянья через страдание... Нет, это слишком сложно! А раз так, то зачем Достоевский нужен? Современный школьник Достоевского не любит и считает его творчество «пыткой прекрасным», от которого получить кайф невозможно. Вот что об этом пишут в интернете:

– «Достоевский, который написал «Преступление и наказание», был не то шизофреником, не то эпилептиком!»

– «Неужели его депрессивное видение мира так интересно для многих поколений русских???»

– «Все, блин, плачут друг другу в жилетку и виснут

на шеях. Тоска смердная.»

– «И русских принимают именно за таких идиотов, после прочтения»...

Н-да!

Среди определенного круга подростковых психологов, и вторящих им учителей бытует мнение, что у Достоевского «есть истины, которые должны быть сокрыты от незрелых умов», при этом забывается, что со «зрелыми умами» мы не рождаемся. А Федор Михайлович как никто другой способствует такому «созреванию».

Конечно же, главенствующая роль в понимании содержания произведений Достоевского остаётся за учителем. Если он сможет раскрыть своим ученикам мотивы поступков героев Достоевского, причины их нравственных терзаний, то, возможно, и ученики задумаются, заглянут вглубь себя. Это, может быть, даже как-то повлияет на их будущее. Ведь есть вопросы, над которыми раздумываешь всю жизнь, и не сразу находишь ответы...

В этом номере мы печатаем пьесу «Аркадий Иванович едет в Америку» Юрия Лукина, бывшего учителя русской словесности. Пьеса о школе. Школьниках. И о Достоевском, искусно вплетенном автором в канву драматургического произведения.

Юрий Лугин
(Лукин Юрий Леонидович),
город Ивангород

...Человеку в период нравственного созревания Достоевский необходим. И не только Достоевский. И неважно, сколько человеку лет. Потому что без сострадания нет человечности, а без личного страдания сострадание невозможно. И в этом – главная идея пьесы. Пафосно и дидактически обозначенная только здесь, в предисловии, а не в самом тексте...

Юрий Лугин

Аркадий Иванович едет в Америку
школьная история в 2-х действиях

Действующие лица

Виктор, десятиклассник

Светлана, десятиклассница

Алька, одноклассница Виктора

Настя, одноклассница Виктора

Сашка, одноклассник и лучший друг Виктора

Ленка, одноклассница и подруга Светланы

Валет, одиннадцатиклассник

Митрич, учитель литературы

Ученики, они же Бекки Тэтчер, Том Сойер, Софья Фамусова, Чацкий, Базаров на вечере «Сударь и сударыня».

Действие первое

Виктор (*выходит на авансцену*). Интересно, сколько человек в школе «Преступление и наказание» прочитали? Я летом после девятого пробовал. На пятьдесят страниц хватило. Тот еще депрессняк. Герои – ни одного нормального, каждый по-своему вольтанутый. Читаешь, и кукуха в натуре едет. Про старуху вообще такой треш, что Аринку на первом же уроке по Достоевскому конкретно на истерику пробило: «Не буду я про этого уroda с топором читать! Противно, а я, между прочим, в Бога верю!» Меня тогда Митрич удивил. (*Измененным голосом.*) «Тебя понять можно, Осташкова, но роман ты не читала и думаешь о нем, как о книге про заурядного преступника, пьяницу или наркомана, к которому ты по своей воле близко не подойдешь. Раскольников другой. Он из тех, кому ты во всем поверишь и никогда его в готовности совершить убийство не заподозришь. От таких у вас другой защиты нет, кроме понимания, что они из себя представляют и откуда берутся...» (*Своим голосом.*) В общем, из-за Митрича я роман все-таки прочитал. Ну, если честно, не только из-за Митрича...

Картина 1

Школьный кабинет литературы, вернее, его часть: три-четыре парты, портреты классиков на стене, учительский стол, классная доска и входная дверь.

Виктор. Это был первый день, когда я пришел в школу после трехнедельной болезни. Угораздило же на зимних каникулах с воспалением легких в больницу загреметь...

Садится за последнюю парту, готовится к уроку и что-

то пишет в потрепанном блокноте, высунув от усердия язык и шевеля губами. Шумно переговариваясь, выходят Настя и Алька.

Настя. Витька, привет! С выздоровлением!

Виктор (отстраненно). Привет.

Настя и Алька располагаются за соседней партой перед партой Виктора. Постепенно оставшиеся места занимают ученики, готовятся к уроку, неслышно переговариваясь между собой.

Настя. Бледненький какой! Слабенький! Губенками плямкает...

Алька. Не спугни – его, кажется, муза посетила...

Виктор (торопливо закрывает блокнот). Просто нервный тик. Осложнение после болезни...

Настя. Возьми направление к невропатологу!

Виктор. Увы, придется! Я действительно бываю не совсем адекватен. Особенно когда ты рядом.

Настя. А причем здесь я?

Виктор. Понимаешь, Настя, кажется, у меня гормональный взрыв...

Настя. Ничем помочь не могу, извини! Ты не в моем вкусе.

Алька. Тебе повезло: день сегодня для твоих гормонов подходящий.

Виктор. Да ну?! Интересно, а почему именно сегодня? Или я чего не догоняю?

Алька. Плакат в вестибюле видел? «В день Святого Валентина, поздравляем всех влюбленных».

Виктор. То-то, смотрю, цирк в школе. Клоуны какие-то ряженые бегают...

Алька. Посланники Амура. Через них можно передать ва-

лентинку тому, кто тебе нравится. Достаточно ник по бейджику указать, кому и от кого.

Настя. Для тех, у кого гормоны, самое то! (Виктор, ахнув, разворачивается и, приоткрыв рот, смотрит на Настю.) Чего глаза выпучил?

Виктор. Никак ты передумала? Про «самое то» - это предложение? Вообще-то ты тоже не совсем в моем вкусе, но я подумаю...

Алька (достаёт из сумки красную повязку). На, держи лучше, трепло! Вовремя выздоровел – наш класс на этой неделе по школе дежурит.

Виктор. Тогда я с Карпинским, как обычно, в узкой рекреации на втором этаже?

Алька. Договорились. Для тех, у кого гормональный взрыв и нервный тик, узкая рекреация - самое то, что надо.

Звонок. Запыхавшись, в класс вбегают Сашка и с разбегу плюхается рядом с Виктором.

Сашка. О, Витторио! Прива, чел! Мне тут походу для тебя валентинку передали, и я понял, что ты в школе.

Кидает Виктору сложенную записку.

Виктор (рассматривает валентинку). «Торопову Виктору». Вот бы пробить, от кого?

Сашка. Мне мелкий в колпаке с надписью «Почта» передал...

Виктор. Нашел! (Читает.) «Сто девятнадцать, двадцать восемь, ноль сорок девять, двадцать пять...» Не понял?

Пожсимаёт плечами и убирает валентинку в карман.

Сашка. Фирма тайну переписки гарантирует. Ты вообще как?

Виктор. Как видишь – жив, здоров и готов грызть граниты

наук.

Сашка. Ой ли? Скажи еще, что к уроку готовился?

Виктор. У меня отмазка: я болел.

Сашка. С Митричем отмазки не прокатывают. Только бы меня, ешкин кот, не спросил. Что-то мне Достоевский влом...

Виктор. Не парься раньше времени. Спросит так спросит, нет так нет. *(Достает смартфон и наушники, один передает Сашке, другой оставляет себе.)* Послушай лучше...

Оба слушают через наушники музыку, которую слышат все:

Ваши вещи беру на хранение,
Чтоб иметь с ваших душ дивиденды.
Я стара, но ко мне, тем не менее,
Иногда даже ходят студенты...

Сашка. Вау! Супер!

Закрывает глаза и раскачивается. Входит Митрич. Все встают, кроме Виктора и Сашки.

Митрич (Виктору). Тс-с!

Отбирает у него наушник и прикладывает к своему уху.

Был вчера тут один,
Всё глазел, как шпиён,
Нечто прятал, бродяга, подмышкою.
Ну, а я ему в лоб:
«Мне топор не нужен, -

Лучше сбегай, дружок, за сберкнижкой.¹

Сашка (замечает Митрича). Ой! Извините, Максим Дмитриевич!

Срывает наушник.

Митрич. Извиняю. Уж больно песенка в тему. И наверняка написанная теми и для тех, кто со школьной скамьи зна-

ком с гениальным творчеством Федора Михайловича Достоевского... *(Отходит к доске и обращается к классу.)* Приветствую вас, красавцы и красавицы! Запишите тему урока «Двойники Раскольникова в романе «Преступление и наказание»... Записали? И наш разговор о двойниках начнет... Алия Кабирова!

Алька (встает и отвечает, заглядывая в тетрадь). В рамках метода фантастического реализма, в произведениях Федора Михайловича Достоевского огромную роль играют второстепенные персонажи, в характере которых отражаются черты, присущие главным героям. Их можно условно назвать двойниками, потому что благодаря им точнее раскрывается идея романа. Двойников мы видим и в окружении Родиона Раскольникова, и в окружении Сони Мармеладовой...

Митрич. Достаточно. Право назвать их поименно предоставляется... Александру Карпинскому.

Сашка (горестно вздохнув, встает). Ну, к двойникам Раскольникова относится... этот... как его... Разумкин?

Виктор (шепотом). Разумихин, чучело!

Сашка (Виктору, шепотом). Чучело?

Виктор. Ты чучело! А Разумихин – просто Разумихин.

Сашка. Сам ты чучело! *(Митричу.)* Извините, я оговорился... Разумихин.

Митрич. И кто еще?

Настя (подсказывает). Лужин!

Сашка. Лужин...

Виктор (шепотом). Свидригайлов!

Сашка. Свидригайлов...

Митрич. И какую же роль играют Лужин и Свидригайлов в сюжете романа? *(Сашка обреченно молчит.)* И все-та-

ки как-нибудь охарактеризуйте их, юноша. Хотя бы одним словом!

Сашка (*встрепенувшись*). Одним словом могу! Все они подонки, однозначно!

Митрич (*вздыхает*). Садитесь, юноша. (*Сашка с облегчением садится.*) Выдвинутый предыдущим оратором тезис развить попытается... Торопов Виктор.

Виктор (*шепотом*). Картина Репина «Приплыли» в картину Репина «Не ждали». (*Встает.*) Повторите, пожалуйста, вопрос, Максим Дмитриевич.

Митрич. Повторяю. Извольте, сударь, на примере одного из поименованных мсье Карпинским подонков, исключая Разумихина, естественно, объяснить, как они помогают читателям правильно понять и оценить характер Раскольникова и сущность его теории.

Виктор. Извините, но я первый день после болезни и...

Настя (*с места*). Он еще не до конца выздоровел. Губенками плямкает!

Митрич. Да?! (*Виктору.*) В таком случае, примите, юноша, мои соболезнования и ответьте всего лишь на один вопрос. Скажите, что вам показалось наиболее удивительным и непонятным в этих героях, чем они, может быть, вас поразили?

Виктор (*украдкой заглянув в смартфон*). Вот Свидригайлов, например. Как можно называть подонком того, кто совершил больше добрых дел, чем все прочие герои романа вместе взятые?

Митрич. Bravo, Торопов! Но если Свидригайлов, ставший причиной смерти Марфы Петровны и доведший насмешками до самоубийства слугу, не подонок, то он кто?

Виктор. Не знаю... Можно я подумаю и отвечу как-ни-

будь потом?

Митрич (*с пародийной интонацией, классу*). Заметьте, не я это предложил! (*Виктору.*) Садитесь, юноша. (*Виктор садится.*) Итак, красавцы и красавицы, «двойники» в романе – важнейшее доказательство тому, что теория, оправдывающая преступление, преступна. Потому что жить и процветать по этой теории могут лишь законченные подлецы, наподобие Лужина. Ведь даже Свидригайлов, не будучи законченным подлецом - о чем весьма справедливо изволил заметить мсье Торопов, - не выдержал и покончил с собой...

Затемнение. Урок продолжается учительской лекцией, голос Митрича слышен из темноты и постепенно приглушается, когда звучат реплики других.

Освещаются парты Виктора с Сашкой и Альки с Настей.

Виктор. Во, блин, попал! Дался мне этот Свидригайлов...

Сашка (*передразнивает Митрича*). «Заметьте: не я это предложил!»

Виктор. Ну да. И не соскочишь. Теперь соскочить – себя не уважать...

Митрич. Обратите внимание также и на господина Разумихина. Его разум ограничен высоким нравственным чувством, то есть не подвержен играм, порождающим чудовищ...

Сашка. Да уж, конкретное попадалово!

Алька (*оборачивается*). Слушайте, достали уже! Урок идет, а вы своим бла-бла мешаете!

Какое-то время все слушают Митрича.

Митрич. И самым внимательным образом посмотрите на господина Лебезятникова. Это типичный резонер, не умеющий думать самостоятельно, но идущий на поводу у мод-

ных тогдашних теорий. Будучи рабом идеи, подобно Раскольникову, Лебезятников в самый последний момент освобождается от нее и поступает по естественному велению души, оказавшись свидетелем подлости Лужина...

Сашка. Слушай, Витторио, а ты в конкурсе «Сударь и сударыня» участвовать собираешься?

Виктор. А это что еще за хрень?

Сашка. Мероприятие к 23 Февраля. Нужно подготовить сцену объяснения в любви из литературного произведения, прикинь? Мне кажется, есть смысл вписаться. Только не знаю, с кем и какую сценку выбрать. Не подскажешь?

Виктор. Признание Базарова Одинцовой. Митрич будет в экстазе. Предложи Альке – ей Одинцову сыграть как нефиг делать.

Сашка. Не, там слов слишком много...

Виктор (*усмехнувшись*). Тогда «Отелло».

Сашка. «Отелло»? Которое расвирепелло и задушило Дездемону?!

Виктор. А что? Ты - вымазанный сапожным кремом, в белой простыне, Алька - в пеньюаре, на кровати. Ты подходишь, говоришь: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» - и начинаешь ее душить, а она красиво бьется в конвульсиях, эротично взмахивая ногами...

Сашка. Круто! Балшойе сепсибоу, дарагой таварисч! (*Толкает в спину Альку.*) Алька, ты про Дездемону наши блабла слышала? Как тебе эту тему на конкурсе замутить?

Алька. Мне больше про Одинцову зашло.

Скосив глаза, кивает на Настю.

Сашка (*толкает в спину Настю.*) Настя, Дездемоной будешь?

Настя. Буду!

Сашка. Забито! (*Вытягивает руки и касается Настинной шеи.*) Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Настя (*отбрасывает Сашкины руки*). Только без этого... Без пеньюара!

Виктор. Как?! Совсем?!

Настя. В халате, идиот!

Виктор (*с деланным облегчением*). Уф! А я уж было подумал...

Настя. Все вы одинаковые, только об одном думаете!

Виктор. Зря ты так думаешь... Кстати, о чем?

Настя. Нет, Торопов, ты точно идиот!

Отворачивается.

Сашка (*Виктору*). Слышал, да? Так что завязывай – нефиг тут всяким идиотам над моей Дездемоной прикалываться! И ты, между прочим, не ответил: вписываешься или как?

Виктор. А зачем мне это? Да и не с кем.

Сашка. Так уж и не с кем?

Виктор не отвечает.

Сашка (*декламирует*).

Моя любовь проходит мимо,
Как стороной проходит дождь;
Она Ее не опалила -
Что не горит, не подожжешь...

Виктор. Это цикл я назову «Из ранних».

Сашка. Мне твое самое первое понравилось: «Тот любит искренне и нежно, кто любит с болью, безнадежно»...

Виктор (*открывает свой заветный блокнот*). Сегодняшние. Только...

Кивает на сидящих впереди девчонок и прикладывает указательный палец к губам.

Сашка (*читает*). «И сам себе сдавал я мелочью с ру-

бля...» Блин, как все запущено! Осталось только проследить... Ладно, конкурс конкурсом, но валентинку хотя бы ты можешь подписать? У меня несколько чистых есть...

Виктор. Уговорил. *(Берет у Сашки валентинку.)* В любой другой день не прокатило бы, а сегодня...

Что-то пишет и передает валентинку Сашке.

Сашка *(читает)*. «Я счастлив тем, что есть на свете ты»... А от кого, здесь не указано.

Виктор *(после кроткой паузы)*. Дай сюда!

Подписывается и возвращает валентинку Сашке.

Сашка *(читает)*. «Свидригайлов, Аркадий Иванович...» Супер!

Убирает валентинку.

Митрич. Не забудьте также и про говорящие имена и фамилии героев. У Достоевского ни одна деталь не бывает случайной. Лебезятников лебезит перед модными идеями. Соня Мармеладова – спящая, еще не разбуженная София, то есть мудрая сердцем своим, ведущая «сладенькую» в кавычках жизнь по желтому билету. Аркадий Иванович – житель Аркадии, счастливой страны простодушных иванов. Предавший ее и собственную божественную природу, и чья фамилия прямо указывает на известного чередой своих предательств князя Свидригайло... *(Раздается звонок.)* Домашнее задание: письменная характеристика одного из двойников... *(Подходит к двери и выглядывает в коридор.)* «А» класс, пока не приглашу, в кабинет не заходим! *(Ученики, собрав учебники, с шумом встают и уходят. Виктор идет последним.)* А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!

Виктор. А чё я такого сделал?

Митрич. А просто поговорить?

Виктор. Просто поговорить? Тогда я сяду?

Садится напротив учительского стола в демонстративно развязной позе.

Митрич. А ноги пятками на стол, как Уайтт Эрп в фильме «Моя дорогая Клементина», слабо?

Виктор *(меняет позу на более приличную)*. Извините, Максим Дмитриевич. Далеко мне до Уайта Эрпа. И он, насколько я помню, он не в помещении, а на веранде и не на стол, а на перила свои заготовки выкладывал. Только мне почему-то наш разговор больше начало фильма «Когда я стану великаном» напоминает...

Митрич. О-бал-деть! Покажите-ка мне еще одного такого десятиклассника, кто бы знал про Уайта Эрпа и смотрел «Когда я стану великаном». Не говоря уже про «Мою дорогую Клементину». Ты меня поражаешь, Торопов. Второй раз за день. Первый был на уроке.

Виктор. А типа вы не заметили, что ответ я из Интернета стырил?

Митрич. Естественно, заметил. Известнейшие слова про Свидригайлова, мы их в институте конспектировали... Меня другое умиляет. Как ты умудряешься нужное на счет раз в Интернете найти, а со стороны это почти не заметно? И мозги при этом у тебя не отключаются...

Виктор. Спасибо.

Митрич. Не за что. Это не комплимент, а констатация.

Виктор. Тогда и вы не сочтите за комплимент. Я, благодаря вам, только в этом году стал серьезно к урокам литературе относиться.

Митрич. А раньше что мешало?

Виктор. А раньше мое представление о литературе поче-

му-то плохо вписывалось в учительские представления о ней. Особенно сочинения.

Митрич. Странно. Сочинения твои из разряда «Ничего особенного», но неглупые.

Виктор. Вы меня до десятого класса не учили.

Митрич. Надеюсь, на Аллу Леонидовну и Марину Владимировну ты зла не держишь?

Виктор. Нет, конечно. С Аллой Леонидовной у меня вообще любовь была и полное взаимопонимание. Пока она в кредит не ушла...

Митрич. В кредит?

Виктор. Ну, в этот... я их вечно путаю... в декрет, короче. И не по моей вине, если вы и про «любовь» неправильно поняли.

Митрич. Нет, Виктор Торопов, мне кажется, ты на это не способен. В смысле, отправив кого-нибудь в кредит-декрет, ты, как порядочный человек, на этом ком-нибудь обязательно бы женился.

Виктор. Пренебреженно-с! Кстати, именно Алла Леонидовна меня стихи выразительно рассказывать научила. Когда однажды выразила сомнение, смогу ли я ее удивить.

Митрич. Ну и?..

Виктор. Удивил, понятное дело. Нашел подходящую минусовку, притащил из дома блютуз-колонку и выдал рэп на стихи Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба». *(Встает и декламирует, по-рэперски размахивая руками.)*

СЕверо-ЗАпадный ВЕтер его подниМАет НАД
Сизой, пунцовой, алой долиной КоНЕктикута; ОН УЖЕ
Не видит лакомый ПРОмеНАД
КУрицы надворе обветШАлой ФЕРмы,
Суслика НА меЖЕ... – ЙО!!!

Митрич. «Йо!» – это сильно! Это реально впечатляет. И ни разу не сбился?

Виктор *(скромно потупившись)*. Да. А что?

Митрич. Там же почти полторы сотни строк!

Виктор. Почти десять минут читал.

Митрич. Могу себе представить, что в классе творилось!

Виктор. Ближе к концу народ в проходах между столами танцевать начал.

Митрич. А Алла Леонидовна?

Виктор. Не рискнула, хотя на месте ей явно не сиделось. Но слушала внимательно. Не перебивая. И ногами притоптывала – я видел.

Митрич. А потом?

Виктор. Потом попросила повторить.

Митрич. А ты?

Виктор. Повторил. Правда, уж не под музыку, а примерно так... *(Декламирует.)*

Северо-западный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута...

Митрич *(после короткой паузы)*. Ты еще про сочинения говорил. И по поводу Марины Владимировны не высказался.

Виктор. А что Марина Владимировна? Мне ее максимализм нравился: кроме пятерок и единиц, других оценок она не признавала. До сих пор одно сочинение с ее «автографом» храню. В двух экземплярах. За первое – единица, за второе, слово в слово с первого переписанное, – «пять»... А знаете, что я писал в сочинениях на тему «Человек, на которого я бы хочу быть похожим», «Как я провел лето» или «Моя будущая профессия»? *(С пародийным*

нафосом.) «Хочу быть комбайнером! Как прекрасно на заре, когда кричат звонкоголосые петухи, а с унавоженных полей веет утренней свежестью и пастухи гонят стадо на выпас, пройти вдоль села в промасленной фуфайке, сплевывая через губу шелуху от семечек, подняться по трапу к штурвалу комбайна и гордым оком обозреть окрестность...» А в качестве примера для подражания я выдумал слесаря-сантехника Варламыча и описал его в стихах. Целую оду сочинил: «Когда прорвало фановые трубы, Варламыч дом наш от фекалий спас...» А про «Как я провел лето» однажды написал: «Этим летом я потерял невинность».

Митрич. Так и написал?!

Виктор. Слово в слово и ни словом больше.

Митрич. И что потом?

Виктор. Скандал, естественно. Отца в школу вызывали... Папа был в шоке!

Митрич. Ну и..?

Виктор. Обошлось, как видите. Жив-здоров, в меру упитан и даже не заикаюсь.

Оба смеются.

Митрич. Ладно, Виктор, неплохо поговорили. Но перемена вот-вот закончится, а главного я не сказал. Даже если случайно так получилось, но от тебя не ускользнуло самое важное в романе у Достоевского...

Виктор. Вы мне льстите, Максим Дмитриевич. Ни черта я в Достоевском не шарю – меня от него наизнанку выворачивает.

Митрич. А ты не думал, что он специально пишет так, чтобы выворачивало? В нужном направлении? Слова Сони, сказанные Раскольникову, помнишь?

Виктор. Откуда?! Я же всего пятьдесят страниц...

Митрич. «Что же вы над собою сделали!» Заметь, она в большем ужасе от содеянного Раскольниковым над собой, чем от содеянного им над старухой и несчастной Лизаветой, ее названной сестрой, между прочим, с которой Соня накануне крестиками поменялись. Спрашивается, почему?

Виктор. А она всех жалеет!

Митрич. Вот именно! Высшая степень понимания человека человеком – умение оправдать его там, где оправдания возможны, и пожалеть, когда оправданий нет. Ты на этот уровень интуитивно вышел, даже если изначально тебе казалось, что чисто по приколу выскочило. Теперь моя очередь прикалываться, а за тобой доклад о Свидригайлове минут на пятнадцать. Срок – неделя. Управишься?

Виктор. Постараюсь, Максим Дмитриевич.

Митрич. Постарайся, голубчик! Вот прямо сейчас иди и постарайся! *(Повернувшись к двери и повышая голос.)* «А»-класс, заходите!

Виктор *(встает)*. До свиданья, Максим Дмитриевич.

Идет к выходу. В класс первыми из «ашников» входят Светлана и Ленка. Почти столкнувшись со Светланой,, Виктор торопливо отступает в сторону и замирает. Светлана проходит мимо, не глядя на него, Ленка же, увидев Виктора, вздрагивает и отводит глаза.

Светлана. Да ну его! Такое не прощают!

Ленка. Прощают. Не сразу, но прощают. Все не можешь забыть, как он на дне рождения у Наташки Зиминной...

Светлана. Мог бы и валентинку прислать. Мол, так и так, извини, виноват, больше не буду...

Ленка. К тебе только что пацан с валентинкой подходил. Не от него?

Светлана. Сейчас посмотрю... Ого, что-то новенькое! «Я счастлив тем, что есть на свете ты...»

Виктор (*выходит на авансцену*). Я после переданную Сашкой валентинку специально еще раз перечитал. (*С пародийным надрывом.*) «Мальчик! Почему ты всегда такой одинокий и печальный?» И подпись эта дурацкая... Ойё! Только сейчас сообразил... (*Проговаривает в стихотворном размере «Письма Татьяны Онегину».*) «Сто восемнадцать - двадцать восемь, ноль сорок девять - двадцать пять...» Короче, валентинку я порвал и выбросил. Больше за этот день вспоминать нечего. Зато на следующий день...

Картина 2

Школьный коридор с одним-двумя окнами. Опираясь спиной о подоконник, Виктор читает «Преступление и наказание». Выходит Сашка и становится рядом.

Сашка. Good morning, Виктуар!

Виктор. Буэнос диас, Алехандро!

Нехотя закрывает книгу.

Сашка. Что-то у тебя фейс какой-то перекошенный. Съел что-нибудь? Или дежурство достало?

Виктор. Да нет. Дежурить здесь в кайф: народу много не бывает. Не то, что у входа или в столовой...

Сашка. Значит, не перекошенный, а переначитанный. (*Старушечьим голосом.*) Вот чтение-то куда ведет! (*Указывает пальцем в пол.*) В самый омут! (*Своим голосом.*) Ты ужастик про девочку, которая из-за книг разучилась делать селфи, слышал?

Виктор. Слышал. Вот бы еще кого умного послушать, убивал Свидригайлов Марфу Петровну или не убивал?

Сашка. Извини, братан, здесь я тебе ничем помочь не могу.

Виктор. Без проблем, братан. Я же про умных говорил.

Сашка. Ах ты! (*Бьет согнутым локтем Виктора в бок. Приятели шутливо валтузят друг друга. Сашка поднимает руки.*) Все, сдаюсь! (*После короткой паузы.*) Я на входе Калинин у видел.

Виктор. И что?

Сашка. А то! Она там у всех пацанов спрашивает: «Свидригайлов – это ты?»

Виктор. «Чрезвычайное известие, неожиданное происшествие...» Ты вчера не спалился, когда валентинку передавал?

Сашка. Абижаиш, нацальника! Я, когда из кабинета Митрича вышел, моментом мелкого в колпаке чокернул. Он как раз Светке валентинку отдавал. Подождал, когда мелкий за угол задвинется, твою эпистолу ему втюхал и обратно к Светке завернул. Так что никакого палева.

Виктор. Ну да. А то бы она про Свидригайлова у тебя одного спросила... Блин, даже жалко!

Сашка. Жалко чего? Что не спалился? Не понимаю...

Виктор. Да и хрен с ним, не бери в голову... У нас вторым история по расписанию?

Сашка. Ага. Контрольная в формате ЕГЭ.

Виктор. Ты Аннушке Григорьевне, если спросит, навешай, что меня типа в поликлинику вызвали.

Сашка. А на кой?

Виктор. Попробуй догадаться. С трех раз. Сам же про контрольную говорил...

Сашка. Легко! Отгадаю с одной ноты. Это ты из-за Калининой решил на историю забить. Угадал? (*Виктор не от-*

вечает.) Угадал. Одного не пойму: а причем здесь Калинина?!

Виктор. У «ашников» вторым уроком окно. Владимир Павлович заболел. А первым физкультура. Мимо нас вот-вот пройдут. Кто в столовку, а кто в библиотеку...

Звонок.

Сашка. А если...

Виктор. А чтобы без «если», ты прямо сейчас Светлану у спортзала перехвати!

Сашка. Попробую. И что ей сказать?

Виктор. Даже не знаю...

Сашка. Ладно, что-нибудь придумаю.

Убегает. Виктор в сильном волнении отворачивается к окну, замирает. Выходят Светлана, Ленка и Валет.

Валет (Светлане). Ты не так все поняла! Ничего же такого не случилось...

Светлана. Ничего не случилось. И вообще мне до случившегося как-то фиолетово.

Валет. Но мы же насчет сценки договаривались! И как теперь?

Светлана. А теперь ты с кем-нибудь другим договаривайся. Вот с Леной, например. *(Ленке.)* Ты как, подруга?

Ленка (стрельнув глазами в сторону Виктора). Если ты не возражаешь...

Светлана (Валету). Так что не переживай, Лешенька, и ступай себе мимо. А мне надо с этим молодым человеком переговорить.

Становится рядом с Виктором и берет его под руку. Кинув на Виктора не обещающий ничего хорошего взгляд, Валет уходит.

Ленка. И я пойду. Не буду вам мешать!

Уходит.

Светлана (отталкивает руку Виктора). И о чем ты хотел со мною поговорить?

Виктор. «Свидригайлов» - это я.

Светлана. Ты?!

Виктор. Ты спрашивала, и я подумал: если для тебя это важно...

Не договаривает.

Светлана. О йё... *(Вздыхает.)* А, собственно, почему бы нет? *(Изображает что-то вроде книксена.)* Разрешите представиться: Раскольников, Авдотья Романовна!

Виктор (на несколько секунд «зависает», после чего пытается по-гусарски щелкнуть каблуками). Оч-приятно!

Светлана. В общем, так... Про конкурс «Сударь и сударыня» в теме? Я – Дуня, ты - Свидригайлов в сцене их последнего объяснения. Как тебе?

Виктор. Но почему я?

Светлана. Сам виноват, никто тебя за язык не тянул. Или ты свою записку дурацкую чисто по приколу написал?

Виктор. Нет, не по приколу... И не дурацкую.

Светлана. И это радует! Но мне сейчас интереснее другое. Участие в конкурсе. Да или нет, Аркадий Иванович?

Виктор. Я не смог бы тебе отказать и в большем.

Светлана. Опять двадцать пять! Мне открытым текстом сказать, или сам догадаешься, о чем я сейчас промолчала? Короче, репетировать начнем сегодня же. У меня. Адрес знаешь?

Виктор. Знаю...

Светлана. Подваливай часам к пяти. И книжку захвати.

Виктор. Обязательно. А шампанское, шоколад, фрукты?

Светлана. Главное, ананас не забудь, Аркадий Иванович!

Уходит.

Виктор. «Я не властитель дум твоих, В твоей судьбе я гость незванный...» (*Меняет интонацию.*) И это, к сожалению, для некоторых ничего не меняет.

Выходит Ленка.

Ленка. Светка уже ушла?

Виктор. Только что.

Ленка. Я ее в библиотеке ждала. (*Становится рядом с Виктором.*) Пока ждала, книжку интересную взяла почитать...

Виктор. Рад за тебя.

Отодвигается.

Ленка. «Винноваты звезды» называется. Не читал?

Виктор. Нет.

Ленка. А стоило бы! (*Виктор не отвечает, всем своим видом показывая, что разговаривать им не о чем. Ленка делает вид, что намеки Виктора ей непонятны.*) О чем задумался, страдалец?

Виктор. Страдалец?!

Ленка. Видел бы ты себя, когда смотришь на Светку и тебе кажется, что тебя никто не видит. Никак не можешь понять...

Виктор. Прекрасно все понимаю. И что? Твое-то какое дело? Свечку подержать хочется?

Ленка. А тебе обязательно надо меня обидеть, Торопов?

Виктор (*после короткой паузы*). «Сто восемнадцать - двадцать восемь, ноль сорок девять - двадцать пять...»

Ленка (*слишком эмоционально*). Не поняла?

Виктор. Никого обидеть я не хочу, но... Когда человеку, не желая его обидеть, внушают надежду, - это больнее.

Ленка. Что?! Хочешь сказать, я... Знаешь, Торопов... А

нифига ты не знаешь, что больнее!

Убегает. Настороженно оглядываясь, выходит Валет.

Валет. И чё, поговорили? А теперь, клоун, давай я тобой поговорю!

Виктор. Я весь во внимании, амиго. Чем обязан и нельзя ли в виде кратких тезисов обозначить предмет нашей беседы?

Валет. В натуре клоун! Будут тебе, урод, и тезисы, и аргументы! (*С угрозой.*) Значит, так... Еще раз возле Светланы увижу...

Виктор (*передразнивает*). И чё?

Валет. Ноги вырву и по морде! Понял, да?

Берет двумя пальчиками Виктора за ворот.

Виктор. А ты уверен, что получится? (*Отводит руку Валета в сторону.*) Интересно, а с какого бодуна тебе по темечку вбембало, типа я распоследнее чмо и меня пустым базаром опустить реально? Или ты манией величия торчишь на всю голову?

Валет. Чё-о?!

Виктор. Фильм «Назад в будущее – 2» смотрел? Цитирую почти дословно: «Валет, ты глухой или тупой?!»

Валет. Ну все! Сейчас я тебя горбатым и щербатым делать буду!

Сжав кулаки, надвигается на Виктора.

Виктор. Слушай, Валет, а давай я тебя удивлю?

Валет (*оторопев*). Чем?

Виктор. Да хотя бы этим!

Резко двумя пальцами снизу цепляет Валета за нос.

Валет (*сгибается пополам*). Пусти!

Виктор. А волшебное слово «пожалуйста» сказать? Фу, какой плёхой невоспитанни киндер! (*Разворачивает Вале-*

та, дает ему пенделя.) Катись колбаской по Малой Спасской! Катись сосиской по Старой Двинской! Не хрен тут сардельку из себя изображать! *(Пробежав несколько шагов, Валет разворачивается и делает вид, что готов наброситься на Виктора с кулаками. Виктор несколько раз сжимает пальцы вытянутой вперед ладони).* Гоу! Гоу ту до мэне, бамбино!

Валет. Мы еще встретимся, урод!

Виктор *(резко подается вперед).* Ха! *(Валет вздрагивает, но находит в себе силы уйти шагом, не срываясь на бег. Проводив его взглядом, Виктор берет в руки книгу и пытается читать.)* «Не правда ль, Дунечка, забавно мир устроен: лежит печать глумления на всем...» Нет, не так... «Не правда ль, Дунечка, забавно мир устроен: на всем лежит глумления печать...» *(Что-то торопливо записывает в своем блокноте, после чего снова открывает книгу. Звонит звонок.)* А ведь убил!!!

Выходит Сашка.

Сашка. Где? Это ты про кого?

Виктор. Про Свидригайлова, вестимо.

Сашка *(касается пальцем Викторова лба).* П-шшш!

Виктор. Нет, я в натуре только сейчас понял, что убил...

Сашка. Все, финиш! Как там у тебя? «Картина Репина «Приплыли» в картину Репина «Не ждали»? А ведь я предупредал!

Виктор. Нет, ты прикинь, у Достоевского про «убил – не убил» так накручено, что вину Свидригайлова доказать нельзя, а сам он своей вины не признает... Выходит, если бы Раскольников в преступлении не признался, он бы тоже себя грохнул?

Сашка. Ты лучше это все для Митрича прибереги. Из

меня слушатель...

Виктор. Не могу, меня трясет всего... А ведь убил Свидригайлов Марфу Петровну! Не зарезал, не застрелил, не задушил – убил, может, резким словом, упреком, от которого у нее сердце склешило. Тем, что, узнав про сплетни о Дуне, в сердцах на нее кулаком замахнулся...

Сашка. Поэтому потом и застрелился. Совесть замучила.

Виктор. А вот фиг вам в вигвам! Он даже перед смертью вины своей за Марфу Петровну не чувствует. Тут дело в другом. Ему, в отличие от Раскольникова, пойти было не к кому. Дуня не из тех, кто...

Сашка *(перебивает).* То есть если бы Свидригайлов запал на Соню, а не на Дуню...

Виктор. Сана, блин! Ты, оказывается, умнее, чем кажешься!

Сашка. Але, гараж! За базаром следи! Не будь ты мне другом с первого класса...

Виктор. Но ты по-любому прав. Каторга для Раскольникова – наименьшее из зол. И заметь, муки совести здесь совсем ни при чем.

Сашка. А ты у нас самый умный, да? *(Из своего рюкзака достает учебник литературы.)* А с этим как? Вообще-то учебники доценты с кандидатами пишут. А то и целые доктора наук. Так что не пытайся быть оригинальным и поменьше выеживайся, брателло, – тебя не поймут!

Виктор. Ну да. *(С иронией.)* «Совесть Раскольникова не выдержала испытания убийством, что привело к раскаянию, покаянию и, благодаря любви Сони Мармеладовой, к последующему возрождению героя на каторге...» Реально хрень. Он и на каторге до последнего сопротивлялся. Его же слова: «Если совесть кого замучает, то и пусть мучает»

ся. Туда ему и дорога!» И про Соню, будто она, несмотря на жизнь по желтому билету, чистоту сохранила, точно такая же хрень.

Сашка. Так ведь душевную чистоту имеют в виду.

Виктор. А при такой жизни вообще о какой чистоте речь? Она, когда Раскольников у себя ждала к одиннадцати часам, успела с утра пораньше... Раскольников чуть в осадок не выпал: «Вы гуляли?»

Сашка. И чего тут особенного? Подумаешь, прогулялась...

Виктор. «Гуляла» - значит по желтому билету. В романе прямо не сказано, но намек прозрачный. Смотри сам... *(Открывает нужную страницу.)* «Вы гуляли?» «Да», - отрывисто прошептала Соня опять смутившись и потупившись...» Понимаешь, Сана, она так сама себя казнит, думая, что никого ее грешнее нет. Поэтому и отказывает себе в праве осуждать даже откровенного убийцу... Говоришь, не поймут?

Вздыхает.

Сашка. На Митрича надеешься?

Виктор. Надеюсь.

Сашка *(после короткой паузы)*. Да, кстати... Случайно слышал, как Валет внизу грозился после школы тебе стрелку забить. Он что, debil?

Виктор. Да нет. Ко мне после махача с шоблой Шарика уже почти два года никто не прикапывался, а Валет только в прошлом году в нашу школу перевелся.

Сашка. Помощь нужна? А то я впишусь. Давно руки чешутся этому мажорчику в табло засветить!

Виктор. Посмотрим. На всякий случай будь рядом – вдруг и этот шоблу соберет? Двоих-троих я уделаю, но если будет больше – подключайся...

Сашка. Договорились!

Картина 3

Слышен шум отрываемой двери.

Светлана. Приветик, заходи! Вау! Да он еще и с ананасом!

Виктор. Как и обещал.

Светлана. А синяк под глазом откуда?

Виктор. Да так... Нечаянно о косяк двери в темноте приложился.

Светлана. О косяк, значит? Ну-ну, знаем мы такие косяки. Куртку можешь повесить сюда...

Комната Светланы. Небольшой диван. Книжный шкаф с огромным количеством книг за стеклянными дверцами. Раскрытый ноутбук на столе у окна. Над диваном на стене висит гитара, на стене рядом - плакат с Виктором Цоем.

Первой входит Светлана, оробевший Виктор с книгой в руках следует за ней.

Светлана. Не стесняйся, будь как дома, но держи себя в руках и контролируй... свои бурные эмоции, господин Свидригайлов! А то знаем мы вас. А я девушка беззащитная, родителей дома нет, на помощь прийти некому...

Виктор. Но позвольте, Авдотья Романовна! Ежели мы собираемся репетировать, то я по роли вроде как обязан проявить явную нескромность и преступную наглость своих намерений...

Светлана. Размечтался!

Виктор. А что ты сделаешь? «Так значит, выстрелишь, зверок хорошенький?»

Светлана. Мы уже репетируем? Проходи, садись, я сейчас...

Уходит. Прежде чем сесть, Виктор кладет книгу на диван и осматривается в комнате.

Виктор. «Покажи мне, как ты живешь, и я скажу, какая ты...»

Прислушивается и торопливо присаживается на краешек дивана. Входит Светлана, церемонно вкатывая сервировочный столик с двумя чашечками, кофейником и вазой с домашним печеньем.

Светлана. Угощайся!

Наливает кофе себе и Виктору.

Виктор. Роскошь! Блаженство! Тронут! Весьма!

Светлана. Гостей, прежде чем говорить о деле, принято поить чаем или кофе. Но учти, судя по содержанию твоей записки...

Не договаривает.

Виктор. Понял. Кстати, у Льва Гаврилина есть забавная миниатюра: «Приглашал кот соловья в гости: «Прилетай запросто: может, и споешь. Если успеешь!»

Светлана смеется и садится вполоборота к Виктору. Берет чашечку с кофе, кивком приглашая Виктора сделать то же самое.

Светлана. Кушай печенье, Витенька, не стесняйся! Сама, между прочим, готовила.

Виктор. Из твоих рук я готов выпить даже яд!

Берет чашечку и демонстративно медленно отпивает из нее.

Светлана. Ну вот! Гадюкой обозвал!

Легонько бьет Виктора кулачком в бок.

Виктор. Гадюкой? Когда?! И вообще гадюки - они красивые, но маленькие. Будь ты анакондой, я был бы счастлив умереть в твоих объятиях...

Светлана (*отодвигается в угол дивана*). С вами все ясно, Виктор Свидригайлович! Потаскун! Кто про что, а вшивый все про баню!

Виктор. Неправда ваша. И не вшивый я вовсе...

Светлана. То есть насчет потаскуна ты не против?

Виктор. А чё сразу потаскун? Вполне нормальная реакция, между прочим, на присутствие очаровательной девушки...

Светлана. Та-а-ак... Еще слово на эту тему, и мы услышим звук пощечин!

Виктор. Сдаюсь, верю, больше не буду! Разве что... (*Поставив чашечку, снимает со стены гитару, садится, играет и поет.*)

Я играла в мяч ручной
За спортивные награды,
И была я центровой,
И ударчик был что надо!

Я авосечку свою
Из руки переложила,
Кавалеру моему
Меж букашек засветила!³

Светлана. Надо же, он еще и поет!

Виктор. Ага, пою я классно. А знала бы ты, как я танцую. Ой! Нечаянно вырвалось!

Закрывает щеки ладонями.

Светлана. Поешь, танцуешь... Наверно, еще и стихи сочиняешь?

Виктор (*после короткой паузы, дрогнувшим голосом*).
Бездарно тратил дни
Я в праздной суете,

Осуществлял мечты,
Да все не те!..
И сам себе сдавал
Я мелочью с рубля,
Пока любви не знал,
Не знал тебя...

Встает, вешает гитару на место, садится и старательно отводит глаза, чтобы не встречаться взглядами со Светланой.

Светлана. Прикольно... Только втирать не надо, будто это ты сам сочинил. Ни за что не поверю!

Виктор. Ну да. Это я Интернете надыбал. Специально, чтобы на тебя впечатление произвести.

Светлана. А что, не так? *(Виктор не отвечает.)* Ладно, хватит пустяками заниматься. *(Отодвигает столик в сторону.)* Платье я для сценки придумаю, а вот твой наряд нужно обговорить...

Виктор. А чё там обговаривать? Сделаю цилиндр из бумаги...

Светлана. Цилиндра мало. Оденешь под белую рубашку толстый свитер. Поверх рубашки какой-нибудь жилет, вместо галстука - черный бант из узкой ленты. Морщины я тебе подрисую, бакенбарды и усики тушью подведу. Здорово бы лысину сделать...

Виктор. То-то народ, меня с лысиной увидев, обхохочется.

Светлана. Слабо шевелюрой пожертвовать?

Виктор. А ты знаешь, чего она мне стоила?

Светлана. Знаю!

Виктор. Выходит, я уже знаменит?

Светлана. Рассказывай! Я хочу иметь информацию из

первоисточника, а то гонят всякое.

Виктор. Только держи себя в руках. Есть один нюанс... Это я насчет пощечин.

Светлана. Постараюсь.

Виктор. Значит так... Нарвался я однажды в коридоре на четвертом этаже на Великую Екатерину. А ей Горыныч-обэженщик как раз накануне наябедничал, что его увещеваниям по поводу приведения юношеских голов в порядок перед допризывной комиссией я, единственный из класса, не только не внял, а имел наглость над его пламенной речью пострематься. Мол, с головой у меня порядок полный. В отличие от тех, кто привык строем ходить. Короче, был у Екатерины повод надавить на меня своим мощным авторитетом. Поманила меня она пальчиком и объявила громким шепотом, чтобы, кто рядом стоял, слышали, типа я прической смахиваю на евнуха. Заплохело мне - не передать! Недели две на стену лез. А тут в натуре допризывная комиссия. Собрали нас в конференц-зале поликлиники штук сорок обормотов со всего района и заставили голыми по кругу от одного врача-специалиста к другому бегать. Чтобы побыстрее и без лишней волокиты...

Светлана. Представляю!

Виктор. И как?

Светлана. Что «как»?

Виктор. Твоя реакция на сорок бегающих туда-сюда голых мальчиков? Ой, блин, опять вырвалось!

Светлана *(смеется)*. Вполне нормальная, между прочим, реакция. Не отвлекайся!

Виктор. Короче, когда я перед хирургом стоял, меня и бомбануло: «Доктор, а не могли бы вы мне телегу выпилить, что с этим у меня все в порядке?» Доктор сперва чуть

очки не уронил, но чуть погода дико развеселился и телегу выписал. С личной печатью и все как положено: «Настоящая справка выдана Торопову Виктору Владимировичу для предъявления по месту требования в том, что...» Ну, что с этим самым у меня... того самого... все тип-топ, короче. (*Светлана сдерживается, но сдерживается из последних сил.*) Я после полдня в школе по этажам бегал, чтобы с Екатериной пересечься. Дождлся. Подошел, поздоровался и вежливо объяснил, что она насчет евнуха не права, так как у меня по этой теме официальный документ имеется. И справку предъявил. Потом биология... После звонка классная входит, пополам от хохота согнувшись. На меня пальцем показывает: линяй отсюда, придурок, а то я урок вести не смогу. Мол, в учительской цирк: Екатерина капли глотает: «Наглец! Дурак! Шпана невоспитанная!» - а педагоги пацталом от смеха ползают и Екатерину увещевают: не вздумайте Торопову дурака навесить - он вам еще одну справку принесет!

Светлана, всхлипнув, закрывает лицо руками. Виктор пьет кофе.

Светлана. Хорошо, береги свои локоны. Лысый Свидригайлов, пожалуй, в натуре перебор. (*Берет в руки принесенную Виктором книгу.*) Текст придется сокращать. Лучше, я думаю, начать отсюда. Дуня входит первой. Ее реплика: «Хоть я и знаю, что вы человек... без чести, но я вас несколько не боюсь. Идите вперед...» Нет, нелогично - она в гостях, значит первым выходишь ты. (*Переворачивает страницу.*) Вот твои слова, читай!

Виктор. «Если бы вы не верили, то... (*Сбивается на кашель, но, откашлявшись, читает почти нормально.*) То могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне?»

Зачем же вы пришли? Из одного любопытства?»

Светлана. «Не мучьте меня, говорите, говорите...» Хм... Здесь не совсем понятно... Ага, нужно добавить. (*С надрывом.*) «Вот ваше письмо... Разве возможно то, что вы пишете? Вы намекаете на преступление, совершенное будто бы братом. У вас не может быть никаких доказательств. Вы обещались доказать: говорите же! Но знайте заранее, что я вам не верю! Не верю!..»

Виктор. «Если бы вы не верили, то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне? Зачем же вы пришли? Из одного любопытства?»

Светлана. Кошмар!

Виктор. Что не так?

Светлана. Все! Если ты будешь продолжать в том же духе, никакого выступления не будет. Я еще с ума не сошла, чтобы участвовать в аванюре, где по твоей милости нас ждет сокрушительный провал.

Виктор. А что не так? Текст невыразительно прочитал? Или тихо? Или, наоборот, слишком громко?

Светлана. Текст не главное! Без движухи на сцене зрителям неинтересно. Все, что от тебя требуется, - сущность Свидригайлова показать, а не только тупо за него слова проговаривать!

Виктор. А в чем его сущность, по-твоему?

Светлана. Способен на любую мерзость - раз! Мотивы его поведения по отношению к Дуне абсолютно прозрачны - это два! Подлость на примере его отношения к Марфе Петровне очевидна - это три! Вот и играй подлеца и похабника: нахмуренными бровями, сладострастным взглядом и потиранием рук...

Виктор. Нахмуренными бровями и сладострастным

взглядом? Мы что, комедию играть готовимся?

Светлана. При чем тут комедия? Я, между прочим, пятый год в драмкружке в нашем ДК занимаюсь...

Виктор. А ты представь, в каком угаре народ в зале пену рвать начнет, когда я вот так брови нахмурю, так ручонки потру и с таким вот сладострастием на тебя смотреть буду? *(Встает и показывает, как именно. Светлана краснеет и машинально касается воротника блузки. Виктор перестл кривляться, глухим голосом.)* «...Нечего и говорить, что вы храбрая девушка. Ей-богу, я думал, что вы попросите господина Разумихина сопровождать вас сюда... Впрочем, в вас всё божественно... Что же касается до вашего брата, то что я вам скажу? Вы сейчас его видели сами. Каков?»

Светлана. Давай лучше отсюда: «Оставьте меня! Клянусь, я опять выстрелю... Я... убью!»

Виктор *(не заглядывая в текст)*. Так, значит, выстрелишь, зверок хорошенький?!

Светлана. Не так! У Достоевского... *(Находит нужную страницу, читает.)* «...Знаю, что выстрелишь, зверок хорошенький. Ну и стреляй!» *(Оба склоняются головами над книгой, переговариваются неслышно для зрителей, жестикуют, каждый доказывая свое.)* Все, хватит! *(Решительно хлопывает книгу.)* Смысла нет с невыученными словами репетировать. За пять дней слова выучишь?

Виктор. Да не вопрос! *(Вздыхнув, понимает с дивана, делает несколько шагов к выходу и останавливается.)* А можно еще кофе?

Светлана *(передразнивает)*. Да не вопрос! Сейчас заварю...

Виктор. Не надо, и холодный сойдет. Там в кофейнике еще

порядком оставалось. У вас, Авдотья Романовна, кофий отличный, печенье чудное подают-с, и уходить не хочется...

Светлана наливает Виктору кофе. Короткая пауза, во время которой Виктор успевает сделать два-три глотка.

Светлана. О чем задумался, Аркадий Иванович?

Виктор. Естественно, о любви, Авдотья Романовна.

Светлана. О любви?! Странно слышать про любовь от человека с вашей репутацией.

Виктор. А у нас с вами, Авдотья Романовна, разные представления о любви.

Светлана. Охотно верю, Аркадий Иванович. Уважающая себя девушка никогда не согласится иметь с вами что-либо общее. А с вашими представлениями о любви – тем более.

Виктор *(передразнивает)*. «Уважающая себя девушка...» Ну да. Уважающие себя девушки о жизни знают все!

Светлана. А что, по-твоему, чистых возвышенных чувств вообще не бывает?

Виктор. Бывает. Только...

Не договаривает.

Светлана. Что «только»?

Виктор. Любовь – сама по себе возвышенное чувство. Потому что возвышает любого. И беда Свидригайлова в том, что он любит, как умеет, а не так, как по общепринятому мнению любить полагается.

Светлана. Не поняла?

Виктор. А чего здесь непонятного? Кто как мычит, тот так и телится. Свидригайлов просто не понимает, что с ним происходит. Он привык получать все, чего хотел, а с Дуней он обломался по полной.

Светлана. Естественно...

Виктор. А не так все просто, как тебе кажется. Воспринимая Дуню обыкновенной женщиной, он легко добился бы от нее того, в чем от других женщин не знал отказа.

Светлана. Врешь! Дуня умна и порядочна!

Виктор. Разумна, то есть? Ничего не имею против. Только чувство любви разумному объяснению не поддается. Любим не за что-то, а потому что не получается не любить, даже когда на взаимность шансов – ноль...

Светлана. Ты специально умничаешь, чтобы взрослее казаться?

Виктор. Специально так говорю, чтобы меня тупым не посчитали! Или мне плакат на грудь повесить: «Я у папы с мамой не дауном родился, книги читаю с пяти лет по три-четыре в неделю и поэтому самостоятельно думать умею»?

Светлана. Бинго! Только ты на главный вопрос так и не ответил. Почему Свидригайлов пытается совратить Дуню, если любит?

Виктор. А потому! Представь, какое омерзение вызовет паук своим желанием к кому-то приласкаться? А паук не виноват, что пауком родился. Как и Свидригайлов... И заметь, он от разврата отказывается в самый последний момент. Догадайся, почему?

Светлана. Совесть не позволила.

Виктор. Опять двадцать пять! Вот поэтому с Достоевским в школе у многих зашквар. Он слишком сложен, а если все проблемы его героев к наличию-отсутствию совести свести, читать его как бы уже не обязательно. Совесть, говоришь? У Свидригайлова?! Он-то как раз сумел «разрешить себе кровь по совести», чего не удалось Раскольникову...

Светлана (*передразнивает*). «К отсутствию совести свес-

ти...» Полный отпад! А еще круче можешь?

Виктор. Понимаешь, Светлана... Я сейчас, честное слово, не умничаю, но мне буквально сегодня днем по темечку ударило, чем по-настоящему велик Достоевский. Он читателя и героя на одной дыбе наизнанку выворачивает, чтобы читатель главное понял. Без чего жить нельзя.

Светлана. Раскольников, между прочим, не погиб, а возродился к новой жизни благодаря Соне Мармеладовой.

Виктор. Правильно! Потому что благодаря Соне он это *главное* понял. Имея перед глазами пример того же Свидригайлова.

Светлана. Которого как раз темные страсти и сгубили!

Виктор. И они тоже. Это Раскольникову с Соней повезло – окажись она на месте Дуни, она бы и Свидригайлова простила и пожалела.

Светлана. То есть ты хочешь сказать, что в смерти Свидригайлова Дуня виновата? И если бы на месте Дуни оказалась Соня...

Виктор. Дорогая передача, я фигею! Сегодня в школе Сашка Карпинский мне примерно о том же втирал!

Светлана. Хочешь сказать, у дураков мысли сходятся?

Виктор. Наоборот. Кстати, Сашка гораздо умнее, чем кажется... Конечно, Дуня не виновата: Свидригайлова спасти нельзя. Любовь действительно спасает, но полюбить развратника значит возлюбить разврат. Дуня не такая – есть черта, которую она не может переступить, и ей, в отличие от Сонечки, которая уже за чертой, есть что терять.

Светлана. В одном с тобой соглашусь: «Полюбить развратника...» Мерзавец - он и есть мерзавец.

Виктор. Спорить не буду, но почему-то мне его больше всех жалко. Больше, чем Раскольникова и несчастную Ли-

завету...

Светлана (*язвительно*). Еще бы! Есть, стало быть, между вами точка общая?

Виктор. Стало быть, есть.

Светлана (*после короткой паузы*). Ты учти, Торопов, мое отношение к Свидригайлову-мерзавцу ни на чуть не изменилось и вряд ли изменится. А теперь про точку общую между вами еще раз подумай, и догадайся, к чему я это сказала?

Виктор. Догадываюсь... (*Ставит чашечку на столик.*)

Пойду я, пожалуй. Спасибо за кофе. *Встает.*

Светлана. Не за что. Ты, главное, слова выучи!

Затемнение.

Действие второе

Виктор (*выходит на авансцену*). Двадцать второго февраля, придя в школу, я первым делом обратил внимание на плакат с сообщением по поводу тематического вечера для старшеклассников «Сударь и сударыня». Плакат был классный. А когда я в списке участников внизу увидел свою фамилию, у меня почему-то сильно забилося сердце... Уроки в этот день тянулись на удивление мучительно и долго...

Картина 4

Звонок и шум, с которым школьный народ выходит на перемену. Кабинет литературы, что и в Картине 1. Ученики собирают вещи и уходят, кроме Настя, Виктора, Альки и Сашки.

Настя (*убирая учебники, Виктору*). Не знаешь, куда Леха

Велетов делся? Его пятый день в школе не видно.

Виктор. Может, заболел? А почему ты о нем у меня спрашиваешь?

Настя. А потому, что у тебя синяк под глазом почти прошел и ты в школу ходишь.

Виктор. Ништяк себе логика! По-твоему, если у меня синяк и я хожу в школу, то должен знать, куда делся Валет?

Алька. Логика самая та, между прочим! Если у тебя синяк под глазом, то Велетов, надо понимать, одними синяками не отделался?

Настя. Вот именно! Поэтому он и в школу не ходит. А ты, Торопов, садист!

Виктор. А это ничего, что их двое было? Двое против одного?

Сашка. Подтверждаю. Я за гаражами стоял и все видел.

Настя. Все равно садист!

Виктор. Ну да. (*Передразнивает.*) Логика та самая, между прочим! (*Насте.*) Кстати, а тебе-то что до Валета? Вы с ним, вроде бы, никаким боком не контактируете...

Настя. Светка Калинина интересовалась.

Виктор. Калинина?! А ты здесь причем? И причем здесь я? Я-то с ним точно никаким боком. Он мне не родственник и ни разу не друг...

Алька. Поэтому и спросили! Ленка Волынцева извелась вся. Ей с ним выступать на вечере. А теперь из-за тебя...

Виктор. Из-за меня? Приплыли, блин, я еще и виноват!

Настя. А кто Велетову стрелку забивал? Я ваш разговор с Карпинским слышала.

Сашка. А нефиг было подслушивать!

Настя. А нефиг было так громко кричать? Я не подслушивала, просто слышала...

Виктор. Слышала, да не расслышала. Специально для блондинок поясню: забивал не я, а мне. И никакой стрелки бы не было, будь у Валета чувство юмора. Никто не виноват, что он из тех, кто на шутки обижается!

Алька (*смеется*). Если бы меня так витиевато и уклончиво дурочкой обозвали...

Настя (*перебивает, выразительно глядя на Виктора*). Я бы такому на глубину маникюра в рожу вцепилась!

Виктор. Именно поэтому, Настенька, никто на тебя и не обижается. Боятся согрешить.

Настя. Что-о?!

Виктор. Расслабься - у тебя с чувством юмора как раз все в порядке. Не то что у некоторых. Подумаешь, всего-то один анекдот Валету рассказал. Про ежика. Про суслика не успел: Валет не пойми с чего за ежика обиделся и забил мне стрелку...

Настя. Про ежика?

Виктор. Ага. Научился ежик попой дышать: сел на пенек и задохнулся.

Настя, как-то странно хрюкнув и закрыв лицо руками, выбегает в коридор. Алка, тоже едва сдерживаясь, выбегает следом.

Сашка. Что это с ними?

Виктор. Фантазия разыгралась. С девчонками это часто бывает. Есть такой тест на воображение. Про карлика. Покажи любой и убедишься, что у них все не как у людей: услышат одно, придумают другое...

Сашка. Про карлика? Не слышал...

Виктор (*протягивает в его сторону ладонь*). Представь: у меня на руке стоит карлик. Только хорошенько представь, как он выглядит, какого цвета на нем курточка, какой кол-

пачок, пуговицы на курточке... Представил?

Сашка. Ну...

Виктор. А теперь возьми его за нос!

Сашка (*вытягивает вперед сложенные щепотью пальцы*). Взят. Что дальше?

Виктор (*другой рукой показывает расстояние от ладони в два раза больше*). А карлик-то вот такой!

Сашка. И где прикол?

Виктор. Какое у тебя здоровое ассоциативное мышление! Ты той же Насте этот тест или еще кому из девчонок покажи - увидишь, в каком направлении у них ассоциации работают!

Сашка. Думаешь, имеет смысл показать?

Виктор. Имеет. Еще как имеет!

Входит Алка.

Алька. Мальчики, я, кажется, телефон оставила. Не находили? (*Заглядывает под парту*.) Сашка, Настя просила напомнить: ты про репетицию не забыл? Ой, вот он где!

Поднимает телефон и уходит.

Сашка. Аля, подожди!

Выбегает из класса вслед за Алькой. Оставшись один, Виктор собирает вещи и нечаянно роняет на пол книгу, поднимает ее раскрытую при падении, раскрывает книгу, садится и читает.

Виктор. «...Народ пьянствует, молодежь образованная от бездействия перегорает в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях...» (*Захлопывает книгу*.) «Так значит, выстрелишь, зверок хорошенький? Стреляй же! Ну?! Не медли, не жалей!» (*Садится за парту, достает свой заветный блокнот и что-то торопливо записывает. Входит Сашка и молча убирает в рюкзак учебник и тетрадь*.) Ну

как?

Сашка. Терпимо. По морде не получил, но был назван гнусным пошляком. Ты меня спецом подставил? Друг, называется!

Виктор. Зато убедился, какое у тебя здоровое ассоциативное мышление? В отличие от некоторых.

Сашка. Убедился. Целых два раза.

Виктор. Кого-то еще протестировал?!

Сашка. Ага. Калинину. У кабинета истории про тебя спрашивала. Сначала про Валета спросила, потом про тебя.

Виктор (*встрепенувшись*). А ты?

Сашка. Я ее послал.

Виктор. Охренел?!

Сашка. Расслабься, братан, я ее не так послал, как ты подумал, а к мужскому туалету. Мол, минуту назад видел, как ты туда входил. Приплясывая, и глаза у тебя были красные-прекрасные...

Виктор. Капец!

Хватается за голову.

Сашка. Подстава за подставу. Ладно, не переживай. Не видел я Светку, и никто меня про тебя не спрашивал.

Виктор. Ну блин... Ты, Сана, короче, за карлика меня извини. Что-то я весь на нервах... (*Вздыхает.*) Я бы многое отдал за то, чтобы она кого-нибудь и когда-нибудь про меня спросила. А чтобы вдруг сейчас в класс вошла и сказала: «Витька, привет!» - такое даже представить себе не могу...

Входит Светлана в длинном зимнем пальто и с двумя пакетами в руках.

Светлана. Ты уже здесь, Торопов? Привет.

Опускает пакеты на парту рядом. Короткая пауза.

Виктор (*растерянно*). Что значит «уже»?

Светлана. Я с Максимом Дмитриевичем договорилась на счет репетиции в кабинете литературы и даже с его разрешения ключ на вахте взяла. Тебе что, не передали?

Виктор. Нет.

Светлана. Неважно, раз ты все равно уже здесь. Начнем?

Сашка. Не буду вам мешать. Мы с Настей репетируем в кабинете музыки. (*Смотрит на часы.*) Через час. Оп-па! Так я еще пожрать успею!

Уходит быстрым шагом.

Светлана. Интересно, могло ли быть слово «пожрать» в лексиконе Аркадия Ивановича Свидригайлова?

Виктор. Думаю, нет. И у Дуни, и у Раскольниково тоже. Почему-то кажется, что из всех героев романа так изысканно выражаться мог бы, пожалуй, только Лебезятников... Ты не передумала?

Светлана. С чего бы?

Виктор. Ну, мало ли...

Светлана. Скажи лучше: слова выучил?

Виктор. Выучил. И даже сладострастный взгляд и потирание рук отрепетировал.

Светлана. То есть можно надеяться, что ты сценку не провалишь?

Виктор. Я?!

Светлана. Не я же!

Виктор (*встает*). Перед лицом моих товарищей и классиков отечественной литературы торжественно клянусь сценку не провалить и оправдать оказанное мне доверие. Зуб даю, если вру!

Светлана. Хотелось бы верить. Костюм приготовил?

Виктор. Приготовил. Показать?

Светлана. Естественно! (*Снимает пальто и едва сдерживает улыбку, заметив, какое впечатление на Виктора производит своим костюмом Дуни Раскольниковой.*) Впечатляет?

Кокетливо поворачивается, взвихрив подол длинной юбки и сверкнув ногами в белых чулочках и полусапожках на высоком каблуке.

Виктор. Впечатляет... Один ваш поцелуй, сударыня, - и умирать не страшно!

Светлана (*взглядом опускает его ниже плинтуса*). Жалко, сейчас Чернышевского в школе не проходят. «Что делать?» - книга скучная, но кое-что полезное в ней есть.

Виктор. Что именно?

Светлана. Например: «Никогда не давай поцелуя без любви»...

Виктор (*хватает ее за руки*). Так, значит, не любишь?

Светлана (*холодно*). Мы уже репетируем?

Виктор (*отпускает ее руки и делает шаг назад*). Конечно! А ты о чем подумала?

Светлана. А ты?

Виктор. «...Как хотите, но заметьте, я говорил еще только в виде предположения... А вы твердо уверены, что я Марфу Петровну отравил?»

Светлана. Стоп! Так дело не пойдет! Я в тебе Свидригайлова в упор не вижу. Переодевайся!

Виктор. Тогда стой на стреме, а то подвалит Екатерина Великая или еще кто из учителей - и все, накрылась твоя репутация! Заметь: твоя, а не моя.

Светлана. Почему моя?

Виктор. А я справку предъявлю. В том, что намерения имел самые серьезные и готов на тебе жениться.

Светлана. Балабол! (*Отходит к двери, приоткрывает ее и выглядывает в коридор.*) Начинай - в Багдаде все спокойно!

Виктор (*снимает свитер, достает из рюкзака и надевает другой, серого цвета, потом белую рубашку и жилет. Последним водружает на голову «цилиндр» и скрещивает руки на груди*). Готово!

Светлана (*обернувшись*). А ничего получилось. Похож!

Виктор. Это комплимент или оскорбление? (*Достает из рюкзака игрушечный револьвер и передает его Светлане.*) Осторожнее: он заряжен. Бабахнет неслабо.

Светлана. Однако, шуточки у вас, Аркадий Иванович! Не опасно?

Рассматривает револьвер.

Виктор. Я еще умом не кукукнулся, чтобы заряжать его по-настоящему, зная, что целиться ты будешь в меня. Там просто пистон особой конструкции.

Светлана. Проверим?

Наводит револьвер на Виктора и нажимает на курок. Ничего не происходит.

Виктор. Дай сюда! (*Берет револьвер, что-то в нем поправляет, цитируя Свидригайлова.*) «Зарядили неаккуратно. Ничего! У вас там еще есть капсюль. Поправьте, я подожду».

Отдает револьвер Светлане.

Светлана (*усмехнувшись, снова наводит револьвер на Виктора*). Ба-бах!

Нажимает на спусковой крючок. Громкий выстрел с выбросом пламени и дыма из ствола.

Светлана, ойкнув, роняет револьвер.

Виктор (*изображая Свидригайлова*). «Бросила?!»

Светлана. Да ну тебя! Предупреждать надо!

Виктор (*пожимает плечами*). А типа я не предупреждал?

Светлана. Ладно, забили! Что там дальше по тексту после «Бросила»?

Виктор (*не задумываясь, цитирует по памяти*). «Он подошел к Дуне и тихо обнял ее рукой за талию. Она не сопротивлялась, но вся трепещет как лист, смотрела на него умоляющими глазами. Он было хотел что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить он не мог...»

Отводит глаза в сторону.

Светлана. И в чем проблема? Чего стоим, кого ждем?

Виктор откладывает книгу, встает, медленно надвигается на нее, зажмурившись, вытянув вперед руки.

Виктор. Не могу... (*Останавливается.*) В мозгах засело и не вытряхнуть, что сейчас Екатерина обязательно войдет и спросит: «Что здесь происходит, молодые люди?»»

Светлана. А мы ей ответим: «Не подумайте плохого, Екатерина Васильевна! Мы сценку репетируем!»

Виктор. Не прокатит. Вернее, прокатит, но то, о чем она подумает, из ее мозгов тоже вряд ли вытряхнется.

Светлана. Что именно?

Виктор. Опасение, не станет ли наша образцово-показательная школа рассадником разврата. Ты, естественно, вне подозрений, а за себя не поручусь. И тут никакая справка не поможет. Слишком глубоко в образ вошел. Конкретно по системе Станиславского: «я в предполагаемых обстоятельствах...»

Светлана. Ну, если ты так глубоко в образе, действительно не стоит сейчас этот момент репетировать. Как-нибудь на сцене разберемся...

Короткая пауза.

Виктор. Хорошо у меня еще заряд остался. (*Поднимает с пола револьвер, заряжает его и передает его Светлане.*) Но учти, этот точняк последний.

Светлана. Надо же, он еще и пиротехник! Оказывается, я о тебе так мало знаю...

Виктор. А ты меня совсем не знаешь, Светлана... (*Меняет интонацию на ерническую и насмешливую.*) Во мне такое обилие достоинств, что на их фоне даже присущие мне недостатки кажутся милыми и симпатичными!

Светлана. А не является ли, сударь, склонность к хвостовству главным вашим достоинством?

Убирает револьвер в дамскую сумочку, которую достает из пакета с аксессуарами для своего выступления в образе Дуни Раскольниковой.

Виктор. Это всего лишь самый большой и оттого самый милый мой недостаток. О главном же моем достоинстве по причине исключительной, феноменальной и не имеющей аналогов в мировой истории скромности, местами переходящей в застенчивость, я промолчу.

Светлана. Я давно заметила: больше всех иронизируют над собой люди с комплексами. О чем ты сейчас на самом деле думаешь?

Виктор. О чем думаю? (*Отвернувшись.*)

От жажды умираю над ручьем,
Смеюсь сквозь слезы и тружусь, играя;
Куда бы ни пошел, везде мне дом;
Пустыня — мне страна моя родная! ³

Светлана. Не поняла?

Виктор. «От жажды умираю над ручьем...» То есть скорее умру, чем напьюсь не из твоих ладоней. Был во Франции в пятнадцатом веке поэт, Франсуа Вийон...

Светлана. При чем здесь Вийон? До начала чуть больше часа, а мы репетировать еще и не начинали! Давай хоть текст прогоним! *(Листает книгу.)* Хотя бы отсюда... *(Читает.)* «Каким образом вы можете его спасти? Разве его можно спасти?»

Виктор *(никуда не заглядывая).* «Всё это от вас зависит, от вас, от вас одной. Вы... одно ваше слово, и он спасен! Я... я его спасу. У меня есть деньги и друзья... Зачем вам Разумихин? Я вас также люблю...»

Светлана. Перебор! Слишком на жалость давишь, вместо того чтобы...

Виктор. А тебе не кажется, что именно так он и должен вести себя?

Светлана. Снова гнать будешь, типа беда Свидригайлова в том, что его никто не жалеет? Ага, подвалил такой к Дуне весь из себя несчастный: «Пожалей меня с разбегу!»

Виктор. Нельзя героя на сцене изображать одной краской. Пусть Свидригайлов в своих чувствах к Дуне истеричен и жалок, они его человеком характеризуют. Доведенным до предельной степени отчаяния, но человеком!

Светлана. Надо же, под какую философскую базу обыкновенного похабника подвел! *(Передразнивает.)* «Доведенным до предельной степени отчаяния...» Свидригайлов Дуню просто домогается, и не надо ля-ля, что «он ее любит как умеет».

Виктор. Говорил уже: если бы он хотел ее взять, взял бы! Помнишь его слова Раскольникову о потаенных струнах женской души? Он сорвался, когда она сама шла ему навстречу, испугал ее своею страстью. И это опытный развратник пятидесяти с лишним лет? На практике неоднократно убеждавшийся, что «даже весталку можно совра-

тить» - лестью или еще чем, без разницы. Та же Марфа Петровна, спрашивается, что в нем нашла? А в номерах кто ему мешал завалить завалить Дуню в кровать? Она же после выстрела чувств лишилась, обмякла вся, а для насильников это именно то состояние, когда они по отношению к женщине мужскую силу проявить способны!

Светлана. Ого, удивительная осведомленность про насильников! Интересно, откуда?

Виктор. От верблюда! Плод моих эротических фантазий! Сама же говорила: есть между нами точка общая! А сможешь отмахнуться от моих слов, будто они ничего не стоят? Мужчина в любимой видит большее, чем она собою представляет, и получить от нее мечтает больше, чем она, как женщина, способна ему дать. Да, это пугает и может показаться чем-то грязным...

Светлана. Тогда это пока не для меня! И если ты с первого раза не понял, еще раз повторяю: терпеть не могу тех, кто изо всех сил пытаются показать, типа они взрослее, чем на самом деле, и умнее всех!

Виктор хочет что-то сказать, и как раз в это время в класс заглядывает Валет.

Валет. Света, можно тебя на минутку?

Кивнув в ответ, Светлана выходит. Виктор садится за парту, горбится и закрывает голову руками. Продолжительная пауза. Входит Светлана.

Светлана *(как ни в чем не бывало).* Продолжим?

Виктор. После того, чему я невольно оказался свидетелем, мне нужно прийти в себя.

Светлана. Надо же, как красиво сказал! С пафосом, дрогнувшим голосом... А чему, собственно, ты оказался свидетелем? Что ты видел? Воображение разыгралось, молодой

человек? И попрошу вас, юноша, учесть: есть вещи, которые вас не касаются! Так что давай-ка лучше репетировать!

Виктор. А какой смысл? Зачем тогда тебе понадобилось именно со мной готовить эту сценку?

Светлана. Ты действительно хочешь, чтобы я ответила?

Виктор. Если честно, то не очень. Но ты все-таки ответь.

Светлана. Хорошо. Во-первых, твоя записка натолкнула меня на идею инсценировки по «Преступлению...» и идея показалась мне классной. А во-вторых... А во-вторых, когда я узнала, что «Свидригайлов – это ты», я сразу подумала, что теперь я очень хорошо понимаю Дуню и знаю, как ее сыграть.

Виктор. Именно потому, что я – «Свидригайлов»?

Светлана. Именно поэтому.

Виктор. Наверняка еще и «в-третьих» было.

Светлана. Было. Алексей мне предлагал инсценировать письма Апухтина – первое от лица героини, второе как бы ответ на него со стороны героя. Отличные стихи, между прочим. Потом мы с Велетовым поссорились, и я получила твою валентинку. И еще... Знаешь, Торопов, я и раньше была о тебе невысокого мнения, но когда узнала, о какой дверной косяк ты головой ударился, мое мнение о тебе упало ниже некуда. Доказывать девушке свои чувства дракой с ее парнем – на мой, взгляд, низко и подло. Именно поэтому я очень хорошо понимаю Дуню и еще сильнее захотела ее сыграть. С тобой.

Виктор (после короткой паузы). Ты права. Пытаться что-то доказать девчонке, угрожая физической расправой своему сопернику, действительно подло и низко. Так что ладошки, давай репетировать дальше!

Виктор (выходит на авансцену). Даже просто прогнать текст с нашими репликами полностью мы не успели – минут за сорок до начала вечера по классу забежали девчонки из 10-го «А», каким-то образом узнавшие, что кабинет свободен и ключ от него находится у Светланы. Забежали, засуетились, меня сапоги на бальные туфельки, подкрашиваясь и поправляя прически, – то есть мое присутствие сразу оказалось лишним.

Светлана (на фоне приглушенного девичьего смеха и шушуканья). Подождешь меня в примерке! И не очень маячь у всех на виду – зрители не должны видеть актеров в гриме и театральных костюмах до начала действия. Ву компрене?

Виктор. Уи. Маячить у всех на виду сэ нэ па комильфо!

Картина 5

Ставший на время примеркой закуток между кабинетом музыки и школьным актовым залом, забитый старыми декорациями и ненужной мебелью. В накинутой на плечи простыне туда-сюда прохаживается вымазанный коричневой гуашью Сашка. В строгом костюме-тройке с артистической бабочкой на шее попирает плечом старый шкаф Валет. Рядом с ним Ленка в строгом вечернем платье и с высокой прической а la «серебряный век». Настя (Дездемона) и Алька (Одинцова) тихо шепчутся между собой. За их спинами маячит «Б а з а р о в» в «балахоне» из мешковины. Перед пыльным зеркалом вертятся Бекки Тэтчер и Софья Фамусова. Том Соьер и Чацкий стоят в сторонке, всем своим поведением демонстрируя ироническое отношение к происходящему.

Входит Виктор.

Сашка. Явление шешнадцатое: те же, и Торопов... Хады сюды, брателло!

Виктор. Сказало Отелло... (*Пожав другу руку, окидывает Саику критическим взглядом.*) В натуре Отелло, блин!

Сашка. А то! (*Кривляется и поет.*) «Рамамба Хару Мамбуру! Рамамба Хару Мамбуру!»

К Виктору и Саике подходит Настя.

Настя. Здравствуйте, мальчики!

Виктор. Вау! Здравствуй, Настя. Зачётная из тебя Дездемона получилась!

Настя. Спасибо! Да никак ты, Витенька, обратил на меня внимание?

Виктор. Как не обратить – одно декольте чего стоит! Возникают определенные мысли, знаете ли...

Настя. Нахал!

Виктор. Будешь тут нахалом, когда перед глазами та-а-кое... *Вытягивает вперед голову.*

Настя. Слушай, Торопов, еще одно слово на эту тему, и ты со своими подковырками будешь не просто нахалом, а побитым нахалом! Или поцарапанным!

Виктор. Ага, на глубину маникюра... Извини, но ничего с собой поделать не могу. Не могу сдержать свой восторг перед Прекрасным. О как я был слеп! Хотя... Помнишь, осенью? Ты тогда в школу пришла в офигенной мини-юбке, и у меня родился стих: «От сексапильных ножек нашей Нас-ти во мне бушуют низменные страсти!» Прости, стих довольно глупый, но...

Настя. Не такой уж и глупый. Если честно, я тогда не очень-то и обиделась.

Подходит Ленка.

Ленка. Алё, народ, вы подружку мою Светку Калинину не

видели?

Виктор («шаркнув ножкой»). Видели-с. Оне велели передать: скоро будут-с. (*Оценивает Ленкин наряд.*) Никак под Наташу Ростову молотишь?

Ленка. Нет. А что, похожа?

Виктор. Вылитая Натали!

Ленка. Сам-то кем будешь?

Виктор. Разрешите представиться... (*Дурашливо раскланивается.*) Аркадий Иванович Свидригайлов! Житель счастливой страны простодушных Иванов.

Ленка. Теперь вижу. Вылитый Свидригайлов!

Виктор. Реально похож? И сладострастно потирать ручонки не надо?

Ленка. А сладострастно – это как? Покажи!

Виктор. Увы! (*Разводит руками и убирает их за спину.*) Это для меня самое трудное в работе над ролью...

Сашка. А хотите анекдот в тему? Однажды поручик Ржевский сказал Наташе Ростовской очередную пошлость, после чего та вся в слезах прибежала к Пьеру Безухову...

Входит Светлана, и Сашка замолкает.

Светлана. Начинаем! Сначала парад литературных героев, потом выступление и третий тур - общий вальс в финале. Все готовы? Пары выходят с интервалом в тридцать секунд, как только заиграет музыка...

«Артисты» парами становятся в колонну, в которой Виктор и Светлана оказываются четвертыми.

Виктор. А что делать тем, кто вальс не умеет?

Светлана. А кто мне втирал, что хорошо танцует?

Виктор. Так я же не о себе беспокоюсь, а о тех, кто...

Светлана (*перебивает*). Их проблемы! Руку мою возьми, тормоз! Вообще-то не я, а ты должен был предложить мне

руку!

Звучит музыка и приглушенные аплодисменты. Первыми на дефиле уходят Настя-Дездемона и Отелло-Сашка.

Виктор. Руку?! С превеликим удовольствием! И сердце?

Светлана. Давай! Я собираю разбитые сердца, как индеец скальпы.

Берет его под руку.

Виктор. Согласен. Мое разбитое сердце будет жемчужиной твоей коллекции.

Светлана. Не будет. И перестань трястись! Тебя так колбасит, что вот-вот штукатурка со стен посыплется. И вид у тебя какой-то перекошенный...

На дефиле под аплодисменты уходят Валет и Ленка.

Виктор. Не перекошенный, а задумчивый. Стою вот рядом с тобой, весь из себя озабоченный: а что если Лешенька тебя приревнует и все такое?

Светлана. Не пытайся острить, Торопов, сейчас у тебя это плохо получается. Соберись, скоро наш выход.

Виктор. Помню. *(В сторону.)* «Так значит, выстрелишь, зверок хорошенькой?»»

Базаров и Одинцова уходят. Аплодисменты.

Светлана. Что ты там бубнишь?

Виктор. «Стреляй же! Ну?! Не медли, не жалей!»

Светлана. Не поняла?

Виктор. Потом поймешь. Может быть...

Светлана. Все! Наша очередь!

Светлана и Виктор торжественно шествуют на выход.

Затемнение.

Сашка и Настя играют сцену.

Сашка *(с характерным для дурной самодеятельности надрывом).*

О, сладкое дыханье! Правосудье

Само бы меч сломало пред тобой.

Еще, еще... О, будь такой по смерти!

А я тебя убью. Еще, последний раз...⁴

Настя. Кто здесь?!

Сашка. Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Хлесткий удар и Настин крик. Хохот в зале. В гримерку, влетает взъерошенный Сашка с обморочно закатившей глаза Настей на руках и опускает ее на пол. Вокруг Насте начинают суетиться Светлана, Бекки Тэтчер и Софья Фамусова.

Светлана. Где-то здесь был аптечка... *(Роется в ящиках шкафа.)* Нашла!

Опускается на колени перед Настей и приводит ее в чувство при помощи склянки с нашатырным спиртом. Настя, чихнув, приходит в себя и «убивает» взглядом удрученного Сашку.

Настя. Он душил меня по-настоящему! Кретин!

Сашка. Ну извини! Переволновался...

Настя. Переволновался?! Представляете, я, блин, лежу там вся такая, типа на ночь волосы расчесываю, а этот подходит и рычит: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» - потом бац мне пощечину и давай душить! Кретин! Маняк недоделанный!!!

Сашка. Я думал, так по роли положено. Вроде он ее перед тем, как душить, разбудить хотел.

Настя. Слова лучше учить надо! Там до «Молилась ли ты на ночь...» два раза мои реплики! Кого будить, если Дездемона уже разбуженная?!

Сашка. Зато уже отстрелялись! А то я, едва на сцену вышел, подумал: вот-вот помру от страха...

Виктор. Ты верняк про «помру» думал? Или о чем-то другом?

Сашка. Верняк. А ты о чем подумал?

Виктор. О памперсах. Даже не знаю, с чего бы?

Сашка. Зато я знаю. Давай, сбегая? У тебя еще минут через пять до выступления – я успею!

Настя. Я же говорю: кретин!

Сашка. Кто?

Виктор (*перебивает готовую ответить Настю*). Ну не я же!

Светлана (*Насте*). Ошибаешься. Их здесь два кретина!

Входят Алька и Базаров.

Алька (*смеясь, цитирует*). «О друг мой, Аркадий Николаевич! Об одном прошу тебя: не говори красиво!» (*Замечает лежащую на полу Настю.*) Вы что, снова репетируете? На бис выступить готовитесь?

Настя. Нет, это мы выясняем, кто из нас кретин.

Светлана. И сколько кретинов среди нас. (*Виктору.*) Следующие мы. Готов? Нет, все-таки зря я отказалась в паре с Лехой выступать!

Вздыхает.

Картина 6

Сцена в школьном актовом зале. Сбоку дверь в гримерку, из которой в нужное время выходят на сцену «судари и сударыни». Ближе к рампе – стул с гнутыми ножками и узорчатой высокой спинкой. Выходит Виктор, останавливается и ждет, когда Светлана встанет рядом.

Виктор (*берет Светлану за руку*). «Пойдемте поскорее. Я не желаю, чтобы Родион Романович знал о нашем свидании... Он знает почему-то о моем к вам письме и что-

то подразумевает... Чего вы боитесь? Извините, что я так грубо говорю. Сам я живу от жильцов. Софья Семеновна живет со мною стена об стену... Чего же вам бояться, как ребенку? Или я уж так страшен?»

Светлана (*слегка манерно*). Хотя я и знаю, что вы человек... без чести, но я вас несколько не боюсь. Идите вперед. Софья Семеновна предупреждена?

Заученным перед зеркалом жестом поправляет накинутый на плечи платок.

Виктор (*выходит к рампе, оглядываясь и как бы показывая взглядом и жестами убранство Свидригайловского номера*). Позвольте справиться, дома ли... (*Делает вид, что стучит в стену и прислушивается.*) Нету. Но я знаю, что она может прийти очень скоро. Заметьте эту дверь, она заперта на ключ. Вот там за дверью сидела Софья Семеновна и разговаривала с Родионом Романовичем. (*Кладет обе руки на спинку стула.*) А я здесь подслушивал, и, уж конечно, мог узнать что-нибудь, как вы думаете?

Светлана. Вы подслушивали?

Виктор. Да, я подслушивал. Теперь пойдете ко мне. Здесь и сесть негде.

Делает вид, что пытается увести Светлану.

Светлана (*решительно отбрасывает его руку и достает из сумочки бумажный конверт*). Вот ваше письмо! Разве возможно то, что вы пишете? (*Кидает конверт под ноги Виктору.*) Вы намекаете на преступление, совершенное будто бы братом. Знайте же, что я еще до вас слышала об этой глупой сказке и не верю ей ни в одном слове. У вас не может быть никаких доказательств. Вы обещали доказать: говорите же! Но заранее знайте, что я вам не верю! Не верю!.. *Закрывает лицо руками.*

Виктор (*медленно наклоняется и поднимает конверт*). Если бы вы не верили, то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне? Зачем же вы пришли? Из одного любопытства?

Светлана. Не мучьте меня, говорите, говорите!

Виктор. Он приходил к Софье Семеновне и сообщил ей полную свою исповедь. Он убийца. Он убил старуху-процентщицу, у которой закладывал вещи, и сестру ее, торговку по имени Лизавета... нечаянно. Убил он их обеих топором, который принес с собою...

Светлана. Этого быть не может! Быть не может, нет никакой, ни малейшей причины, никакого повода... Это ложь! Ложь!

Виктор. Он ограбил, вот и вся причина. Он взял деньги и вещи.

Светлана. Да разве вероятно, чтоб он мог украсть, ограбить? Ведь вы его знаете, видели? Разве он может быть вором?

Виктор. Тут, Авдотья Романовна, тысячи и миллионы комбинаций... Разумеется, я и сам бы не поверил, если бы мне передали со стороны. Но своим собственным ушам я поверил...

Светлана. А угрызения совести? Вы отрицаете в нем высокое нравственное чувство? Да разве он таков?

Виктор. Ах, Авдотья Романовна, теперь все помутилось... Русские люди вообще широкие люди, широкие, но беда быть широким без особой гениальности... Вы очень бледны, Авдотья Романовна!

Светлана. Я эту теорию его знаю. Я читала его статью в журнале о людях, которым всё разрешается... Мне принесил Разумихин...

Виктор. Господин Разумихин? Статью вашего брата? В журнале? Есть такая статья? Не знал... Но куда же вы, Авдотья Романовна?

Светлана. Я хочу видеть Софью Семеновну. Куда к ней пройти? Пусть она...

Виктор. Софья Семеновна не воротится до ночи. Она должна была прийти, если же ее нет, то уж очень поздно...

Светлана. Ах, так ты лжешь? Я вижу... ты лгал... ты все лгал! Я тебе не верю! (*Вырывается и кричит, заламывая руки и глазами делая Виктору какие-то знаки.*) Не верю! Не верю! (*Виктор подходит ближе. Светлана злым шепотом.*) Стул подвинь, бестолочь!

Виктор (*торопливо придвигает стул, на который Светлана тут же «опускается без чувств», но умудряется при этом принять красивую позу*). Авдотья Романовна, что с вами, очнитесь! Мы его спасем, выручим. Хотите, я увезу его за границу? Все это от вас зависит, от вас одной! (*Рвет ворот «сюртука» и хватает Светлану за руки с такой страстью, что она одергивает их, испугавшись его порыва по-настоящему.*) Вы... одно ваше слово, и он спасен! Я... я его спасу. Я возьму еще вам паспорт... вашей матери... зачем вам Разумихин? Я вас также люблю... Я вас бесконечно люблю. Дайте мне край вашего платья поцеловать, дайте, дайте!

Опускается на колени и судорожно всхлипывает, продавливая спазм в горле.

Светлана (*шепотом*). Не переигрывай!

Виктор. Скажите мне: сделай то, и я сделаю! Я все сделаю. Я невозможное сделаю. Чему вы веруете, тому и я буду веровать. Я все, все сделаю! Не смотрите, не смотрите на меня так! Знаете ли, что вы меня убиваете...

Встает и отворачивается.

Светлана (*отбежав, стучит кулачками в воображаемую дверь*). Отворите! Отворите дверь!

Виктор. Там никого нет дома. Хозяйка ушла, и напрасный труд кричать: только себя волнуете понапрасну.

Светлана. Где ключ? Отвори сейчас дверь, сейчас, низкий человек!

Виктор. Я ключ потерял и не могу отыскать.

Светлана. А? Так это насилие!

Становится так, чтобы между ней и Виктором был стул.

Виктор. Вы сказали «насилие», Авдотья Романовна... Софьи Семеновны дома нет, до Капернаутовых пять закрытых комнат... Да и не поверит вам никто: ну, с какой стати девушка пошла одна к одинокому человеку на квартиру?

Светлана. Подлец!

Виктор. Подумайте лучше об этом; судьба брата и матери в ваших руках. Я же буду ваш раб... всю жизнь... я вот здесь буду ждать... (*Сгорбившись, садится на стул. Светлана «дрожащей» рукой достает из сумочки револьвер и направляет его на Виктора.*) Ага! Так вот как! Вы мне чрезвычайно облегчаете дело сами, Авдотья Романовна!

Встает.

Светлана. Смей шагнуть хоть один шаг, и, клянусь! я убью тебя!»

Виктор. Знаю, что выстрелишь, зверок хорошенький. Ну и стреляй! (*Встает и делает шаг в ее сторону. Светлана, зажмурившись, спускает курок, и Виктор дергает головой, когда раздается выстрел. Виктор, коснувшись волос руками и, словно бы рассматривая на пальцах кровь, смеется.*) Укусила оса! Стреляйте еще, я жду!

Делает еще один шаг вперед.

Светлана (*умоляющим голосом*). Оставьте меня! Клянусь, я опять выстрелю... Я... Я убью.

Вновь направляет на него револьвер.

Виктор. Так значит выстрелишь, зверок хорошенькой?! Стреляй же! Ну?! Не медли, не жалеи! (*Светлана отбрасывает револьвер и закрывает лицо руками, не забыв при этом красиво тряхнуть головой и изогнуть руки в локтях.*) Бросила! (*Медленно подходит к Светлане и обнимает ее и говорит тихо, обращаясь только к ней.*) Я люблю тебя. Прости, я все понимаю, понимаю, что зря, но я очень сильно тебя люблю...

Сдерживается изо всех сил, чтобы не заплакать. Светлана упирается кулачками ему в грудь, поднимает глаза и вздрагивает.

Светлана (*громко, умоляющим тоном*). Отпусти меня!

Виктор отпускает ее, отшатывается, медленно скользит руками по ее рукам, пока ее ладони не остаются в его ладонях.

Виктор. Так не любишь? (*Светлана отрицательно качает головой.*) И... не сможешь?.. Никогда?!

Светлана. Никогда!

Виктор (*выпускает ее ладони, отворачивается. Медленно достает из кармана ключ и, не оборачиваясь, передает его Светлане*). Уходите. Скорей! (*Светлана выходит на линию рамп для прощального поклона, после чего уходит. Раздаются приглушенные аплодисменты, но сразу обрываются, потому что Виктор продолжает стоять на месте. Усмехнувшись, он декламирует – без пафосного надрыва, горько и пронзительно*).

Так, значит, выстрелишь, зверок хорошенький?

Стреляй же! Ну?! Не медли, не жалеи!

И жизнь мою, как анекдотец пошленький,
Своей рукою зачеркни... Скорей!

Убей! Не жить тому, кто жить не хочет;
Мне Путь закрыт. Я мертв уже... почти.
Тот не живет, в чьих жилах гной клокочет,
В ком совесть выжжена, того уж не спасти.

Не правда ль, Дунечка, забавно мир устроен:
На всем лежит глумления печать —
Не в силах брат пожертвовать сестрою
И тем случайно убивает мать;

Сестра за брата на костер взойдет,
В постель с собою подлеца уложит,
Собой пожертвует и даже кровь прольет,
Но честь отдать развратнику не сможет;

Кто пьянствует, а кто в мечтах горит,
Себя уродуя в надуманных теориях,
Кто славы ищет, кто деньгой сорит,
Кто тело сушит в изошренных оргиях —

Всяк для себя собою промышляет,
И всех веселее живется тому,
Кто не юродствует, а замышляет,
Как легче себя самого обмануть.

Я не сумел... Не смел в любовь я верить,
И думал, что любви нет на земле,
Но, променяв ее на похоть зверя,

Я человека тем убил в себе.

О чем жалеть мне на краю могилы?
(Мне смерть страшна, но путь один остался
мне - умереть: я Господа отринул,
когда в разврате дьяволу предался.)

И если вдруг сподобиться - и жить,
Чтоб только жить, и мучиться напрасно?
Собою душу ближних отравить,
Опошлив в них любой порыв прекрасный?!

Ну и дела... Такого поворота,
Признаюсь, я не ожидал вовек...
Я сам покончу с этим анекдотом —
Развратный, низкий, подлый человек!

В глазах темно, и я уже не рад,
Что рядом ты, а полюбить не можешь...
И будто слышу Голос: «Каин, где твой брат?»
И отвечаю: «Я ему не сторож!»

...Отмучено горе, отцежено сердце,
Ум гаснет в чаду подступившего бреда...
Прощайте же, Дунечка! Все переменится:
Я место очистил — в Америку еду-с!
*Снимает сюртук и, перекинув его через плечо, уходит не в
гримерку, а на выход через зрительный зал. Тишина взры-
вается аплодисментами, переходящими в бурную овацию.
Затемнение.*

Виктор (*выходит на авансцену*). Вот, собственно, и вся история. Победителями конкурса и королем и королевой бала стали Валет и Ленка. Я не в обиде: «Письма» Апухтина они прочитали здоровски, а назначить победителями пару, где один из участников изображал Свидригайлова, было бы как-то стрёмно... Да и фиг с ним, с конкурсом. Мне важнее было... ну, вы поняли, что именно. «В глазах темно, и я уже не рад, что рядом ты, а полюбить не можешь...» (*Вздыхает.*) Прочее уже не имеет никакого значения. Разве что Достоевский... Ну и разговор с Митричем после конкурса.

Картина 7

Кабинет литературы. Виктор переодевается и убирает детали костюма Свидригайлова в рюкзак. Неслышно входит и останавливается в дверях Митрич, которого Виктор замечает не сразу, а, заметив, вздрагивает.

Виктор. Извините, Максим, Дмитриевич, вы меня почти напугали.

Митрич. Почти?

Виктор. Просто я в таком состоянии...

Митрич. Понимаю. Не постесняюсь признаться: ты меня снова поразил, Торопов.

Виктор. Спасибо, Максим Дмитриевич. Просто одно на другое наложилось...

Митрич. Догадываюсь, что именно. Тебе не позавидуешь, но когда-нибудь это станет одним из лучших воспоминаний в твоей жизни.

Виктор. Знаю, Максим Дмитриевич. Только сейчас мне от этого не легче.

Митрич. Может, останешься? Дискотека вот-вот начнется,

танцы-жманцы-обниманцы...

Виктор. Зачем? Ничего не изменится.

Митрич. Тоже верно.

Виктор (*после короткой паузы*). «Танцы-жманцы-обниманцы...» Странно слышать такое от учителя литературы.

Митрич. То есть и в твоём понимании я в устоявшийся в обывательском сознании обличко-моралес руссо маэстро не вписываюсь?

Виктор. Да уж. Такой разрыв шаблона...

Митрич. О, мой юный падаван, про преподав иногда такой трешняк гонят – полный капец. Типа все мы не от мира сего и кому-то обязаны отсвечивать в качестве примера для подражания. От чего я, между нами, мальчиками говоря, тащусь и угораю. Потому как представление, что учителя далеки от реальной жизни – чистой воды фигня и полная лажа. Ву компрене, мой юный падаван?

Виктор. Компрене в натуре, Максим Дмитриевич! (*Смеется.*) Не только разрыв шаблона, но и когнитивный диссонанс... Это вы специально, чтобы меня развеселить?

Митрич. Но ведь развеселил же?

Виктор. Есть немного.

Митрич. Вот видишь, легче стало. (*После короткой паузы.*) «В глазах темно, и я уже не рад, что ты со мной, а полюбить не можешь... И будто слышу Голос: «Каин, где твой брат?» - и отвечаю: «Я ему не сторож...» Твой? (*Виктор кивает.*) А у меня в твои годы такое вот было... (*Декламирует.*)

Новый день настанет, и не повезет:

Лучший друг обманет, девушка уйдет -

Ерунда на фоне слов «Ветхого завета»:

«Все проходит, все пройдет, в том числе и это...»

Виктор. Суперские стихи.

Митрич. Да нет, ничего особенного. Просто в нужное время вспомнились. С намеком.

Виктор. Я понял. Такой тонкий, ненавязчивый намек... Между нами, мальчиками, говоря.

Митрич (*напевает, отбивая ритм ладонью на поверхности стола*). «Все проходит, все пройдет, в том числе и это...» Мы с пацанами с восьмого класса в школьной группе играли. Иногда свое, но чаще, понятное дело, чужое перепевали... Ты что-нибудь из песен Александра Непомнящего слышал?

Виктор. Не знаю такого.

Митрич. А таких надо знать... Догадайся с трех раз, какие оценки у меня в школе по литературе были?

Виктор (*чувствуя подвох, неуверенно*). «Пятерки», какие еще?

Митрич. С седьмого класса по первое полугодие десятого почти одни тройки.

Виктор. Почти?

Митрич. В восьмом за третью четверть пару отхватил. Мы тогда как раз в клубе на танцах играть начинали.

Виктор (*ошеломленно*). Ништяк себе, прикол! И как же вы после этого в учителя?

Митрич. А я исправился! Песенку однажды услышал, потом сам ее сыграл и спел и исправился. Того самого, Александра Евгеньевича Непомнящего. (*Напевает.*)

А мир какой-то замызганный, серенькой,
Его б подкрасить – денег нет краски взять.

Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать...

Короткая пауза.

Виктор. И что потом?

Митрич. А потом я не только «Преступление», всего Достоевского перечитал. И не только Достоевского. Дальше, думаю, ничего объяснять не надо?

Виктор. Не надо. Выходит, и между нами есть точка общая, Максим Дмитриевич?

Митрич. Выходит, есть.

Короткая пауза.

Виктор. Спасибо вам за этот разговор. (*Встает.*) Я пойду, Максим Дмитриевич?

Митрич. Иди. Тебе о многом наедине подумать надо... Буэнос-ночес, амиго! Про доклад не забыл?

Виктор. Никак нет, сеньор маэстро!

Идет к выходу. Звучит «Песенка про Свидригайлова» на стихи А. Непомнящего.

Занавес

В пьесе использованы:

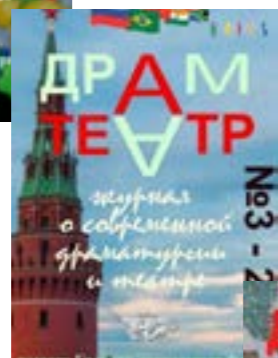
- 1 «Куплеты старухи процентщицы» А. Непомнящего
- 2 «Рассказ женщины» Ю. Визбора
- 3 «Баллада поэтического состязания в Блуа» Франсуа Вийона
- 4 «Отелло, венецианский мавр» В. Шекспира, в переводе П. Вайнберга

№ 1

№ 2

№ 3

№ 4

№ 5

Любимовка 2021

В московском театре «Современник» завершился XXXI фестиваль молодой драматургии «Любимовка». О пьесах, представленных на фестивале, рассказывает один из его ридеров, известный российский драматург Юлия ТУПИКИНА

В этом году в программе Любимовки были представлены пьесы из таких городов как Уфа, Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Рязань, Львов, Баку, Минск, София, Казань, Екатеринбург, Воронеж. Искусство, конечно, лучшая скрепа эвер, и в этом можно было убедиться на Любимовке: обсуждая пьесы, мы находим общечеловеческие ценности и формируем пространство понимания и приятия, которое и необходимо для действительно важного разговора с собой и другими, пространство для рефлексии о времени и месте.

Прекрасно, что Любимовка - это не фестиваль хорошо сделанных пьес, таково принципиальное решение создателей фестиваля. Любимовка ищет новаторские приёмы, новых героев, актуальный язык, волнующие общество темы - и то, что можно назвать

**Журнал ДрамТеатр
Гильдии драматургов России
ищет спонсоров!**

Электронный адрес редакции журнала

INFO@GPRUSSIAN.RU

настроением эпохи, или вайбом.

Что ещё важно: Любимовка - это университет, и можно многому научиться, если провести неделю в читках и обсуждениях, пропуская через себя всю изобилие оценок, мнений, интонаций, точек зрения. Удивительно, что новички склонны ругать отобранные пьесы, и только совершив усилие и послушав читки, ты растягиваешь мышцы своего восприятия, расширяешь свои горизонты и образуешь новые нейронные связи, позволяющие понять или хотя бы сделать эту попытку. Или ты продвинутый пользователь, и просто любишь, и наслаждаешься.

Прочитанные пьесы Любимовки я бы разделила на четыре кластера, каждый из которых одновременно вечен и современен.

1. Белорусская повестка

В этом году на Любимовке необычайно сильно были представлены пьесы из Беларуси. Все они возникли как опыт переживания кризиса политической системы. Все они осмысливают вольное/невольное участие, наблюдение - как если бы захваченные заложники решили бы отрефлексировать свой опыт. Время, как в пьесе Дмитрия Богославского «Катапульта», сжирает Вадика, но его жизнь была не напрасна.

Пьеса Анастасии Василевич «IS MY RAVE» - это домашнее видео о вечеринках, встречах с друзьями, о свободе и любви, но подтекст образуется сухими титрами, фиксирующими самое главное: этот человек был уволен, этот эмигрировал, тот бежал. По сути

перед нами процесс трансформации полевого луга с его разнотравьем и живой жизнью в унылый стриженный мёртвый газон, где нет места искусству.

Пьеса Виктории Коваль «Полгода» фиксирует ад с публицистической прямоотой - близкие события не всегда способствуют художественности текста, но эти хроники дорогого стоят. Искусство держит руку на пульсе, как было всегда, и как будет всегда, и периоды «стриженного газона» кончатся, как кончаются всегда - человек осмысливает жизнь через искусство, для него это естественно.

Самая мощная читка в этом блоке была сделана талантливым режиссёром Романом Кагановичем - он взялся за настоящий квест, предложенный анонимным автором tester - «Даркрум». Пьеса эта начинается как история взросления и преодоления травмы сексуального насилия, но возвращается к истокам - к родной Беларуси, тоже переживающей опыт насилия. Драматург комментирует это так: «Даже будучи не человеком, а предметом (собственно, к нам режим и относится как к предмету), ты находишь силы не стать жертвой, а через самопризнание себя объектом, сделать из себя оружие.

2. Поиск истинного «Я» / соединение со своими корнями.

Второй блок тем соединяет очень разные пьесы, но все они предлагают нам заглянуть внутрь себя и вместе с персонажами осуществить диалог с истинным Я, сбросить ложные маски, обновиться.

В пьесе Веры Бойцовой «Сегодня умер мой кот»

мы встречаем героиню, отправившуюся, как молодой Пётр I, изучать мир, но сохраняющую свои корни. Ей не сладко - то болезни, то депрессии, то болезненный поиск идентичности, но дома кот, и этот кот суперживуч. Драматург пишет: «Моя пьеса — ни в коем случае не позыв из серии «вокруг так темно, надо убить себя». Наоборот, всегда есть что-то, что может вернуть к жизни». Интересно, что если раньше обряды женской инициации включали в себя только подготовку к браку, деторождению, то сейчас мы как общество наслаждаемся моделью женской инициацией по мужскому типу: больно, мучительно, но ты вырастешь, становишься сильнее, ловче, и можно справиться с охотой и рыбалкой.

Продолжает тему женской инициации «Плотник» Лидии Головановой. Героиня хочет соединиться со своими корнями по мужской линии - для этого она восстанавливает сарай, построенный дедом. Дед умер, но память о нём жива, и внучка осваивает плотницкое ремесло, как бы выполняя завет «построй дом, посад дерево, роди сына». Аллюзии на Иосифа и крещение в воде тоже есть в этой пьесе, что придаёт ей философскую размеренность и глубину.

Татьяна Загдай в пьесе «Человек в закрытой комнате» тоже обращается к корням - изучает образ отца, его влияния на становление дочери. Отец умер, его тело нужно перевезти, но для дочери он как живой, и с ним приходится разговаривать. Драматург: «Мне кажется, я ещё больше понимаю своего отца с возрастом. Какие-то разговоры, возможно, могут так и не состояться, поэтому пьеса выполняет эту миссию».

О поиске себя также рассказывает нам Нина Захоженко в пьесе «Семь первых работ Алины». Алина - современная молодая девушка, но она не знает, кто она и для чего рождена. Она перебирает разные маски, социальные роли, занятия, и становится Трикстером - плутовкой-астрологом. Частично идентичность найдена, но в такого рода ярком сатирическом и комедийном тексте возможно продолжение, второй сезон - женская версия Остапа Бендера жива и актуальна, это имманентная черта жизни.

В азербайджанской пьесе Исмаила Имана «После Бали» в кризисе мы обнаруживаем молодого и перспективного мужчину, который вот-вот удачно женится и примкнёт к классу сытых, облачённых в тяжёлый люкс. Герой ищет смысл в такой жизни и не находит - голос его рода, униженного и сосланного в Казахстан в начале 20 века, и вернувшегося, нашедшего силы выжить, говорит ему о других ценностях. Герой прощается с Бали, который мог бы стать его дачей, и не женится, ну и слава богу - радуемся мы.

Тему «Полёты во сне и наяву» или «Красоты по-американски», с их героями в кризисе среднего возраста, поддерживает пьеса Тони Яблочкиной «Переспать с Леной и умереть». Взрослый и состоявшийся мужчина, женившись на молодой и красивой, вырастив сына, купив дом и машину, вдруг загрустил. Он спрашивает себя: кто я? Что я хочу на самом деле? И вдруг ловит слабый импульс, приводящий его к странным отношениям с бывшей подчинённой - той самой Леной. Ему кажется, что жизнь не имеет смысла, а зрителю горько и смешно

- драматург предлагает нам потрясающие диалоги, наполненные иронией.

В пьесе Елизаветы Карабановой и Наты Кель «Каток» мы видим уфимских подростков, тоже занятых поиском себя, своей подлинности, своей смелости быть не как все. Вербатим о тревогах и отчаянии, попытки любви и дружбы - вечные темы, и Сэлинджер задал тон давным-давно, и только время покушается на подростков в виде пьяного гопника. На читке мы видели не профессиональных актёров, а просто людей, и все они были такие разные, сохраняя общую для Любимовки ценность - быть собой, показывать индивидуальность, поддерживать «разнотравье».

В пьесе Анна Валуйских «Базовый тариф» поиски себя представлены будто подслушанными диалогами о своём месте в социальной иерархии, о своей ценности, которая будто бы вычисляема товарами народного потребления, а на самом деле экзистенциальна.

3. Насилие, несправедливость (прошлое и настоящее).

Безусловно, искусство создано человечеством в том числе как ответ на насилие. Театр начался с греческих текстов о войнах и походах, а также о трагедиях и произволе богов. Время шло, и эту традицию - реагировать на несправедливость, насилие - завещали нам великие классики вроде Льва Толстого и Фёдора Достоевского.

И в современном мире произвола и насилия не меньше. Карина Бесолти в пьесе «Наизнанку» рассказывает о судьбах женщин Кавказа, о традиции,

которая отжила, но продолжает воспроизводиться и ломать судьбы. Насилие в семье приводит к трагедии - и гуманитарная миссия искусства предупредить нас об этом, напоминать, чтобы торжествовала жизнь, а не смерть.

Викентий Брызъ (Виктория Костюкевич) и композитор Владимир Горлинский создали пьесу, имеющую структуру музыкального произведения - «Местоимения меня». Мир, в котором время распадается, как слова на слоги, в котором творится несправедливость, вмещает в себя случай острой любви и стремление выжить, сохранить себя. Ты пытаешься дышать и держать под контролем хотя бы собственный пульс, а мимо окон проносятся выброшенные младенцы.

Олег Маслов в пьесе «Бешеный хворост», только что поставленной Райхельгаузом в Школе современной пьесы, через модель школы показывает нам модель общества с определенной иерархией, субординацией, властью и подчинением. Автор: «Такая фактура даёт замечательную возможность для исследования. В обычном московском дворе, где я живу, расположена школа с кадетскими классами. Там в теплое время года постоянно проходят построения и марши. Когда я начинал пьесу, слышал у себя под окнами: «Здравия желаю, товарищ майор». Когда заканчивал, кадеты произносили уже: «Здравия желаю, товарищ подполковник». Учителя прессуют подростка, который посмел выйти на митинг, просто чтобы освободить пару мест для племянников губернатора, и в этом своём деле необычайно эффективны, прям как какая-нибудь Маргарита Симонян.

Зухра Яникова в пьесе «Тахир и Зухра» показывает нам настоящую любовную драму среди рабочих будней гастарбайтеров. Тут тебе и битва с прорабом за возможность попасть в роддом, и сказочный эпос, и комедийная дружба с русской пенсионеркой с её гифками и сентиментальностью. Во фринж-программу Любимовки попала вторая пьеса этого же автора - «Опыты с шифром Виженера», которая тоже посвящена теме насилия - тому особому параличу воли, который может случиться с жертвой и привести к травме.

В пьесе Булата Минкина «Tatar trip» исторические события - коллективизация в Татарстане - получают современную упаковку: герои из нашего времени как будто попадают в прошлое, чтобы на своей шкуре пережить продразвёрстку и голод, и попытаться изменить ход событий как это часто делает Тарантино в своих фильмах. Текст Минкина соединяет времена, помогая сегодня понять то, что было столетие назад, мы инвентаризируем то время, чтобы понять его суть, обновляем восприятие во имя настоящего изучения истории.

Виктория Емелева в пьесе «Рас-сказы» занимается проблемами семей с детьми аутистического спектра. Инклюзия, так необходимая нашему обществу (вспомните недавний случай на московской детской площадке, с которой хабалистая тётя пыталась выгнать особых детей), начинается с информирования - мы нуждаемся в знаниях о других людях, чтобы жить рядом и не убивать друг друга просто потому, что мы разные. Тот вербатим, который собрал драматург, является опытом проживания родительства, который временами

похож на подвиг или испытание.

Мила Фахурдинова в пьесе «Нож, которым я копаюсь в себе» рассказывает о том, что насилие не имеет пола. Такая попытка создать вне гендерный язык является интересным экспериментом и интересным зрительским опытом восприятия.

Ольга Казакова не только создала текст о взрывах домов в Москве в начале нулевых, но и как режиссёр реализовала его - читка «Ю-Ной-Ху» стала полноценным спектаклем. Документальный перечень погибших людей, кусочки их биографий вплелись в вокал хора, совершающего как будто отпевание, и в некий квиз, предложенный зрителю - отвечая на вопросы, мы становимся активными, а не пассивными свидетелями, а слушая художественный текст, переданный в особой телеграфной манере, мы останавливаем автоматизм восприятия и соприкасаемся с трагедией как будто впервые.

4. Выход из внутреннего кризиса, обновление, взросление.

Недаром человечество всегда хочет не только хлеба, но и зрелищ - мы хотим получать чужой жизненный опыт, чтобы знать, как жить, чтобы оптимизировать свои паттерны, свои шаблоны, чтобы быть счастливыми среди своего существования, которое очень легко может показаться бессмысленным.

Пьеса Фёдора Жельне «Жизнь после смерти» - возможно, самый светлый текст этой Любимовки. Он посвящён проживанию потери близкого человека, мамы. Как не свихнуться и не сойти с ума, если умирает твоя мама? Читайте в пьесе Жельне))) Герой держится

за реальность, чтобы не свалиться в ад, он учится видеть детали, смотреть на происходящее со стороны, видеть забавное. И это позволяет выжить.

В пьесе Глеба Планкина «Почтамт» герой идёт служить на почту, обретает там врага, любимую и долг, но не ломается, а взрослеет. В конце концов, это неизбежные этапы взросления: враг, любимая и долг, и с ними можно по-разному взаимодействовать.

Герой Игоря Витренко из «Рома, правда и подкасты» тоже взрослеет, когда обнаруживает, что говорить только правду - нехитрый, но неэффективный способ, и жизнь полна оттенков. Подросток Рома в итоге помогает маме обрести личное счастье, разруливает ситуацию с друзьями и учится самореализации.

В пьесе Марии Малухиной «Полярная болезнь» тундра метафорически пожирает людей, но выжившие героини взрослеют, пройдя сквозь бескрайность и язычество места, и бесправность времени - быть челноком в 90-е непросто, а страшно и азартно.

Прекрасный смешной и поэтический текст Полины Коротыч «Вадик поёт свою музыку» рассказывает нам о попытках строительства рая в одной Икее, и том, как на землю падает комета, но это не должно помешать нам петь свою музыку - то есть иметь свой голос, быть услышанным, увиденным, ценным - быть взрослым. Что интересно, это идеальная пьеса для семейного просмотра - и дети, и взрослые, как в лучших фильмах Дисней/Пиксар, найдут что-то своё. И как в лучшей литературе, ни капли дидактики - только лёгкость, современный язык, свобода.

Пьеса представлена в авторской редакции, сохранены стилистика и лексика. В тексте использованы табуированные выражения.

+18

Юлия ТУПИКИНА
российский драматург,
сценарист, журналист

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

Действующие лица

Полковник, 50 лет

Мария, 45 лет

Джи, 18 лет

Журналистка, 30 лет

Авель, 18 лет

Магда, 40 лет

Ева, 25 лет

Патрульный, 50 лет

1.

Гостиная в богатом загородном доме, на стенах – медали финишёра различных марафонов, кубки, памятные майки, фотографии измождённой, но счастливой Марии на гонках: на велосипеде, в гидрокостюме в океанах, морях и озёрах; Марии, бегущей по шоссе, горам,

пескам, равнинам, снегам. Семья Полковника и Журналистка расположились на уютных диванах возле накрытого для чаепития журнального столика, рядом работает съёмочная группа. Полковник, единственный из компании, попивает виски, от чего его состояние становится всё более неустойчивым. Его вид раздражает Журналистку и Марию, но они стараются не реагировать. Мария держит спину очень прямо, улыбается несколько напряжённо. Джи развалился и слушает музыку в наушниках, только изредка включаясь в разговор. Периодически издали доносится гул.

Мария. Этот шум меня бесит.

Журналистка. Мой первый вопрос будет вам, Мария. Как получилось, что вы, уже, так сказать, во взрослом возрасте, пришли в триатлон?

Мария. Триатлон для меня – это способ отдыхать и получать удовольствие от жизни. Но пришла я к этому не сразу. Сначала увлеклась бегом. А потом увидела репортаж с Ironman, и там было столько эмоций, столько счастья! И сразу...

Полковник (перебивает). А могла бы просто виски выпить. Тот же эффект.

Мария. И сразу поставила цель – финишировать на Ironman. Цель – это важно, абсолютно. В общем, купила слот, нашла тренера, и стала учиться плавать, бегать и крутить педали.

Журналистка. А раньше не умели?

Мария. Абсолютно. Пришлось учиться с нуля, абсолютно. Плавать кролем, ездить на велосипеде – у меня и велосипеда-то никогда не было. Знаете же, как раньше девочек воспитывали: сиди, играй с куклами.

Журналистка. Да, это ужас. Все эти годы патриархата.

Мария. И даже бегать не умела – нужно же не просто бегать, а с правильной техникой. А потом...

Полковник (перебивает). В сексе то же самое. Техника нужна. (Громким шёпотом Журналистке.) Она не владеет, хи-хи.

Мария. А потом научилась. Две-три тренировки в день – и всё получилось абсолютно.

Журналистка. А как вам удаётся держать баланс между таким количеством тренировок и вашей остальной жизнью?

Мария. Моя профессия – коучинг, специализация – высокие достижения. И спорт – это та область, в которой достижения как раз очень видны. Появилась возможность самой попробовать на практике всё, что я...

Полковник (перебивает). Попробовать на практике и вычеркнуть.

Журналистка. Полковник, а вы поддерживаете жену в спорте?

Полковник. Я регулярно её поддерживаю. За попку, за талию, ха-ха!

Мария натянуто улыбается, Журналистке её жаль.

Журналистка. Знаете, полковник, вы создаёте токсичную атмосферу.

Полковник. А у вас милые пальчики.

Журналистка. Что?

Полковник. Такие изящные пальчики.

Журналистка. Пальчики? Вы сексист?

Полковник. Я? Ну, секс я люблю, да.

Журналистка. Вы сексист и хам. И я оставляю жалобу в абьюз-патруль.

Полковник. Куда?

Журналистка. Абыюз-патруль. Это новая силовая структура, которая наказывает абыюзеров вплоть до физического воздействия.

Полковник. Ха-ха!

Мария. О прошу вас, не надо, полковник шутит!

Журналистка. Шутит? Придётся, видимо, рассказать зрителям о мизогинии и газлайтинге, которые вынуждены терпеть чемпионка по триатлону и гордость нашей страны.

Мария. Я вас умоляю...

Полковник (*перебивает*). Гослайтинге?

Журналистка. Газлайтинге.

Полковник. Как вас зовут, я запомнил?

Журналистка. Всё правильно, у абыюзеров плохая память на женские имена. Дебора.

Полковник. Дебора – это значит «пчела». Вы жалите как пчела, Дебора.

Мария. Пожалуйста, Дебора! Всё в порядке, просто полковник немного устал, у него, между нами, сложная секретная работа. Хотите ещё чаю? И бисквиты почти не попробовали.

Журналистка. Бисквиты очень вкусные.

Полковник. Пока она развлекается, я делаю что-то крайне важное для страны.

Журналистка. Да? Правда?

Раздаётся странный гул издали. Мария встаёт, чтобы закрыть окно.

Мария. Это шум, он уже достал.

Джи (*вынимает наушник*). Mom, should I go?¹

Полковник. Я поддерживаю безмятежность.

¹ Мам, я пойду?

Журналистка. Безмятежность?

Полковник. Главная проблема безопасности в нашей стране - отсутствие единства. Мы не едины. Ничего опаснее этого нет - и нет ничего важнее преодоления этой тенденции. Давайте так: дальше не для камеры. Это государственная тайна.

Журналистка. Хорошо. (*Оператору.*) Не снимай.

Полковник. Приходится находить очаги разобщения и работать с ними. «Безмятежность» – программа мероприятий нашего министерства, я её автор и лидер. Гигантское напряжение. Стресс. Его надо как-то снимать, вы меня понимаете?

Мария. Это действительно так. И это настоящий патриотизм.

Полковник. А дальше для камеры.

Журналистка (*оператору*). Снимай.

Полковник. Меня рвут битвы внутри моей души. Но спасает любовь к родине.

Журналистка. Понимаю. А как вы относитесь к бунтам против бедности?

Полковник. Если мудаки громят город...

Мария (*перебивая*). Безусловно, мы сочувствуем бунтам. В людях копилась обида, гнев, и они вышли наружу. Сердцем мы с ними. (*Поднимает правую руку со сжатым кулаком вверх, говорит в камеру.*) Я бы хотела попросить прощение у низших классов за превосходство над ними. Да, у нас больше денег, привилегий, силы воли, ума и таланта. Но это ничего не значит. Простите нас.

Полковник. Да, сердцем мы с ними. (*Мария пихает его под локоть и он тоже неуверенно поднимает руку,*

но тут же опускает.) Но безмятежность – наша новая этика. Мы работаем над внедрением этой этики. Детали рассказать не могу – это секретно.

Даже через закрытые окна доносится гул.

Журналистка. Я изучила вашу биографию и предыдущие интервью, полковник. Раньше вы не были связаны со спецслужбами, ваша профессия была вполне гражданская. Как новые задачи изменили вас?

Полковник. Никак. Когда всё начиналось, я тоже этого опасался. Сказал жене: «Если со мной будет что-то происходить, ты заметишь первой - и первой скажи мне об этом. Тогда уйду в отставку».

Мария. Он остался таким же ответственным, честным, порядочным, как и был.

Журналистка. И ваш сын – он тоже пойдёт по вашим стопам?

Джи (*снимая наушник*). What?²

Полковник. Да вынь эту гадость из ушей уже! Тебя спрашивают: пойдёшь по моим стопам или нет?

Мария. Или по моим.

Джи. I want to fight any violence. And for people to follow in my footsteps.³

Полковник. Мальчик у нас пацифист. Отправили в школу в Бостоне, и вот нахватался.

Джи. These is my own ideas.⁴

Мария. Джи недавно вернулся в страну, адаптируется. Как хорошо, что мир снова пришёл к идее границ, и семьи соединились.

Журналистка. Бороться с насилием – это тоже разновидность безмятежности, я правильно понимаю, Джи?

² Что?

³ Я хочу бороться с любым насилием. И чтобы по моим стопам шли люди

⁴ Это мои собственные идеи.

Джи. Well, I should think about it. Perhaps everyone has their own serenity.⁵

Журналистка. Мария, расскажите, пожалуйста, как вам удалось на прошлой неделе пробежать 750 километров по пустыне, да ещё и...

Мария (*демонстрируя искусственную голень*). С протезом, не стесняйтесь сказать. Как правильно, что инвалидов теперь называют людьми с дополнительными возможностями. Свой опыт я описываю в новой, восьмой по счёту книге, она будет называться «Настоящая женщина».

Журналистка. Ого! Книга уже готова? Но ведь вы только вернулись.

Мария. Надиктовывать книгу я начала ещё в палатке. Приходилось прятаться от ледяного ночного ветра, заворачиваться в грязный шерстяной ковёр, и там, размазывая солёные слёзы по щекам, я шептала главы на диктофон. Это была безумная гонка. Многодневный песчаный пробег на самообеспечении – это значит, всю еду, одежду и спальник ты несёшь с собой в рюкзаке, и с ним бежишь. Пески, жара, пыльные бури. Все думают, что пустыня – это только пески, но там разнообразный рельеф: есть выжженная земля, есть высохшие озера, есть сгоревшие леса или равнины пепла. Я хорошо подготовилась: посчитала каждый грамм своего рюкзака, обрезаю все нитки и даже – вы видите – сбрила все волосы, чтобы было легче бежать. Моя ложка самая маленькая в мире. Я лидировала с самого начала, и когда другие участницы гонки подбегали ко мне, и говорили что-то вроде «Hello, how are you», я тут же прибавляла скорость, и больше их не слышала. Они помогли мне выиг-

⁵ Ну, надо подумать об этом. Возможно, безмятежность для всех своя.

рать.

Журналистка. Потрясающе! Вы – мой кумир, Мария. Мы поместим ваше фото в начало рассылки и сделаем из вас эмоджи.

2.
Та же гостиная, примерно то же время. Полковник расстегнул рубашку до пояса, Журналистка ушла. Мария собирает чашки, Джи по-прежнему лежит на диване в наушниках.

Полковник. Наконец-то эта плоская жопа с зажатой челюстью свалила.

Мария. «Если мудаки громят город» - ты в своём уме? Совсем кукушечкой поехал? Тебя уволят, дебил.

Полковник. Машенька, но ведь они мудаки.

Мария. Ну конечно мудаки, только зачем говорить об этом журналистке? Мне пришлось подарить ей карбоновый велик. Чтобы она забыла, что ты сморозил.

Полковник. Мой анус и так всё время сжат, не надо ещё больше спазмировать его, дорогая.

Мария. Ты дебил и алкаш, и мне надоело спасать твой анус. Ещё не хватало, чтобы сюда припёрся абьюз-патруль! Ты портишь мне карьеру!

Полковник. Виски делать разучились, всё время какая-то горечь во рту.

Мария. Шуточки-прибауточки: «могла бы просто виски выпить», «регулярно поддерживаю за попку». Ты охренел совсем?

Полковник. Раньше это считалось смолл-током.

Мария. Раньше не было абьюз-патрулирования. Мне хотелось тебе въ...ать протезом.

Джи. Parents, I think we have an unhealthy atmosphere in the family. You are not meditating, and you need a shrink.⁶

Полковник (Джи). Говно от курицы. Приехал тут, Чацкий сраный. В жопу твой Бостон, и по-английски будешь там говорить. Понял, чмо?

Джи. Are you Kidding, dad? I don't understand your Russian humor. Mom, do you understand?⁷

Мария (полковнику, показывая своё бедро). Ты видишь? Четыре головки квадрицепса. Много часов, тысячи часов физической работы. Тренер мне сказал – и я делала. Вот такое доминирование я признаю.

Джи. Mom, are you ignoring me?⁸

Полковник. Я понял, понял. Маша, иди приседай, Маша.

Мария. Иди сам приседай, дебил! Надо было рассказать ей, как ты сломал мне ногу и я стала сраным инвалидом на всю жизнь!

Джи. Did he break your leg? You said it was at the race. You didn't tell me.⁹

Мария (Джи). Ты учился, не хотела тебе мешать.¹⁰

Джи. Can you hear me, mom?

Полковник. Ты сказала, что мы проехали.

Мария. Проехали? Ты е.....ся? У меня протез вместо ноги!

Полковник. Что ты вечно... ворошить прошлое... Я много раз просил прощения, Маша. Ну выпил, ну... бывает. Подарил тебе этот дом.

Джи. Shit.

⁶ Родители, мне кажется, у нас нездоровая атмосфера в семье. Вы не медитируете, и вам нужен психотерапевт.

⁷ то шутка? Я не понимаю ваш русский юмор. Мама, ты понимаешь?

⁸ Мама, ты игнорируешь меня?

⁹ Он сломал тебе ногу? Ты же говорила, это на гонке. Ты не рассказывала мне.

¹⁰ Всё-таки ты слышишь меня, мама

Полковник. Ты хотела озеро, чтобы тренироваться – пожалуйста. Гору – пожалуйста. Сосновую рощу – пожалуйста! Лучших врачей, лучшие курорты, дорогой тренер, десять карбоновых велосипедов.

Джи. What about the principle of minimalism? Why do you need so many bicycles? World of consumption...¹¹

Мария (*перебивает*). Спасибо я могу сказать только тренеру. Он говорит: убрать робость и слабость, сжать зубы и проплыть прямо по ним! И я так и делаю, абсолютно: на старте тысячи людей в гидрокостюмах, они могут дать в солнечное сплетение, и ты прямо там же ласты склеишь. Они дерутся, пихаются локтями, стягивают шапочки, номера. Но я первая сжимаю зубы и бью. Плыву по ним. И всё это благодаря тренеру, абсолютно. Он делает меня сильнее.

Полковник. Что ты хочешь от меня, женщина? Я скоро умру от инсульта или инфаркта.

Джи. You will, dad, if you keep smoking and drinking.¹²

Мария. А взять тот случай с пустыней. За мной бежал киборг! Эта сраная Анджела из Австралии, чемпионка мира. Она когда сказала это своё хэллоу, я чуть её там не зарыла, суку. Рывкнула ей, чтобы она отвалила от меня, а не то я ей песок в жопу засыплю - она сразу как вкопаная. И тут уж я налегла. Потому что это спорт, всё серьёзно, абсолютно.

Джи. O my god! Mom, it's just a sport!¹³

Полковник. Президент сказал: лучше сдерживать резвых коней, чем подгонять волов. И мы жёстко работаем со всеми мудаками, которым неймётся. Страна в пожа-

¹¹ А как же принцип минимализма? Зачем вам столько велосипедов? Мир потребления...

¹² Так и будет, папа, если будешь и дальше курить и пить.

¹³ Боже мой! Мама, это же всего лишь спорт!

рах, а у нас вывихи, синие кулаки, кожа пальцев обгорела от электричества. Ты спросила, что творится с моим сердцем?

Джи. Oh, boy. What are you doing there, dad?¹⁴

Мария. Мне насрать.

Полковник. Тебе насрать?

Мария. Да, насрать, абсолютно. Тренер сказал думать только о тренировке. Через две недели новый старт.

Полковник. Я понял. Я понял, понял. Это связано с твоим тренером, которого я же и нанял. Ты спишь с ним?

Джи. Are you going to discuss this in front of me?¹⁵

Входит Авель.

Авель. У вас там открыто. Здрасти.

Полковник. Мой дорогой! Мой дорогой! Знакомьтесь, это – Авель, сын моего друга. Авель приехал из...

Авель. Ханты-Мансийска.

Полковник. Ханты-Мансийска, родины мамонтов. И будет поступать на...

Авель. На медицинский.

Полковник. На медицинский! Какая благородная профессия – врач, самая важная. А где твой брат, Авель? У него есть брат-близнец.

Авель. Он не поехал, он... неважно.

Полковник. Ну, проходи, садись, дорогой. Виски?

Авель. Благодарю. Чуть-чуть.

Полковник. Прекрасно, наконец-то есть, с кем бухнуть. А это, Авель, моя жена Мария, железная женщина. А это мой сын Джи. Про него сказать нечего.

¹⁴ Боже! Чем ты там занимаешься, папа?

¹⁵ Вы что, это при мне будете обсуждать что ли?

Джи. Dad, what you're doing now is abuse!¹⁶

Мария. Я готовлю ужин.

Авель. Помочь?

Мария. О, давай.

Полковник. Ну расскажи, Авель, о себе. Разряди обстановку. А то я свою жену прибью.

Авель. Пока что хвастаться нечем. Вот мой брат – он выиграл соревнования по вольной борьбе.

Полковник. Ну не скромничай, расскажи про себя.

Авель. Ну, ладно. Подрабатываю массажистом и сиделкой, выигрываю конкурсы как вокалист, учу языки – пока их шесть, и плюс три языка программирования и один для глухо-немых.

Полковник. Твой отец тобой очень гордится, и это заслуженно. Каждый мечтает о таком сыне. Но не каждому повезло. Мне не повезло ни с женой, ни с сыном.

Джи. Why do you say that, dad? Am I a drug addict? Criminal? I'm not even gay!¹⁷

Мария (Полковнику). Мою еду ты есть не будешь, понял? Готовь себе сам.

Полковник (Авелью). Давай ещё выпьем. Выпьем за моё одиночество. Голодное одиночество.

Мария. Спать ты тоже с Авелем будешь?

Полковник. По крайней мере не надо гладить металлическую ногу.

Мария. Свинья, а кто виноват, что она металлическая?

Полковник. Авель будет жить тут, в этом доме. Джи мы переселим выше на этаж.

Джи. What?!

Полковник. Авелью больше подойдёт эта комната. И мы

16 Папа, то, что ты сейчас делаешь – абюз!

17 Почему ты так говоришь, папа? Я что, наркоман? Преступник? Я даже не гей!

там поставим массажный стол.

Авель. Что вы, спасибо, но я могу где угодно, не стоит переселять...

Джи. He doesn't want – you see.¹⁸

Полковник. Это называется ротация, Авель:регулярная замена или взаимозамена поимённого личного состава, подразделений или частей, выполняющих задачи в тяжёлых, сложных или неблагоприятных условиях. Широко практикуется в условиях ведения боевых действий. Думаю, надо и Марию заменить. Мне нужна более безмятежная.

Мария. Ну так вали. Дом-то мой абсолютно. И половина денег тоже. Давай, я соберу тебе чемодан.

Полковник. А ты приведёшь сюда тренера, да?

Мария. Да, это очень удобно. Он будет тренировать меня круглосуточно. И рядом со мной будет гладкое мускулистое тело с красивыми дельтами, грудными, бицепсами и трицепсами, с длинным ахиллом, не говоря уже о кубиках на животе. А не этот вонючий комок жира. У тебя даже волосы на теле плохо растут. У тебя нет тестостерона.

Джи. Parents, you should at least go to the other room. We have the guest here.¹⁹

Полковник. Сука.

Мария. Больше всего я мечтаю о том, что от диабета у тебя начнется некроз. И тебе будут отрезать пальцы на стопе. Мизинчики, потом ещё и ещё. И ампутируют стопы. И ты будешь валяться, и у тебя начнутся пролежни на жопе. И от этого ты сдохнешь.

18 Он не хочет – ты видишь.

19 Родители, вы хоть бы вышли в другую комнату. У нас гость.

Джи. What are you talking about?!²⁰

Мария. Может быть, ты не знаешь, Авель, но Полковник – обычный садист. Поэтому он и сделал карьеру, там именно такие нужны. Такие бесследные пытки, ну, понятно, да? А тренировался на мне.

Полковник. Заткнись, сука!

Мария. Сначала всё было лайтово: Машенька, давай вместе смотреть кино и есть бутерброды. Как, ты начала без меня? И всё – он не разговаривал три дня. Не общайся с той дурой, не общайся с этой, на любую встречу я пойду с тобой – так я осталась без друзей. На встрече с его друзьями я должна была сидеть молча – ведь это его друзья, а значит, это он может общаться, а я нет. Красное, синее и белое носить нельзя – это напоминает ему цвета флага и даёт другой настрой. Читать, смотреть и слушать только из разрешённого списка. А дальше – больше.

Полковник. Я сказал: заткнись. Ты слышала меня? Я серьёзно.

Мария. А дальше он стал меня бить, сначала легонько, потом сильнее. Но говорил, что это просто дружеская драка, потому что я защищалась. Щипки, тычки, пощёчины, потом летающие предметы, потом пинки, потом по пяткам, потом давить пальцы дверью, потом сотрясения и переломы. Мне пришлось выслать Джи в другую страну. Чтобы он не знал.

Джи. Why didn't you tell me everything?²¹

Мария. Чтобы он не делал это с ним.

Авель. Как это похоже на то, что делал мой брат.

²⁰ Что ты такое говоришь?!

²¹ Почему ты мне всё не рассказала?

Джи. Why didn't you leave him?²²

Полковник. Последнее предупреждение.

Мария. Полковник убил нашу кошку – просто выбросил её из окна. А однажды к нам на участок зашёл бомж. Так он его...

Мария не успевает договорить – Полковник кидает в неё пепельницу. Пепельница попадает ей в висок, Мария падает.

Джи. What did you do, dad?²³

Авель. А что стало с бомжом?

3.

Тело Марии и Полковник – в гардеробной. Полковник плачет.

Полковник. Машенька, Машенька, Машенька. Тебе так идут платьишки. Но посмотри, тут только спортивное всё, шмотьё всё это, боже. Все полки забиты. (*Раздевает Марию.*) Ещё тёпленькая, такая мягенькая. Что это? Не отмылись номера с руки. Триатлон проклятый. А тут мозоли. Боже мой, боже мой, бедная стопа. Бедный ноготь, он весь почернел. Ты убивала себя всем этим спортом, Маша. И убила. (*Красит лаком её ногти на ноге.*) Вот так, вот так. И красиво будет, красиво. Как моя бабуся говорила: красуня. Красуня моя, Машка. Красные ноготки, ноготочки красненькие. Лежишь такая красивенькая, спокойненькая. Не перебиваешь, не дёргаешься. Так люблю тебя, Машенька. Мы же с тобой такая пара! Мария и Иосиф! А помнишь свадьбу? О, какая свадьба, шик! Ты беременная, с пузом, сидишь на ослике, я тебя везу, и мы ржём как ненормальные! Ослик

²² Почему ты не ушла?

²³ Что ты сделал, папа?

такой грустный, и ты его всё хотела чем-то накормить, а я тебе - да его кормили, он сытый, сытый, а ты – а почему он тогда не улыбается, а я – да потому что он осёл, понимаешь, осёл! Бля, смешно! (*Надевает на Марию красивое платье.*) Вот, вот мы сейчас тебя нарядим, как тогда, как тогда будешь нарядная. Хочу, чтобы все бабы у нас были такие, Маш: беременные, счастливые. Чтобы безмятежность эта, Маш, в воздухе была разлита. Волосяки у тебя такие красивые были, зачем остригла? Всё триатлон твой е..чий. Погубил тебя триатлон, Маш. А насчёт тренера – я позвонил уже ребятам. Разберутся с ним. Ребята хорошие, спокойные. Глаза у них такие, знаешь – безмятежные. Как у тебя сейчас. Сука ты, Маша, какая же ты сука. Тварь такая. Доводила меня. Нервы мне все расшатала. Развалилась тут. Кошку я выбросил, потому что гадила. А бомж вонял, на нём вши жили. А может, туберкулёз у него был и проказа, я спас тебя! Тварь неблагодарная. «Мизинчики отрежут», «пролежни на жопе», «сдохнешь» - как вообще твой поганый язык повернулся?! Тварь. Что молчишь? Сказать нечего? Потому что я прав. Ну, не дуйся. Любишь меня? Любишь, да? Любишь. Я такой счастливый. Ты меня любишь! И я тебя люблю, Маш. Очень люблю.

Полковник выносит тело Марии.

4.

Джи и Авель сидят в гостиной. Авель возбужденно двигается, рассматривает награды и фотографии Марии, развешанные на стенах, и продолжает пить виски.

Авель. Крутая тёлочка. Сколько всего, офигенно. У тебя мать – кул, братан. Была, ха-ха! Блин, это какой-то Та-

рантино. Мой брат, у меня есть, я говорил. И он тоже, ну, как твой батя, такой же, в общем, ха-ха! Не буду даже рассказывать, что он делал, у тебя челюсть отвалится. Как думаешь, батя твой мобилы нам отдаст? Так-то я не рассчитывал новый покупать, я без баблишка вообще-то. Ха-ха, вот, блин, история, офигенно! Надо было видео снять. А если он сломает телефон? Типа, выбросит со второго этажа, как вашу кошку? У меня там, вообще-то, есть личное. Что в облако не попало. Блин. Надо всё хранить в облаке. Вид у тебя, конечно, дебильный, братан. Жалко, что ты по-русски не...

Джи. Сядь, хватит мельтешить.

Авель (*садится*). Бля.

Джи. Надоел.

Авель. Так ты говоришь по-русски?

Джи. Нет.

Авель. А, ну да, понятно. Так чё, давай? (*Джи кивает и Авель быстро наливает им виски. Джи с трудом пьёт.*)

А теперь не чокаясь, помянём. За маму!

Джи. Не ори.

Авель. А, ну да.

Джи. И хватит про маму.

Авель. А, ну да, у тебя печаль.

Джи. Заткнись.

Авель. Слушай, ты чё тут раскомандовался? Тоже мне, альфа.

Джи сам наливает себе виски и снова выпивает. Авель включает телевизор, музыкальный канал, звучит танцевальная музыка. Джи выключает телевизор. Авель снова включает. Джи хочет выключить, но Авель не даёт ему.

Джи. Выключи.

Авель. Нет.

Джи. Выключи.

Авель. Да иди ты.

Авель отталкивает Джи, тот падает.

Джи. Я мог бы ударить. Но это противоречит моим принципам.

Авель. А, ну да. Ха-ха! Будем считать, что так.

Джи. Я против насилия. Но я за борьбу с насилием.

Авель. Ха-ха! Жалко, мобилы нет, заснял бы. (*Джи убегает. Авель танцует.*) Дамы и господа! У попа была собака – он её любил! Она съела кусок мяса – он её убил! Жмите на колокольчик, ставьте палец вверх. Из эпицентра событий, с самими свежими мемчиками! Если у вас дома есть тяжёлые пепельницы, то они рано или поздно полетят! Курение убивает, да. Скорее всего, перелом черепа, но это неточно. Я пока не врач. Вскрытие покажет. Пи...ц, конечно.

(Джи возвращается в женском платье и с накрашенными губами.) Воу-воу, полегче! Это чё такое?

Джи. Они заперлись в спальне.

Авель. Чё за лакшери бейба? У меня привстал.

Джи. Это мамино платье. Еле нашёл. Там только тайтсы, шорты, вся эта спортивная одежда.

Авель. Ты просто пушка!

Джи. Слушай, тебе не кажется, что надо пойти в полицию и сообщить?

Авель. А, ну да, иди, ха-ха! Порадуешь господина полицейского. Только сначала поцелуй меня.

Джи. Это должен сделать ты.

Авель. Я? Ну я-то тут чужой. Телефон заберу и свалю.

Джи. Нужно бороться с насилием законными методами.

Авель. Ха-ха, давай потанцуем, Кристиночка! Можно буду называть тебя Кристиночка? Кристиночка-горячая-попка!

Джи. Авель, ты слышишь меня? Иди в полицию. Или до поста охраны, сообщи им.

Авель. А чё сама-то не пойдёшь? Девчонки такие трусливые, ха-ха!

Джи. Я должен оставаться здесь.

Авель тянет Джи танцевать.

Авель. Давай, медличеллу и пососёмся. И тогда всё сделаю для тебя, бейби.

Джи. Отстань.

Авель. Ну разочек, милая.

Джи. Fuckoff!

Авель. О, опять американский режим включился. Давай ещё, ещё, меня это заводит!

Авель заваливает Джи на диван и целует его, Джи пытается вырваться, Авель задирает платье и поворачивает Джи на живот.

Джи. Отпусти меня! Пьяная русская скотина!

Авель. Давай, громче, матерись, меня это заводит, детка! Мой брат любит такое, любит!

Джи. Блядь!

Авель. Да-да!

Джи. Гондон!

Авель. Да, гондон, ещё!

Джи. Мразь злое..чая! Конь педальный! Гнида трамвайная! Скотобаза!

Авель. Сучка, как ты русский хорошо знаешь, оказывается, о ес! Мой брат в шоке! Я такой твёрдый! Чё это?

Джи. Убери лапы!

Авель. У тебя... у тебя...

Джи. Не твоё дело!

Входит Полковник.

Полковник. Что здесь происходит? *(Авель отпускает Джи.)* Почему ты надел мамино платье, Джи?

Джи. Это мой протест.

Полковник. Как ты хорошо говоришь по-русски. Давайте ужинать. Мама же приготовила.

Джи. Папа, надо позвонить в полицию. Тут есть что-то типа 911?

Авель. А можно мой телефон обратно, и я пойду?

Полковник. Заткнись, мы садимся ужинать. *(Достаёт пистолет и наставляет то на Авеля, то на Джи)* Я сказал, ужинать. *(Все садятся за стол. Полковник, убрав пистолет за пояс, раскладывает еду.)* Жалко, жалко, что мы не верим в бога. Мы должны молиться перед едой, это хорошая традиция. Но мы не молимся. Поэтому в стране такой ад. Бедные нападают. Богатые плачут. Потому что никто не молится перед едой. Искренне. Ты знаешь молитвы, Джи?

Джи. Нет.

Полковник. Ну конечно, ты же бессмысленный.

Авель. Я знаю.

Полковник. Читай.

Авель. У вас такая странная семья.

Полковник. Не твоё дело. Читай.

Авель. Её раньше читал мой брат. Отче наш, ижи еси на небеси. Да святится имя твоё, да приидет царствие твоё, да будет воля твоя, как на земле, так и на небе. Хлеб наш насущный даждь нам днесь. Дальше я не помню.

Полковник. Зачем ты напялил это платье, Джи? Ладно, остановимся на хлебе. Это подходит ужину. Хлеб как плоть Христова, что-то такое. Вкусные бисквиты мама испекла. Вино как кровь. Где красное вино?

Джи. Папа, не надо больше пить.

Полковник. Да я не себе. Гости приедут.

Джи. Ты вызвал полицию?

Авель. А можно мне мой телефон, Иосиф Александрович?

Полковник. Нет, не полиция. Другие гости, поинтереснее. Итак, сын мой. Зачем ты напялил это? Как планируешь жить дальше, сын?

Джи. Что? Что ты имеешь в виду?

Полковник. Твой дядя, мой старший брат, все звали его Сержант, он был сильный человек. Весь район его слушался. Потом стал слушаться соседний район, потом ещё один. Так вот, он воспитывал меня. Хотел, чтобы я выжил, и чтобы меня уважали. Я бросил школу. И пришёл к нему, и сказал: я хочу быть с тобой и твоими людьми, Сержант. Приказывай мне, и буду исполнять. Сержант сказал: садись. И сел я в его чёрный бумер. И сказал он: хочешь посмотреть, как у меня хлеба в поле растут? И я сказал: да. Звучала песня про северный ветер, за рулём был парень со шрамом на лице. И мы ехали по району. И он сказал: видишь, там стоят пацаны? И я сказал: вижу. И он сказал: это молодые колосья, но они высоко растут. И машина остановилась рядом с теми пацанами. И люди Сержанта избили их, сняли с них кожаные куртки. И мы поехали дальше по району. И увидели, как рядом с рынком возле большого мерседеса стоят другие пацаны. И люди Сержанта вышли и избили их, а

на тачке разбили фары, стёкла, помяли капот и порезали колёса. «Слишком сильные колосья, - сказал мой брат, - Я сбиваю их посохом». Этот урок я запомнил на всю жизнь. Через месяц Сержанта не стало. Его тоже кто-то сбил посохом. Вернее, я знаю, кто, но это неважно – их потом тоже кто-то сбил, а тех уже менты. Мир устроен так: хлеба должны расти ровненько. Никто не должен выделяться. Выделяться опасно. Ты понял меня, сын?

Джи. Мне не нравится эта парадигма, папа.

Полковник. Не нравится парадигма?

Джи. Я за концепцию дикого луга. На нём все растения разной величины. И всем хватает места.

Полковник. Что ты готов сделать, чтобы защитить свою концепцию?

Джи. Не отрекаться от неё.

Полковник. Спорим, не пройдёт и пятнадцати минут, как ты отречёшься от неё?

Джи. Этого не будет.

Полковник вскакивает с места, сбивает со стула Джи и давит ему стулом пальцы на руках.

Полковник. Зачем, зачем ты напялил это платье? Ты извращенец? Извращенец? Зачем ты надел её лифчик?

Джи. Отпусти меня!

Авель. Можно я пойду?

Полковник (Авелью). Сидеть! (*Джи.*) Скажи «отрекаюсь», и я отпущу тебя.

Джи. Я больше не скажу ничего.

Полковник. Скажи: отрекаюсь! Отрекаюсь! Молчишь? Молчишь? Характер, как у мамы. Как у мамы характер. Упрямая скотина. Скажи: отрекаюсь!

Раздаётся звонок в дверь.

Авель. Мне кажется, кто-то пришёл.

Полковник. Иди, открой! Если убежишь – найду и яйца отрежу, понял?

Авель. Да.

Авель убегает.

Полковник. Если распахнуть двери восприятия, мир предстанет перед нами таким, какой он есть – бесконечным. Бесконечным, сын. Понимаешь? Но вместо этого люди прячутся в своих пещерах и видят мир сквозь узкие расщелины. Слышишь меня? Ты слышишь меня? *Заходит Авель с огромными корзинами цветов. Полковник отпускает Джи. Джи садится на полу, сжав кисти рук.*

Авель. Там ещё столько же. Курьер привёз. На машине.

Полковник. Да, поставь. И садись сам. (*Авель садится.*) Ешь. (*Авель ест.*) Я уже старый человек, Авель. Я скоро умру.

Авель. Вам же лет пятьдесят. Теперь продолжительность жизни...

Полковник (перебивает). Я много пью и курю! Принимаю наркотики, мало сплю. У меня много стресса. Положительных эмоций мало – сплошные крики вокруг, ненависть, сопли, слёзы – вот это всё. Я как будто в аду, Авель. У меня даже зрение стало хуже, чтобы не видеть это всё. Или это от диабета, не знаю. Короче, недолго мне осталось.

Авель. Есть хорошие медицинские центры...

Полковник (перебивает). У меня почти рак, Авель! Почти рак! Понимаешь?

Авель. Понимаю. Не понимаю.

Полковник (Джи). Ты слышишь? Скоро станешь кру-

глым сиротой. *(Авель.)* Так вот. Говорю тебе, потому что ты адекватный. Чем-то на Сержанта похож, брата моего. Нам надо похоронить Марию. И молчать об этом всём. Понимаешь? Молчать о том, что триатлон убил её. Понимаешь?

Авель. Понимаю.

Полковник. Отлично. Бери Джи и идите копать могилу во дворе. Лопаты в гараже.

Авель. Как во дворе?

Полковник. Как закончится вишнёвый сад, а потом черешневый лес, начнётся роща смоковниц. Вот возле смоковницы и копайте. *(Джи.)* Ты слышишь, Джи? Надо хоронить маму. Она этого достойна. Ей всегда нравилась природа. Хватит молчать, Джи!

Авель. Но как он будет копать? У него же пальцы...

Полковник. По крайней мере ноги целы. На лопату нажимать может. Бери его и валите уже.

Авель забирает Джи и они уходят.

5.

Полковник сидит в ванной с телом Марии и курит.

Полковник. Если распахнуть двери восприятия, дорогая. Мир предстанет перед нами таким, какой он есть. Бесконечным. Но вместо этого, дорогая. Люди прячутся в своих пещерах. И видят мир. Сквозь узкие. Расщелины.

Мария. Я чувствую твою левую ногу. Твои пальцы – их как будто семь, их семь, по числу дней в неделе. Там. Твой палец.

Полковник. Я вползаю в тебя. И мы соединяемся. Это алхимия, Мария.

Мария. Твой горячий хлеб попадает в холодную печь.

Полковник. Я сделаю воду горячее. Ты только раздвинь немного. Границы восприятия. Бродя среди адского пламени, я был охвачен. Восторгом вдохновения. Которое ангелы. Приняли. За муки и безумие.

Мария. Нет, ты не сошёл с ума. Слышишь? Ты не сошёл с ума.

Полковник. Понимаешь, тирания – это старческая немочь. Тиран сидит у власти. И понемногу. Он сходит с ума. И его тирания усиливается. А это. Только его старческая немочь. Но он не знает. Он думает, что молодость. Уже побеждена. Он думает. Что ему дарована. Бесконечность. И бессмертие. Но тут и там. Вспыхивают бунты. Их надо гасить.

Мария. В дверь смерти с нами вместе. Входит бог. Ложась в могилу. Мне холодно, Иосиф.

Полковник. Ты падаешь в эгоизм и самость, Мария. Не закрывай врата бесконечности. Мне жарко. Мне очень жарко, Мария. Очень-очень жарко.

Мария. Ты. Не. Сошёл. С ума.

Полковник. Я – это ты. А ты – я.

Мария. Аминь.

Стук в дверь ванной.

Полковник. Кто там?

6.

Большой сад, Авель копает землю возле смоковницы.

Джи сидит на земле. Периодически издали слышно гул.

Авель. Почему я вообще копаю? Я не хотел копать. Я не рождён копать. Вот мой брат – он тоже заставлял меня...

Какого хера? Почему я подчинился? Что ты хлопаешь глазами? Иди и копай сам. Блин, джинсы ухряпал. Вообще-то я ехал поступать на доктора. Вот возьму и не буду копать! Да, какого хера. *(Авель бросает лопату и садится рядом с Джи.)* Пить хочу. С другой стороны, если кто-то умер, то его надо закопать. Порядок такой, да? Кто-то сжигает, а кто-то закапывает. В Индии топят. У вас там камин такой большой, можно и сжечь. Я бы выбрал сжечь. Чтобы меня сожгли, а из пепла... из пепла пусть сосна вырастет. Я и буду сосной. Бессмертие. Что ты молчишь? Ну хватит уже. А давай перелезем к соседям, и всё расскажем? И они вызовут ему полицию? Наверное, у вас тут хорошие соседи. Папа спрашивал моего брата: Каин, где брат твой Авель, где он? Но он молчал. Меня еле нашли. Альпийские горки у них, розы. Они помогут. Мы скажем: тут нарушают права человека. Давай свалим, ну правда? Кому, как не тебе? Здесь не место таким... как ты. Поцелуй меня. Не хочешь? Никто не хочет. И я тут быть не хочу. Ну сколько можно ковыряться в этой грязи. Жизнь одна, и не хочется тратить её на... Хочется наслаждаться, не знаю, кайфовать. Я хочу испанский, может, учить, а не копать. А когда он пистолет наставил? Это же какой стресс! Мне нужна реабилитация. Мне нужно будет привыкать к нормальной жизни, где тебя уважают. Где безопасно и свободно. Ну, решили, да? Идём к соседям. *(Джи встаёт и идёт по направлению к дому своих родителей.)* Стой! Ты куда? Ты куда?

7.
Гостиная, Полковник, Ева и Магда. Периодически изда-

лека слышно гул.

Ева. Голова болит от этого шума.

Магда. А я привыкла.

Полковник. Никогда не занимайтесь триатлоном, девочки. Никогда. Этот спорт убивает.

Магда. Так что случилось у Маши? Отменилось соревнование?

Ева. Уже год не видела её.

Полковник. Она переживает кризис.

Магда. Ха! Я его переживаю пять раз в день, время такое. Стреляют.

Полковник. В общем... Если распахнуть двери восприятия, мир предстанет перед нами таким, какой он есть – бесконечным, но вместо этого люди прячутся в своих пещерах и видят мир сквозь узкие расщелины. Давайте пить красное вино. Это так по-христиански.

Ева. Я вообще не употребляю алкоголь теперь.

Магда. Почему?

Ева. Мы с мужем решили очиститься. Ну, перед тем как заводить ребёнка.

Магда. Мне плесни. Слава богу, мужа нет и никто не диктует.

Полковник наливает вино Магде, себе виски.

Полковник. Мы ужасно рады вас видеть.

Магда. Лей побольше. Кто это «мы»? Где Машка-то?

Полковник. В ванной.

Ева. Это так романтично, что вы вместе принимаете ванну! Извините, что мы так вломились.

Магда. Маша могла бы поздороваться.

Ева. Только о себе думаешь. Ей не до тебя. Меня, вот, тоже муж еле отпустил.

Магда (*Еве*). Бедная рабыня. (*Полковнику*.) А почему она вдруг захотела нас увидеть?

Полковник. Пусть сама расскажет. И так, тост. За мою любимую жену, самую живую женщину из всех.

Полковник поперхнулся и кашляет.

Магда. Осторожно, ну что ты.

Полковник. Это она, она спорит. Всё время спорит со мной.

Ева (*про цветы в корзинах*). Боже, какие красивые цветы! Это ты ей подарил, Иосиф? У вас какая-то дата?

Полковник. Да, торжественный день.

Ева. О, как мило! Так вы нас позвали на праздник? Это экспромт, да? А мы без подарка! Обожаю романтическое...

Полковник (*перебивает*). Мы как будто заново поженились.

Ева. Боже, как трогательно.

Полковник. Соединились в одно существо.

Магда. Как две половинки попы.

Ева. Магда, ну почему ты вечно, вечно со своим этим, знаешь...

Магда. Ну? С чем?

Ева. С цинизмом.

Магда. Может, потому что я тебя умнее?

Ева. Или просто старше?

Полковник. Девочки, не ссорьтесь. Вы же самые Машины близкие подруги.

Ева. Может, надо её позвать? Мы приехали, всё побросали. У меня вообще сегодня овуляция.

Полковник. Давайте пока поболтаем. Как вообще дела?

Магда. Прекрасно. С тех пор как отменили новости, так

стало спокойно. Йога, медитация, смузи. Наш посёлок охраняется нормально: четыре вышки, ров с водой, колючая проволока, и она под электричеством, датчики движения. Смотрю, у вас тоже стали рыть ров.

Полковник. Да, у нас тоже. А собаки есть у вас?

Магда. Собак пока нет, но летают квадрокоптеры, реагируют на тепло и на движение. У нас же генерал.

Полковник. А, да, у вас генерал, очень хорошо.

Ева. Меня только гул бесит.

Полковник. Да, гул.

Ева. Всё время этот шум, выстрелы. Бесит. На всякий случай Адам вставил пуленепробиваемые стёкла в машину.

Магда. Кажется, у нас на районе вот-вот введут комендантский час. Новостей нет, но мы в чатиках всё узнаём. Хотя я звук отключила, чтобы кукушечкой не поехать.

Магда жадно пьёт вино.

Ева. Смузи? Йога?

Магда. А что?

Ева. Ничего. Подбуживаем?

Магда. Заткнись.

Магда запускает в Еву яблоком. Ева ловит яблоко и нервно откусывает его.

Полковник. Все такие нервные теперь.

Магда. Вообще, это от нас не зависит, не надо говорить о том, что от нас не зависит, локус у себя, локус у себя, локус у себя.

Ева. Я подписала петицию. О дискриминации голубей. Вы подписали?

Полковник. Каких голубей?

Ева. Городских голубей. Они ущемлены в правах, они

– жертвы угнетения со стороны людей. Люди веками использовали их для голубиной почты. Дети ловили их, бомжи жрали!

Магда. Я подписала петицию о запрете потребления мяса на планете.

Полковник. На какой планете?

Магда. Земля. Надо делать мир лучше. И такое решение гораздо системнее, чем пописывать тупые петиции в защиту отдельных видов птиц. Какой смысл? Есть воробьи, синицы, кукушки, снегири, чибисы, соловьи. Есть горихвостки, чечевицы, мухоловки, чирок-блядь-свистунок. И что, на каждый вид пописывать отдельную петицию? Не приходит, блядь, в голову, что тут требуется системное решение, а?

Ева. Я делаю маленькие шажки...

Магда. Да не делаешь ты ни хрена полезного. Одно размножение на уме.

Ева. То, что ты сейчас сказала, это дискриминация. И мне кажется, это элементарная зависть. Просто у тебя нет мужа, и ты слишком старая, чтобы рожать.

Магда забрасывает Еву яблоками, Полковник пытается спасти Еву. Заходит Джи, за ним запыхавшийся Авель.

Авель. Добрый вечер.

Полковник. А это Авель, знакомьтесь, девочки! Будущий врач, очень перспективный молодой человек, сын моего друга, приехал из...

Авель. Ханты-Мансийска. И у меня есть брат...

Полковник (перебивает). Ханты-Мансийска, родины мамонтов. Ну, что, виски будешь, чувак?

Магда. А это же Джи? Джи, это ты?

Полковник. Ну да, он вернулся из Бостона.

Магда. Привет! Ты помнишь меня? Я Магда, лучшая подруга твоей мамы.

Ева. Лучшая подруга твоей мамы – это я.

Магда. Как вырос! Помнишь, купала тебя в ванночке, когда ты был маленький? И гуляла с коляской. Помнишь? Мы играли в песочнице.

Полковник. Он презирает наш язык. Ну что, давайте тост за Машу! Авель, садись со мной рядом.

Магда. Что у тебя с руками, Джи? А почему ты в платье? Это же Машкино платье?

Джи обнимает Магду. Магда начинает плакать.

Джи (тихо Магде). Слово моё не вмещается в них. Но ты меня слышишь, Магда?

Магда. Я тебя слышу.

Джи. Значит, в тебе вмещается. Ты боишься быть бесплодной смоковницей, да?

Магда. Да.

Джи. И правильно, что боишься. Бойся, Магда. Спроси его, где мама.

Ева. Эй, хватит там обниматься! Это неприлично! (Полковнику.) А почему он в платье? Их там заставляют в женском ходить, в Бостоне? Извращенцы.

Полковник (Еве). Он делает мне назло. (Магде.) Эй, правда, что вы там? У меня созрел тост. Если распахнуть двери восприятия, мир предстанет перед нами таким...

Магда (Полковнику). Где Мария?

Полковник. Что?

Магда. Где Мария?

Ева. Правда, чего она? Давайте схожу...

Полковник (Еве). Сиди! (Всем.) Моя жена Маша – она

моя муза. Музы должны быть дочерьми вдохновения, но не памяти. Извините, сегодня всё время цитирую своего любимого поэта юности. Вчера был трудный день. Мы вынуждены были применить много огня, серной кислоты, тротила. Это всё неприятно. Больше не могу сказать – моё подразделение секретное, но поверьте, это жопа. Это не то же самое, как если ты выращиваешь нефролеписы в ботаническом саду, нет, другое. Как сказал президент? «Мы живем в эпоху больших перемен, в том числе в вопросах обеспечения безопасности страны». Во всём этом самое сложное что? Не смотрите на меня как овцы, я теряю мотивацию. Во всём этом самое сложное – удержать уверенность. Уверенность в правоте нашего дела. Создаются подразделения, способные дать ответ на изменившийся характер угроз от наших врагов. Подразделения меняют не только свои названия, но и сущность. Версатилити. Версалити – это способность быть гибким, адаптироваться. Но для всего этого нужна интегрита. Интегрита. Целостность, которая и есть уверенность в правоте нашего дела. Это этическая основа всех подразделений безопасности. И Маша была той, которая меня на это вдохновляла. Она была эталоном интегрита. Моей музой.

Магда. Почему «была»? Где Маша?

Пауза.

Джи. Мама? Мама, ты слышишь меня?

Полковник (*говорит голосом Марии*). Джи? Это ты,

Джи?

Джи. Это я, мама.

Ева. Что вы делаете, фу!

Полковник (*говорит голосом Марии*). Осенью будет ма-

рафон. Ты должен пробежать вместо меня.

Джи. Хорошо, мама. Я люблю тебя.

Полковник (*говорит голосом Марии*). И я люблю тебя.

Авель. Я не могу больше! Хватит! Хватит! Мне надо идти!

Авель хочет убежать, но Полковник ловко валит его на пол. Авель лежит на полу и стонет.

Джи. Что я могу сделать для тебя, мама?

Полковник (*говорит голосом Марии*). У меня было так мало платьев. Только все эти полки с одеждой для триалона. Так мало платьев. Я хочу эти платья, как на Магде и Еве.

Джи. Ты хочешь такие платья?

Полковник (*говорит голосом Марии*). Не такие, а именно эти. Я хочу эти платья. Мне так холодно. Холодно.

Полковник плачет.

Ева. Что, вообще... Это вы что... Как это...

Магда. Что случилось с Машей?

Полковник. Моя девочка. Ей холодно. Вы слышали – ей холодно!

Ева. Кому?

Полковник. Снимайте платья. Обе.

Ева. В смысле?

Полковник. В прямом. Раздевайтесь. Вы слышали, что она сказала?

Ева. Если это вечеринка для трансов, то почему ты сразу не сказал?

Полковник (*достаёт пистолет*). Моей Маше холодно. Раздевайтесь обе.

Магда начинает снимать платье.

Ева. Я всё мужу расскажу!

Полковник стреляет в яблоко рядом с Евой, яблоко разлетается на кусочки, Ева визжит.

Полковник (Джи). Что ты вылупился? Что? Ну скажи! Скажи! Ты не любишь папу?

Джи. Мама, поговори со мной. Мама!

Полковник (говорит голосом Марии). Надо проверить. Так долго ехать, так далеко. Надо проверить. Гели, изотоники, БЦА, протеин, батончики. Калий, магний, мне нужен калий и магний. Ветер ударяет в грудь. Шины шуршат как крылья ангелов. Шины шуршат как крылья ангелов.

Джи. Счастливого пути, мама. Всё будет хорошо.

Полковник (говорит голосом Марии). Спасибо, мой пирожок. Я люблю тебя.

Джи. И я люблю тебя, мама.

Ева. Боже, надо звонить в психушку, Магда. У них вся семья поехала. Что ты стоишь?

Магда. Заткнись.

Ева (кричит). Маша! Маша! Ты слышишь меня! Маша! Позвони в психушку, Маша!

Полковник вырубает Еву, забирает платье, заталкивает их в камин, поджигает.

Полковник. Быстро как горит. Синтетика сраная. Машеньке нужен натуральный шёлк. Дым уходит, и они летят к ней, к Маше. Это твои новые платья, Машенька, энергия платьев. У меня был друг. На нём был бронежилет. И пуля застряла в бронежилете. Но сломала рёбра. И разорвала селезёнку. Энергия пули, понимаете?

Полковник выходит из комнаты.

Магда. Я уйду в тайгу.

Авель поднимает Еву с пола, укладывает её на диван,

ложится рядом, гладит грудь Евы. Ева без сознания.

Авель. И я. Зачем вообще сюда поперся? У нас Ханты-Мансийская государственная медицинская академия. Один факультет. Лечебный. От 73 баллов бюджет. Мог бы, мог бы!

Магда. Почему руки в крови, Джи?

Джи. У меня месячные.

Авель. У него сиськи. Женские сиськи. Я нащупал.

Магда. Я уйду в тайгу.

Джи. Кровь – это текучесть тел, Магда, кровь, кровожадность, животный запах и отягчённость телесной страстью. Но это – женская кровь. Я выбрала женскую кровь, периодическую женскую кровь из матки, я стала женщиной, Магда. Я принимала гормоны, и сделала операцию по смене пола. Теперь мы сёстры, Магда.

Авель. Думал, показалось. Надо верить своим рецепторам.

Джи. Кровь, кровожадность – мир погряз в насилии, Магда. Беспомощность и слабость - вечные переживания и вечные вопросы человечества. Надо перестать быть беспомощными и слабыми. Ты должна перестать, слышишь? Признай это. Признай, что добро не всегда прекрасно, а красота совсем не обязательно добра. Признай, что ты прикрывалась своим женским гендером, чтобы не принимать решений, чтобы быть пассивной. Потому что ты трусливая и ленивая жопа, Магда.

Магда. Да, я трусливая и ленивая жопа.

Авель. Я тоже.

Джи. Мы обвиняем мужчин во всех грехах, но кто позволил им это? Мы. Мы выбирали быть опекаемыми, а за опеку нужно платить. И платить дорого.

Магда. Я только хотела, чтобы меня любили.

Авель. Я тоже.

Джи. Не каждый ловец рыбы является рыбаком. Но ты должна стать рыбаком, Магда. Ты должна взять удочку в руку и ловить себе рыбу. Проснись уже, Магда, ты видишь – страна в опасности. Кровь, кровожадность, насилие. А женщины только хлопают глазами и ничего не делают. Надо делать выбор, сестра. Ты готова?

Магда. Готова.

Авель. И я.

Джи. Ты готова перестать обвинять мужчин, оторвать задницу от дивана и прекратить насилие в стране?

Авель. Мой брат убивал меня. И почти убил. И я ненавижу, ненавижу его. Меня бомбит. Дайте закурить.

Джи. Курение тоже убивает, как твой брат. Ты хочешь завершить его дело?

Авель. Фак. Руки дрожат.

Джи. Когда уже сделано всё, что было возможно, остаётся нечто сверх того. Сверх того, что можно было бы сделать, если бы было знание.

Авель. Ты мне взрываешь мозг, Джи. Можно попроще, а?

Джи. Дыши глубже, Авель. И перестань чувствовать себя жертвой. Ничто так не разочаровывает, как обнаружение собственной недостаточности. Но приняв эту слабость, можно стать сильнее.

Магда. Я готова.

Авель. И я готова. Готов, в смысле.

Джи. Мария – первая мученица нашей церкви. Назовём нашу церковь «Безмятежность».

Авель. Джи, если у тебя есть чё – то ты, это, ты поде-

лись. Какие-то вещества или что там у тебя.

Джи. Ничего, что могло бы обезболить, Авель. Почувствуй эту боль – это умирает твоя старая слабость.

Ева приходит в себя.

Ева. Что тут происходит? Я хочу домой. Мне такой райский сон снился. Где Адам?

Магда. Пора оторвать задницу от дивана, Ева. Рай в прошлом.

В комнату входит Полковник с мокрой Марией на руках, на пол стекает вода.

Полковник. Кажется, она уснула в ванне.

8.

Сад, Джи с коробкой в руках, Магда и Ева в банных халатах и Авель стоят у вырытой возле смоковницы ямы. Стемнело, Магда светит фонарём, Авель плачет, Ева держит корзину цветов.

Джи. Много ли человек знает о самом себе, Авель?

Авель. Немного.

Джи. А ты узнал, так что хватит ныть. Итак, начнём первое собрание нашей церкви «Безмятежность». Что есть магия в наше время? Магия – это хорошие технологии. Кроме того, это ритуалы, которые нужны нам, людям, чтобы успеть отрефлексировать то, как меняется мир. Чувствуете, как меняется мир?

Магда. У меня бабочки в животе.

Джи. Не дави бабочек в животе своём, Магда. А ты, Ева?

Ева. Я ничего не чувствую, только голова болит.

Джи. Просто ты поврослела, сестра, давно пора. Итак, мы собрались здесь, возле смоковницы, чтобы провести

обряд обновления. В эту яму бросим мы семена новой жизни, и хлеб новой жизни взойдёт в ней. Stay hungry, stay foolish – сказал пророк. Борьба с бедностью и несправедливостью нужно, оставаясь голодными и безрассудными. Если распахнуть двери восприятия, мир предстанет перед нами таким, какой он есть – бесконечным. Но вместо этого люди прячутся в своих пещерах и видят мир сквозь узкие расщелины.

Авель. Может, надо привезти его сюда?

Ева. Я в шоке от всего этого.

Джи. Он и так присутствует с нами отчасти. Он с нами незримо. Но кто-то должен делать эту работу – проводить обряды. И это мы с вами.

Авель. Он не хотел, у меня дрожала рука.

Джи. Практикуй чаще и рука окрепнет. В чём содержание нашего обряда обновления? Попрощаться со старым и дать дорогу новому. Пожилые мужчины захватили власть во всём мире. Они хотят быть на вершине горы, и только ради этого лезут по головам. Необходимость сойти с вершины причиняет им боль. Но мы, срезая их тестикулы, их парные мужские гонады, помогаем им занять новое место. Мы обновляем их.

Авель. У меня даже не было скальпеля. Кастрация без скальпеля.

Джи. Ничего, ты справился и ножом, у папы хорошие ножи. Ты молодец, Авель. Благословенно твоё занятие, и твой путь.

Авель. Простит он меня? Я же отрезал его яйца.

Магда. Может, даже скажет спасибо.

Авель. А вдруг он убьёт меня?

Джи. Теперь у него нет для этого яиц, Авель. (*Джи*

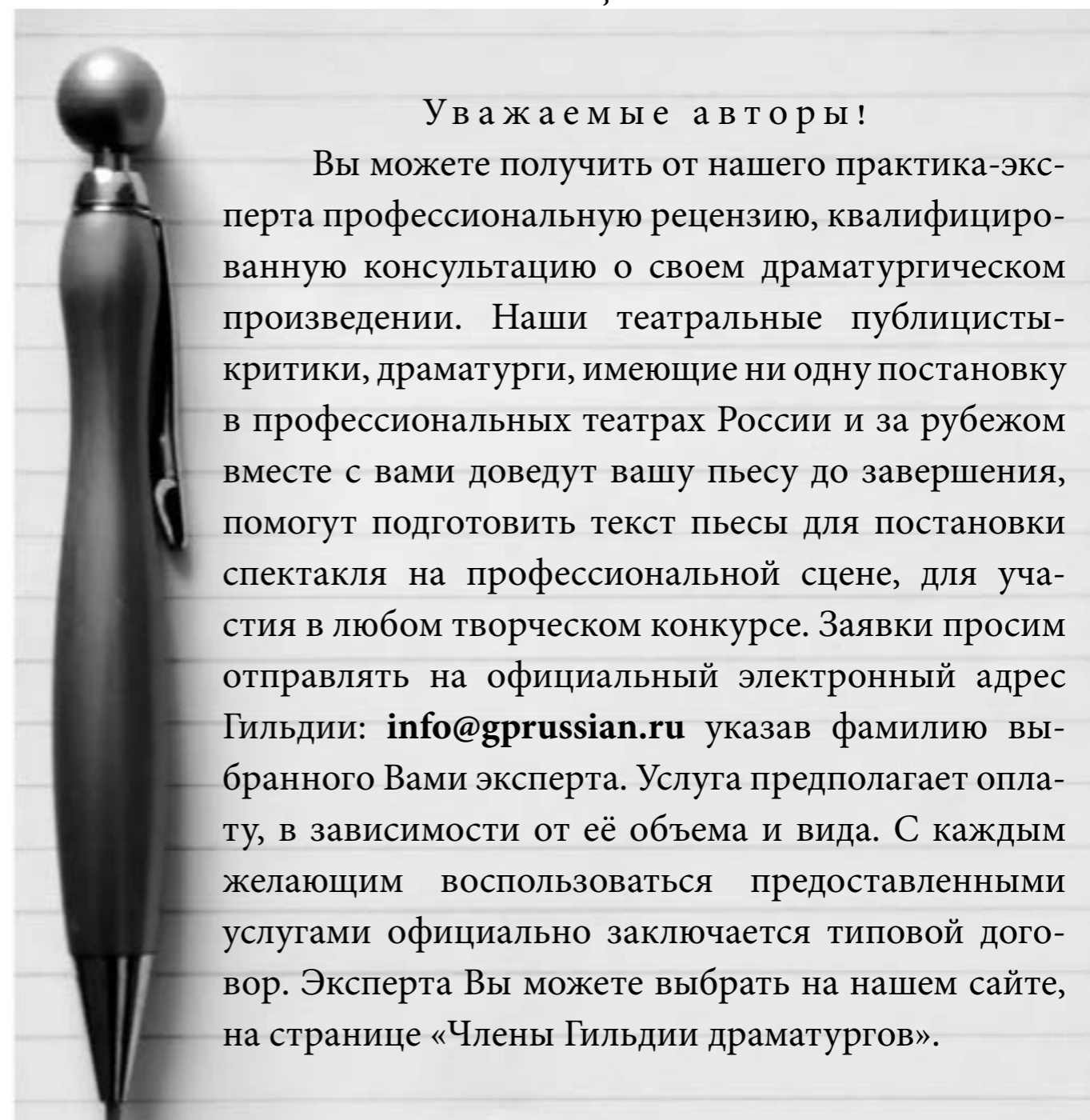
бросает коробку в яму.) Упокойтесь с миром, символы одряхлевшей власти пожилых мужчин. Царь горы должен уйти.

Ева. Там кто-то идёт сюда.

Подбегают люди в балаклавах и форме, с оружием.

Патрульный. Всем лечь на живот, руки за голову! Это абьюз-патруль, поступила жалоба на абьюз в этом доме. Сопротивление карается физическим воздействием вплоть до применения оружия! Попытки разрешены!

Конец

Уважаемые авторы!

Вы можете получить от нашего практика-эксперта профессиональную рецензию, квалифицированную консультацию о своем драматургическом произведении. Наши театральные публицисты-критики, драматурги, имеющие ни одну постановку в профессиональных театрах России и за рубежом вместе с вами доведут вашу пьесу до завершения, помогут подготовить текст пьесы для постановки спектакля на профессиональной сцене, для участия в любом творческом конкурсе. Заявки просим отправлять на официальный электронный адрес Гильдии: info@gprussian.ru указав фамилию выбранного Вами эксперта. Услуга предполагает оплату, в зависимости от её объема и вида. С каждым желающим воспользоваться предоставленными услугами официально заключается типовая договор. Эксперта Вы можете выбрать на нашем сайте, на странице «Члены Гильдии драматургов».

Русский театр за рубежом

Государство в Евразии СССР, существовавшее с 1922 года в 1991 году распалось. И та культура, которая многими десятилетиями взращивалась в бывших национальных республиках, стала менять направление, цели, приоритет, исходя из исторических факторов развития, образования, менталитета своих граждан, позволяющих по многим признакам идентифицировать уникальность своего народа. Но все же у теперешнего многообразия культур бывшего советского строя есть единый корень - русский язык. Именно он формирует русскую культуру, и важнейшей ее составной частью остаются русскоязычные театры.

В 30 летний год обретения независимости Латвии и Казахстана, мы попросили наших авторов сделать специально для журнала «ДрамТеатр» обзорный материал о лучших театрах Риги и Алматы.

Нина Мазур,
театровед, театральный критик,
драматург, член Германского
Центра ITI и Международной
Ассоциации театральных критиков
(ЮНЕСКО), член Гильдии драма-
тургов России

Три вечера с театром Латвии

Вечер первый. Расслышать друг друга

У Булата Окуджавы есть строки: *«Святая наука – расслышать друг друга сквозь ветер на все времена»...* Не все постигают эту науку, - ветер повседневности шумит, не умолкая, и душевная глухота овладевает людьми, как опасная болезнь.

Об этом – спектакль Даугавпиллского театра *«То, что мы не слышим»* по пьесе *Юстине Клята*, поставленной режиссером *Паулой Плявнице*.

«Чего тебе не хватает? Что тебе не так?» - спрашивает мать у взрослого сына. На самом деле - все не так.

В жизни Никиты все зыбко, все ненадежно: любовь, дружба, семья, профессия. Ни на кого нельзя положиться; ничто не то, чем кажется. *Мирослав Блакунов* в роли Никиты предельно точен; его герой мучительно и безуспешно пытается повзрослеть. Это уже не «пустыня

отрочества», он вполне взрослый мужчина, приближающийся к тридцати. Мучительная переоценка ценностей, свойственная ранней юности, у Никиты не только не закончилась, но длится и длится, приводя к депрессии. Мать не умеет его пожалеть, школьные друзья никак не укладываются в «прокрустово ложе» верных мушкетеров, близкая подруга полна ожиданий, которым он не готов соответствовать. Да, Никита болен, но его подлинный диагноз – не депрессия, а инфантилизм.

Лаконичная сценография (*Даце Слока*) вполне соответствует теме пьесы и спектакля (тот редкий случай, когда последние совпадают). Школьный спортзал как основное место действия - читаемая метафора, ведь персонажи, в сущности, «застряли» в подростковом возрасте. Нехитрые приметы быта: маты на полу, уличный металлический туалет, пластиковые стулья и музыкаль-

ный автомат в кафе, – говорят о том же. Петля времени легко превращается в веревочную петлю на шее Никиты. Что ж, – тоже выход...

Мать Никиты (в достоверной трактовке *Жанны Лубгане*) загнана жизнью; две работы, выживший из ума отец, бросивший семью пьяница-муж, - вполне достаточно бед, чтобы не заморачиваться душевными проблемами сына. Обут- одет, – и хорошо. Учится, – еще лучше. Оказывается, ему нехватало сострадания и тепла, но матери было не до этого. Впрочем, как и ее собственным родителям. Ей негде и не у кого было этому научиться. Алла наивно полагает, что если бы в ее время был интернет и возможность задать любой вопрос и получить ответ, то она бы научилась любви и пониманию. Но мы-то знаем, что никакой интернет не спасает от черствости и равнодушия. Ничто человеку не заменит человека.

«Я хочу, чтобы ты увидела, что у меня еще есть и душа», – с болью говорит Никита. Но это глас вопиющего в пустыне.

Катажина была влюблена в Никиту в школьные годы. Но его надежда на искренность ее чувств не оправдывается, – сегодняшняя Катя не дорожит ни своим телом, ни душой. *Милена Савкина* играет потерянную, инфантильную девушку. Случайная близость с Никитой на пьяной вечеринке ничего для Кати не значит. Кажется, и собственное материнство для нее такая же ничего не значащая случайность.

Братья Сергей и Денис тоже не оправдывают надежд своего школьного друга. Сергей дает Никите банальные советы: успокоиться, посмотреть боевик, сходить в

баню. *Вадим Баранов* рисует примитивного, самоуверенного человека, от которого реальной поддержки, уж не говоря о помощи, не получишь. Глядя на то, как он поглощает еду, выслушивая исповедальные слова Никиты, понимаешь: от этого эгоиста зимой снега не допросишься. А Денис в исполнении *Михаила Абрамова* имеет собственный душевный надлом и свои нерешенные личные проблемы. Кажется, братья одинаково душевно неразвиты, хоть у Сергея есть жена и дети; они, как и остальные, застряли в метафорическом школьном спортзале.

Гунита (*Кристине Вейнштейна*) в прямом и переносном смысле говорит с Никитой на разных языках; она, очевидно, принимает жизнь такой, как она есть, и живет «по правилам». Понятно, что совместное существование для этих двоих невозможно.

А дедушка Никиты (*Юрий Лосев*) нашел спасение от реальности в своей деменции. Он благополучно существует в другом измерении, - в том времени, когда и он, и его покойная жена были молоды и счастливы.

Режиссер *Паула Плявнице* нашла интересное решение финала своего грамотно выстроенного спектакля. Никита набрасывает на шею петлю, и мы можем лишь гадать, совершил ли он самоубийство.

Теперь он искренно объясняется с матерью и дедом, и затевает игру, где участники его жизненной истории играют роли друг друга. Теперь они добры и сострадательны. Остается только слиться в объятии и закружиться в общем танце.

Наверно, не в этой жизни...

Вечер второй. Человек из...

Молодого человека из Подольска задержала полиция «для выяснения личности». Без повода. Так начинается спектакль Даугавпилского театра «Человек из Подольска» по пьесе *Дмитрия Данилова* в постановке *Георгия Суркова*. Зрители, желающие знать главную идею спектакля, могли прочитать в программке слова режиссера-постановщика: «Счастье находится внутри нас». То есть, неважно, в столице ты живешь, или в условном Подольске, - счастье зависит не от этого, а от собственной установки. Правда, в самой пьесе эту мысль трудно прочитать, - но ведь сценическую трактовку драматургии создает режиссер. Так что почему бы и нет...

Но спектакль оказался о другом (впрочем, как и пьеса).

Выразительный актер *Вадим Богданов* представляет нам своего героя, «человека из Подольска), интеллигентным, не слишком удачливым, с обычной судьбой: зарплата маленькая, работа не увлекает, профессия выбрана случайно, жена ушла к другому. Словом, еще один «маленький человек», вполне в русской литературной традиции. Но вот в ситуации он оказался отнюдь не традиционной.

По сюжету, полицейские задались целью доказать молодому человеку, что он ничего собой не представляет, живет как животное, не замечая, что «жизнь проходит мимо него». Зачем им это нужно? А вот так они понимают свою воспитательную миссию. Пусть парень научится радоваться жизни и любить свою малую родину – Подольск, в данном случае. Не можешь - научим,

не умеешь - заставим. История, прямо скажем, сомнительная, но опять же, почему бы и нет...

Спектакль, однако, как самостоятельное существо, проявил собственный характер.

С самого начала действия наш герой оказывается под жестоким прессингом (не жестким, как в пьесе, где героя «бьют несильно», а именно жестоким). Роль жертвы примеряется на него уже с первых минут, когда его тело, лежащее ничком на полу, 1-й полицейский обводит мелом. На столе – дубинка, наручники и неременный стакан с водой. 1-й полицейский (актер *Михаил Самодахов*) умело чередует издевательскую вежливость с грубыми угрозами, а 2-й, которого играет *Марис Корсиетс*, с видимым удовольствием осуществляет эти угрозы в физическом плане (даже плюет задержанному в лицо). Допрашиваемый унижен и испуган, его беспомощность

усиливается непониманием происходящего. Тем временем полицейский тандем превращается в трио, - появляется женщина-капитан полиции. В исполнении *Кристины Захаровой* она миловидна и самоуверенна; приветливый тон ее назидательных речей никого не обманывает: за ним прячется садистская сущность. Поведение этих троих «стражей порядка» способно испугать любого храбреца, и трогательно наблюдать, как человеческое достоинство допрашиваемого пытается пробиться сквозь боль и страх.

А «подсадная утка» - человек из Мытищ, сидящий в обезьяннике, - уже прошел обработку, стал «сознательным» и призван подать пример нашему герою. В пьесе этот Сережа – лишенный собственной воли, зомбированный субъект, радостно и с удовольствием выполняющий нелепые приказы полицейских и бодро, наизусть, отвечающий на их вопросы; он уже «перевоспитался». Актер *Виктор Янцевич* играет усердного примитивного исполнителя, искренне уверовавшего в постулаты своих мучителей. В нем таится и угроза; из таких, как этот Сережа, вполне можно формировать неофашистские группировки. Но в финале спектакля он снимает куртку, и под нею обнаруживается полицейская форма. По замыслу режиссера, он - не «человек из Мытищ», а равноправный участник жестокой игры.

И когда полицейские, вдоволь натешившись игрой в кошки-мышки, отпускают свою жертву, они сообщают ему, что расстаются с ним ненадолго: они задержат его снова. Поругание человеческого достоинства продолжится; нашего героя надо «научить родину любить», растоптав его личность.

И научат, - не зря он участвует в общем бессмысленном финальном танце.

Так о чем получился спектакль? О «счастье внутри нас»?

Нет. О тотальной несвободе «маленького человека».

Вечер третий. Выразить невыразимое

«Есть в близости людей заветная черта...», - точно заметила Анна Ахматова. И продолжила: «Стремящиеся к ней безумны...»

Пластический спектакль Даугавпилского театра «Близость» (режиссер – Олег Шапошников, хореограф - Ирина Савельева) - тонкое и выразительное высказывание на эту вечную тему. Изящная вязь сценических метафор, сотканная из человеческих тел... Таких прекрасных и таких беззащитных...

Беззащитных не перед смертью (хоть это так и есть), а перед самими собой. Перед собственным непобедимым стремлением к близости.

Как бабочки на огонь, летят они друг к другу, и гибнут, и возрождаются, чтобы вновь повторить губительно-завораживающее влечение к огню.

Обиталище огня в спектакле - таинственная Книга. Книга Бытия? Книга Познания? Тот, кто владеет ею (рок? демиург? дьявол? или... Бог?), – есть Добро и Зло в одном лице. То в белоснежном, то в черном одеянии, присутствует он, - невидимый, незамечаемый, грозный, - в невинных юных играх, в грехопадениях и восторгах людей. И горе тому, кто возьмет огненную Книгу из его рук; печать отверженности будет лежать на избраннике.

Тема избранничества проходит через весь спектакль. Вот юная девушка стремится стать на пуанты, и невдомек ей, что предшественницу унесли бездыханной. Ее ждет та же участь, и уже новые мотыльки летят на огонь...

«Вначале было Слово»... Летят с небес буквы, но складывает их в слова только тот, кому дан талант, – избранный. И вот уже слова превращаются в листы Кни-

ги, и жадно читают написанное молодые люди. Что там сказано?.. Звучит медитативная музыка; каждую секунду рождаются и исчезают новые прелестные существа, тают их души в высоте небес. Но океан жизни безграничен, и все новые Афродиты возникают из пены морской, готовые познать тайну...

Влечение и противостояние, – как бесконечно их разнообразие, и как однообразна их бесконечность! Черные

костюмы, лиловые шарфы; лиловый цвет – сродни черному, не зря он стоит крайним в спектре: дальше – только бездна черного. Черная бездна.

Не в эту ли бездну вглядываются актеры, когда в начале спектакля молча смотрят в зрительный зал? На первый взгляд, - провокация; на поверку – нечто большее. Долго смотреть в бездну опасно, она начинает смотреть в тебя.

Да, книг много, но где та, единственная, спасительная? Избранник готов на жертву, но нужна ли она?

Остается лишь принять яблоко из рук Хозяина Книги, – то самое, с древа познания?

Но в сияющем райском саду, у подножия древа, много яблок.

На всех хватит.

Алексей ГОСТЕВ

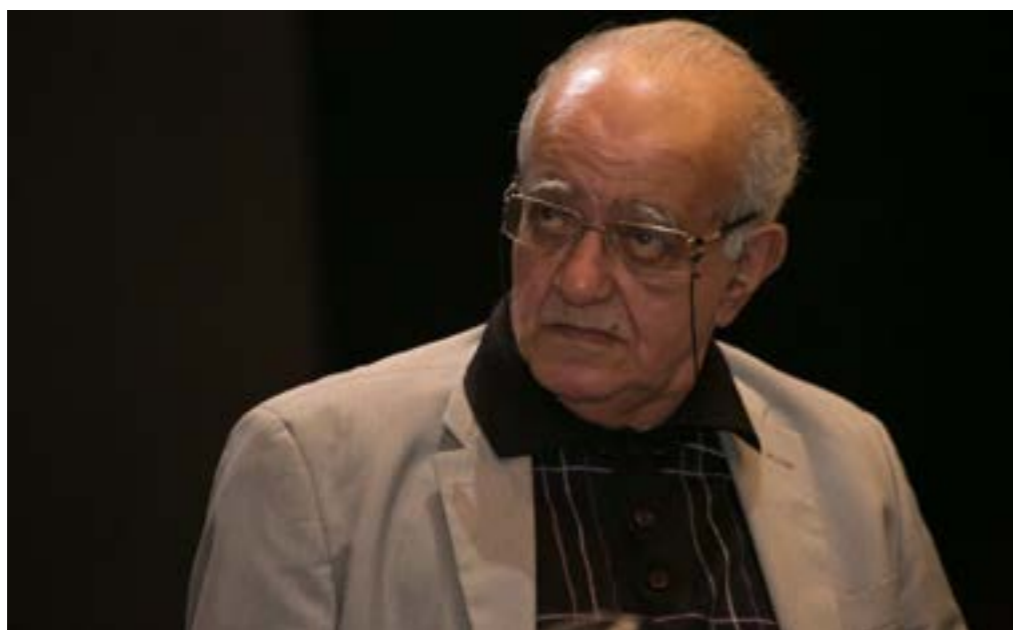
Журналист, редактор, возглавлял ряд популярных республиканских периодических изданий, в 2012-2020 гг. заведующий литературно-драматической частью Национального русского театра драмы им. Лермонтова.

И корабль плывет...

В последний день перед отпуском, 30 июня, труппа театра имени Лермонтова, как обычно, собралась в большом репетиционном зале, чтобы подвести итоги сезона – не самого радостного в истории и, возможно, самого драматичного за последние десятилетия. Мировая пандемия коронавируса спутала все карты и планы – фактически, театр был закрыт с середины марта. Артистам запретили даже репетировать, поскольку в стране было объявлено чрезвычайное положение и в Алматы установили жесткий локдаун. В июне эпидемиологическая ситуация в самом крупном городе Казахстана слегка выправилась, и санитарные службы позволили провести сбор труппы.

О том, что на встречу с коллективом придет худрук, никто не надеялся – было бы кощунственно подвергать риску жизнь и здоровье «капитана корабля», учитывая его самочувствие и преклонный возраст. Однако Рубен Суренович Андриасян все-таки появился... на экране большого монитора, установленного на сцене. И сколь ожидаемыми ни были слова, сказанные коллегам, они про-

звучали безжалостным приговором в зале суда, в абсолютной тишине:

Р. С. Андриасян

- Я принял нелегкое решение, но оно единственно правильное... Как однажды сказал один знаменитый президент: «Я устал, я ухожу». Король состарился – да здравствует Король.

И прежде чем сложивший с себя полномочия художественного руководителя народный артист республики, лауреат Государственной премии, кавалер ордена «Отан», профессор Андриасян официально провозгласил преемника, раздались долгие овации. В театре Лермонтова прощались с эпохой, которая длилась без малого 40 лет. «Все было предсказуемо и неминуемо, и все же горло сковал тяжелый комок, было трудно дышать, - признается позже одна актриса. – Ведь Рубен Суренович был не просто главным режиссером моей жизни, он был и остается *всей* моей жизнью».

... Что сам я чувствовал в этот момент? Пожалуй, абсолютную пустоту, ведь эту внутреннюю катастрофу я пе-

режил гораздо раньше, примерно за год до фактической отставки Мастера. В ноябре 2019-го, на гастролях в Москве, мы встретились в театре Маяковского, где в рамках первого международного фестиваля русских театров зарубежья столичной публике был представлен спектакль Рубена Андриасяна «Джут» о голодоморе в тридцатые годы прошлого века, с Владимиром Ереминым – известнейшим российским актером, официальным голосом Аль Пачино и Роберта де Ниро... Немногие, правда, знают, что Еремин когда-то начинал артистом в Лермонтовке, а впоследствии поставил в этом театре три замечательных спектакля, один из которых по собственной пьесе – «Пожар в сумасшедшем доме во время наводнения». Я пригласил Владимира Аркадьевича на спектакль, мы общались за кулисами и он ненароком обронил: «У вас большие перемены, скоро будет новый худрук...». Помнится, земля ушла из-под ног. Несмотря на то, что последние семь лет я был правой рукой Андриасяна, его помощником по литературно-драматической части, он мне ничего не сказал о грядущей неизбежности. А я не осмелился спросить, при всей прозрачности наших отношений... Более того, мне пришлось еще и записывать это видеобращение Мастера на камеру, я делал это с непроницаемым, но совершенно белым лицом. Рубен Суренович при всей его восточной хитрости, в добром смысле, всегда вел честную игру. Свою рецензию на одну из его лучших постановок по Чехову – «Чайку» на Малой сцене – я так и озаглавил: « Ча-ча-ча! (Чайка. Чехов. Честно)». Все мы, желая Мастеру поистине кавказского долголетия, понимали: скорее всего, это его последний спектакль в этом театре. И самый совер-

шенный, венец творения. Здоровье, которое Рубен Су- ренович за эти четыре десятилетия растратил в борьбе за установление здорового климата в коллективе, в последнее время сильно подводило. Порой, в редкие минуты сокращения дистанции (субординация для него и для меня священны), он еле слышно, глядя на меня совершенно больными глазами, спрашивал: «Что мне делать? Мне пора на покой, мне совесть не позволяет занимать чужое место...». Однажды я нарушил привычное сочувственное молчание и довольно жестко ответил: «Время упущено, Рубен Суренович, теперь только до последнего вздоха тут, без вас театр развалится, как карточный домик». Я отчасти лукавил: хотя в художественно-постановочном отношении у Андриасяна, действительно, не было преемника, но у него был надежный тыл в лице директора – тоже верного ученика и в прошлом актера. Именно Юрий Александрович Якушев за последние два десятилетия поставил работу так, что вся эта конструкция функционирует бесперебойно и исправно, как самые высокоточные часы. На мой взгляд, только такие крепкие тандемы, подразумевающие разделение полномочий (директор решает административные вопросы и не вмешивается в репертуарную политику, а худрук, в свою очередь, не лезет со своим уставом в хозяйственную епархию), являются залогом успешной работы театра. В России ярким примером и подтверждением этого вывода является спарринг Римас Туминас – Кирилл Крок в Вахтанговском, у нас в Казахстане – Рубен Андриасян – Юрий Якушев в театре Лермонтова.

Слава Богу, моим пророчествам не суждено было сбыться: Мастер сейчас пребывает в окружении любя-

щих родных и близких, гуляет по берегу океана, чувствует себя несравненно лучше, чем в загазованной котловине Алматы, и по праву гордится тем, что создал и передал в надежные руки. А мы, прожив год без его непосредственного деятельного участия, имеем возможность уже, что называется «с холодным носом» проанализировать, от какого наследства мы, слава Богу, не отказываемся.

Театр Лермонтова, который расположен в самом сердце южной столицы Казахстана, действительно с виду напоминает белоснежный гигантский лайнер. Старожилы еще зовут его белым лебедем среди зелени. Сказать, что плавание этого корабля всегда было свободным и безмятежным, значит, погрешить против истины. Угрозы благополучному существованию были всегда, а новые вызовы времени только усугубили положение. Театр мог закончить свое существование в лихие девяностые, когда парад суверенитетов, провозглашенный Ельциным, сопровождался мощной волной приватизации и экономическим коллапсом. В те времена, чтобы удержаться на плаву, «русской драме» пришлось в бук-

вальном смысле отдаться дьяволу коммерции – в фойе храма Мельпомены торговали мебелью и картинами алматинских художников! Стремительный отток русскоязычного населения не мог не сказаться на посещаемости: у оставшейся части интеллигенции, истинных театралов, просто не было средств на приобретение билетов. Да и настроения ходить в театр не было – люди поголовно занимались «челночным» бизнесом и элементарно выживали. Вот тогда-то мудрейший Рубен Суренович и придумал антикризисную стратегию: мы будем утюгами, разглаживающими лица людей. Сработало! Ставка на легкие комедии (не от хорошей жизни!) удержала зрительское внимание. Но даже в этот переходный период культурного НЭПа театр не отказывался от серьезных авторов, осознавая свою воспитательную и просветительскую миссию. Именно в лихие девяностые в репертуаре появились Булгаков, Домбровский, Галин, Григорий Горин... Не говоря уже о классиках. «Собачье сердце» с Толоконниковым в роли Шарикова Андриасян поставил задолго до знаменитой картины Бортко. А в самый переломный момент крушения империи – «Поминальную молитву» в параллели с Ленкомовской постановкой Захарова. И маститые московские театральные критики, посмотревшие оба спектакля, отдали пальму первенства именно постановке алматинского театра. Один известный критик писал: *«Я верил, что рано или поздно, но появится в репертуаре театра вещь великая. Без колебания скажу, что «Поминальная молитва» - это звездный час Лермонтовского. Может быть лучшее из того, что было в истории театра.. Такой молитве подвластно «вернуть глаза зрачками в душу»*

- непостижима ее сила». Роль Тевье-молочника была последней ролью выдающегося артиста Льва Александровича Темкина...

Во второй раз театр русской драмы мог почтить в бозе в середине «нулевых», когда пришедшее в негодность здание необходимо было срочно закрывать на капитальный ремонт, а средств катастрофически не хватало. Деньги на ремонт Якушев, в конце концов, нашел, но...«восток – дело тонкое, Петруха». У нас в Азии все делается очень медленно, в итоге ремонт растянулся на несколько лет, спектакли русского театра тогда приютили коллеги из других театров – казахского, уйгурского, казахского ТЮЗа имени Мусрепова... Андриасяна, помнится, нервировало и раздражало, что вместо вопросов творческого плана журналисты беспрестанно спрашивали его только об одном: «Когда закончится ремонт?». И неизвестно, сколько бы еще тянули кота за хвост подрядчики, не соберись в театр с инспекцией Нурсултан Абишевич Назарбаев (в стенах театра Лермонтова должна была пройти встреча президента с творческой интеллигенцией страны).

К чести первого президента Казахстана, он никогда не был равнодушным к судьбе и чаяниям «русской драмы». Когда Рубен Суренович тяжело заболел (грозный диагноз не давал поводов для оптимизма), Назарбаев дал указание главе правительства выделить деньги на лечение и благодаря этому Мастера экстренно прооперировали в Израиле. А впервые президент побывал в Театре Лермонтова в 2002 году. Спектакль Рубена Андриасяна «Эзоп» по пьесе Фигейредо «Лиса и виноград» настолько потряс главу государства (о, сколько в нем было эзопова языка, аллюзий и аллегорий!), что постановку и ее создателей сразу же выдвинули на Государственную премию...

Забегая вперед, отмечу, что и в наши дни театр не застрахован от внешней агрессии: швондеры от исполнительной власти периодически предпринимают попытки подмять под себя очаг культуры. Исторически сложилось, что до недавнего времени каждый вновь назначенный аким (мэр города) считал своим долгом переподчинить республиканские театры, расположенные на территории мегаполиса, в муниципальную собственность, не считаясь с интересами Министерства культуры. Слишком лакомый кусочек для властей – недвижимость в центре города. Велик соблазн сровнять с землей храм Мельпомены и на его пепелище построить ординарный и безликий торгово-развлекательный центр. Три года назад Андриасян и Якушев невероятными усилиями выиграли очередную битву за театр. А ведь уже была придумана и практически утверждена концепция перевода сразу нескольких государственных театров республиканского подчинения в недавно построенное здание

«Алматы арена» по типу Театра наций, где раз в неделю один из театров (казахский, русский, немецкий, уйгурский, корейский) должен был играть постановку («в очередь, сукины дети!»). Реализации этой шизофренической идеи помешали СМИ и лидеры мнений, но сколько моральных сил это противостояние отняло у руководителей театров!

... Однако бог с ними, с хозяйственными проблемами. Лучше поговорим о творческих достижениях. Театр Лермонтова славен двумя краеугольными составляющими: образцовой репертуарной политикой и объективно сильной труппой, иначе бы, по опросам интернет-голосования «Звезда театрала», он не входил бы в десятку ведущих русских театров СНГ. Такому репертуару позавидует иной столичный театр: Шекспир, Лермонтов, Чехов, Островский, Гоголь, Грибоедов, Вампилов, Шукшин, Разумовская, Дюрренматт, Шоу, Шмитт, Уильямс, Стейнбек, Бергман! Как отмечала в своем обзоре, опубликованном в журнале «Иные берега» ведущий российский театральный критик России Элеонора Германовна Макарова: *«Трудно себе представить, что в наше непростое время, когда разорваны все связи, а город Алматы совсем не близко, в нем сохранился очаг настоящей русской культуры – Государственный академический русский театр драмы имени Лермонтова. Поражает афиша театра. Даже в Москве вряд ли найдется театр, который мог бы похвастаться таким репертуаром».*

Такой богатейшей палитре имен и названий театр обязан Рубену Суреновичу Андриасяну, который многие десятилетия выстраивал репертуарную политику

по принципу «каждому по потребностям». Его художественная линия была сбалансированной – учитывались вкусы всех категорий зрителей (возрастной, социальной, интеллектуальной). Богатая жанровая палитра позволяла каждому удовлетворить свои эстетические запросы и предпочтения. Примечательно, что, придерживаясь консервативных взглядов («форма исчерпаема – неисчерпаем человек в своем внутреннем содержании!»), Мастер давал возможность в полной мере проявить буйство фантазии режиссерам, исповедующим иную, даже чуждую эстетику. Так, в репертуаре в бытность Андриасяна худруком появились экспериментальные и даже инновационные постановки немецкого режиссера Дмитрия Билова («Андалузское проклятие» по Лорке и «Маскарад» по Лермонтову), москвички, любимой ученицы Римаса Туминаса Гульназ Балпеисовой («Горе от ума»), Полины Неведомской («Снегурочка. Не сказка»), Гиорги Маргвелашвили («Ромео и Джульетта»). Еще двадцать лет назад, когда высокие технологии только заявили о себе, Рубен Суренович доверил самый сложный материал – абсурдистскую пьесу Славомира Мрожека «Танго» - молодому алматинскому телевизионщику Игорю Пискунову. Одним из первых начинающий режиссер использовал на сцене антарекс с видеоинсталляциями. Причем работал «зеленый» Пискунов с такими мастодонтами сцены, как Юрий Померанцев и Лия Нэльская. Результат превзошел все ожидания: спектакль Пискунова стал фаворитом ежегодного фестиваля Балтийского дома «Встречи в России» - он произвел настоящий фурор!

Порой Андриасян, что называется, переступал через себя – так произошло со спектаклем Романа Виктю-

ка «Фуршет после премьеры» (пьеса В. Красногорова). «Мне просто было интересно, что из нее вылепит Роман Григорьевич», - признавался позже Андриасян.

Этот «эксперимент» обернулся большим скандалом: приехал Виктюк, поставил на уши весь театр, перессорил всю труппу, шокировал «академического зрителя». Больше года не утихали яростные споры вокруг постановки в чатах популярной казахстанской интернет-платформы «Центр тяжести». Тот классический случай, когда все сложилось точно по Эфросу, который считал, что лишь тот спектакль может считаться состоявшимся, если пятьдесят процентов зрителей являются горячими поклонниками и пятьдесят процентов – яркими ненавистниками. Как ни парадоксально, многие артисты говорят сегодня, что поверили в собственные силы именно после соприкосновения с гением Виктюка. Так произошло, например, с Ириной Лебсак. До встречи с Романом Григорьевичем режиссеры почему-то видели в этой актрисе тургеневскую девушку - «голубую», лирическую героиню, но именно Виктюк, что называется,

выпустил джинна из бутылки.

Ирина Лебсак

За последние два десятилетия Ирина Маратовна стала ведущей актрисой, примой театра, а ряд ярких характерных ролей (Валентина – «Что хочет женщина», Бургомистр – «Визит дамы», Анна Андреевна – «Ревизор», Мария Юзефа – «Андалузское проклятие», Филумена – «Филумена», Жижи Трахос – «Жижи», Шарлотта – «Осенняя соната») снискал огромную зрительскую любовь. Последняя упомянутая работа Лебсак – роль Шарлотты в пьесе Ингмара Бергмана – была признана лучшей женской ролью на международном фестивале «Белая вежа-2021» в Беларуси. К слову, актриса преуспела также на литературной ниве – совсем недавно вышла в печать ее книга «Актерские монологи» («Лебски»).

О том, что такой сильной труппе позавидуют многие театры, в один голос говорят критики на всех фести-

валях.

Преимственность поколений – важнейшая составляющая театрального процесса. *«Я знаю театр имени Лермонтова более полувека и застал труппу, в которой блистали Е.Я. Диордиев, В.Б. Харламова, Л.П. Кюн, Е.В. Попов, Л.В. Нэльская, Л.Э. Боксерман, Л.А. Тёмкин, Н.И. Трофимова, Л.Я. Майзель, А.И. Медведев, Н.И. Зеленов, Ю. Б. Померанцев, - вспоминает сегодня Рубен Андриасян. - Помню удивительно дерзкую молодёжь, теперь уже старшее поколение нашей труппы – Геннадий Балаев, Юрий Капустин, Виталий Гришко, Нина Жмеренецкая, Михаил Токарев Людмила Тимошенко, Анатолий Креженчуков, Галина Буянова... Эту эстафету приняли представители нынешнего среднего поколения – Ирина Лебсак, Лариса Паукова, Сергей Уфимцев, Татьяна Эйнис, Ольга Ландина, Анастасия Тёмкина, Виталий Багрянцев и другие. В наши дни на сцене правят бал мои ученики, которым сегодня около тридцати и чуть за тридцать – Ирина Кельблер, Камилла Ермекова, Роман Жуков, Дмитрий Багрянцев, Рауф Ха-*

бибуллин, Илья Шилкин, Максим Лукоянов, Илья Бобков ... Я часто думаю о том, какой крепкий фундамент заложили основатели театра – Юрий Рутковский со товарищи. Я видел это, наши артисты, лишённые на три года возможности выходить на родную сцену во время капитального ремонта, репетировали, где угодно: в производственных цехах, в клубах при температуре помещения плюс 10 градусов – так, как Рутковский с труппой репетировал в 1933 году в бараках НКВД под писк и шебуриание крыс...».

Сегодня, в свои – страшно сказать – 98 лет на сцену легкой мальчишеской походкой вбегает Юрий Борисович Померанцев – ученик Натальи Ильиничны Сац. Единственный артист в труппе театра Лермонтова, не имеющий специального актерского образования – гений-са-

Ю. Б. Померанцев

моучка. Язык не поворачивается назвать его уходящей натурой! Прожив без малого целый век, испытав ужасы фронта, голод, лишения, этот человек живет насыщен-

ной жизнью, его собеседники – Станиславский и Немирович-Данченко, Мейерхольд и Михаил Чехов – с этими достопочтенными господами Померанцев ежедневно и яростно полемизирует у себя на кухне. Расскажу одну историю, ранее не опубликованную: несколько лет назад актер и режиссер нашего театра Сергей Попов решил поставить модную пьесу Джеффа Барона «Визиты к мистеру Грину». Это была внеплановая самостоятельная работа – в заглавной роли Попов видел только Померанцева, а у того (надо знать характер Юрия Борисовича) было... 120 вариантов рисунка роли! За два года квартирных репетиций Попов и Померанцев так переругались между собой, что штукатурка осыпалась и трубы выли. Но когда администрация театра совместно с юридической службой начала переговоры с автором пьесы, он неожиданно для всех заартачился. Не давал разрешение на постановку – и все тут! Мы в театре ходили с лицами соуса песто, не представляя, как сообщить эту трагическую новость Померанцеву. Не хватало нам только инфаркта! И тогда я решил снять тизер спектакля и в черно-белом варианте отправил его Джеффу Барону в Америку. Трогательный, щемящий, с крупными планами трясущихся рук и шарпеистых морщин старика – мистера Грина-Померанцева. На следующий день Барон подписал все бумаги, причем на самых выгодных для театра условиях!

В театре отлично понимают, что «вариться в собственном соку», довольствуясь исключительно любовью проверенного, верного алматинского зрителя для него губительно. Поэтому прошедшее десятилетие ознаменовалось бурной фестивально-гастрольной деятельностью.

В 2013 году состоялись долгожданные и очень успешные гастроли театра Лермонтова в Москве, на прославленной сцене МХТ. «Мы совершаем здесь акт наглости, - пошутил на пресс-конференции в день открытия Рубен Андриасян, - дерзнули привезти в Москву «Вишневый сад» и открыть этой пьесой Чехова наши гастроли на *этой* исторической сцене». Столичные театралы испытали глубокое удовлетворение и от этого, и от последующих актов. А мхатовские билетерши, переходя на шепот, признавались алматинским артистам: «Вот у вас настоящий Чехов, а у нас дурак какой-то».

А в 2014 году театру Лермонтова рукоплескали Петербург и Омск.... Послание «с требованием веры и с просьбой о любви», которое «зачитали» со сцены петербургского театра «Балтийский дом», прозвучало столь пронзительно, что заставило зрителей достать платки. Тот же спектакль «Отель двух миров» по пьесе Э.-Э. Шмидта (он лишь недавно сошел с афиш, став историей) растопил сердца и сибирской публики. Примечательно, что на «Отель» в Омске еще за сутки до представления было продано чуть меньше половины билетов. «Это провал!» - читалось на взволнованных лицах администраторов. Очевидно, аннотация, авторы которой напустили потустороннего тумана, отпугнула публику. Но уже после первого гастрольного спектакля – «Визит дамы» по пьесе Ф. Дюрренматта – кассы осаждали, как колбасные лавки в дни августовского путча. А уж когда зрители распробовали наши комедии... Как ни парадоксально, наибольшим успехом у омичей пользовались не авангардные постановки для камерной сцены с тонкими психологическими поединками вроде

«Малых супружеских злодеяний», а французские комедии, которые во всем мире собирают кассу, и только на постсоветском пространстве считаются низкопробными. «Леша! Ты не поверишь – зал лежит под креслами! «Пижама на шестерых» всех порвала!» - кричала мне, завлиту, за кулисами главный администратор. Кстати, по свидетельству кулуарных сплетников, главный режиссер Омской драмы Георгий Цхвирава пришел в ярость, узнав, какой репертуар везут в его театр алматинцы: «Что?! На нашей сцене – Куни и Камолетти?! Да как они посмели! Да наши зрители проголосуют ногами против!». Они и проголосовали... в горизонтальном положении, в пароксизме восторга. Видать, перекармили сибиряков «правильной» духовной пищей, коль у них возникла потребность в остро-соленой-перченой кухне. И даже те критики, которым не по нраву подобного рода драматургия, признавали, что казахстанским артистам удалось не уронить Куни до ватерлинии Бенни Хилла, но возвысить его до изящества парадокса «Монти Пайтон»...

Ох уж это «как они посмели!»... Вспоминается международный фестиваль «Откровение» в Алматы, куда съехались видные и шибко модные столичные критики, поборники современного искусства. Мы показали им «Ромео и Джульетту» Шекспира – куда уж современнее! Тем более в авторской, совершенно авангардной трактовке Гиорги Маргвелашвили, режиссера из Грузии. Это был даже не холодный душ – ледяная прорубь. «Да как вы посмели в год 400-летия нашего Уильяма показать такого богомерзкого Шекспира!» - визжал от негодования один ретивый московский театровед. А через полго-

да в Рязани этот же спектакль ведущий и авторитетный критик Римма Кречетова назвала открытием фестиваля «Свидание на театральной», причем спектакль помимо гран-при завоевал еще пять номинаций...

И все же настоящим фарватером для корабля под названием Театр имени Лермонтова стало участие в федеральной программе «Большие гастроли». Со спектаклем «Андалузское проклятие» по пьесе Лорки «Дом Бернарды Альбы» в 2017 году мы объехали всю Сибирь – Барнаул, Новокузнецк, Новосибирск. В последнем из тройки городов, правда, произошел забавный казус: слух о том, что в спектакле есть сцена с легким намеком на лесбийские отношения, так возбудил «православных активистов», что они устроили на популярном местном интернет-портале настоящую обструкцию спектаклю – как сказал бы герой Михаила Ефремова из «Дня выборов», заочно его отпели. Особенно развеселили два комментария: «Единственный мужчина не вышел на поклон, так как ему было стыдно за срамной спектакль» и «Надеюсь, на спектакле уже побывали сотрудники ФСБ и Следственного комитета и сделали соответствующие выводы...» Ох, люди, люди...

А еще через два года по той же программе спектаклю «О мышах и людях» по Стейнбеку неистово аплодировала публика Уфы и Тольятти. Как ни странно, даже пресловутая пандемия и наглухо закрытые границы не смогли отменить встречу с любимыми братьями-славянами: 2020 год – большие гастроли в Орске и Оренбурге, участие во втором международном фестивале русских театров зарубежья, 2021 год – упомянутое уже триумфальное выступление на белорусском фести-

вале «Белая вежа» в Бресте...

... «Король состарился. Да здравствует король!» - провозгласил под аплодисменты труппы ушедший с капитанского мостика Рубен Суренович Андриасян. «Прошу любить и жаловать – новый художественный руководитель Государственного академического русского театра драмы имени Лермонтова Дмитрий Анатольевич Скирта!» - представил преемника коллективу директор Юрия Якушев. И все дружно выдохнули.

Д. А. Скирта

Потому что у мудрого Мастера гениальное чутье. Строго говоря, Дмитрий Скирта не является учеником Андриасяна. Но даже любимый ученик может оказаться предателем и ревизионистом. За примерами далеко ходить не надо. А единомышленник – никогда.

Дмитрий Скирта из породы играющих тренеров.

Режиссер самых кассовых спектаклей в Лермонтовском театре, он как актер продолжает выходить на сцену в спектаклях «Ужин с дураком», «Ревизор», «Интимная комедия»... На его спектаклях «О мышах и людях» и «Мой папа Питер Пэн» по пьесе Карен Климовски в зале плачут мужчины. Не удивлюсь, если, посмотрев однажды «Малые супружеские злодеяния» (спектакль по пьесе Шмитта много лет шел на Малой сцене и совсем недавно сошел с репертуара), какие-то переживающие кризис семейные пары приняли решение не разводиться.

Скирта известен и популярен в народе еще и как медийная персона, благодаря участию в первых казахстанских мыльных операх «Перекресток» и «Саранча». При этом он в свое время стал самым молодым заслуженным артистом в Казахстане – звание получил еще в девяностые, когда блистал в ТЮЗе у Бориса Николаевича Преображенского (Пушкин, Гамлет, Николка в «Белом кресте» по Булгакову... Скирта сколь принципиален, столь и прямодушен, никогда не держит камня за пазухой. Еще Скирта – гуманист по натуре, человечность и

любовь к ближнему проходит красной нитью через все его постановки.

– Если бы я придерживался другого курса, я не проработал бы в этом театре столько лет, - говорит Дмитрий Скирта. - Поэтому я вовсе не намерен менять традиции, которые складывались годами. Главное, чтобы корабль продолжал плыть. Хочется, чтобы со сцены нашего театра и дальше читалась любовь, свет и всё то, на чем можно вырастить по-настоящему живое и думающее поколение.

Параллели с кораблем, продолжающим плыть курсом на общечеловеческие ценности, проводит и Рубен Андриасян, правда, уже из-за океана: *«Я поздравляю и себя с тем, что мне выпал этот счастливый билет на Корабль, который будет плыть до тех пор, пока не обмелеет открытое море нашей взаимности. А мы уж постараемся, чтобы этого не произошло. Попутного ветра!»*

Справка

Русский театр драмы в Алматы был создан по решению правительства Казахской ССР в 1933 году. Первым режиссёром и директором нового театра был Юрий Людвигович Рутковский, а первый свой спектакль творческий коллектив поставил в г. Семипалатинске, так как в столице ещё не было построено здание театра. Открывался театр премьерой по пьесе К. Тренёва «Любовь Яровая» (режиссер Ю. Л. Рутковский). Затем уже в Алма-Ате театр продолжил свой долгий и яркий творческий путь.

Долгие годы на сцене театра с успехом шли спектакли таких прославленных режиссёров, как Георгий Товстоногов, Яков Штейн, Мар Сулимов, Азербайджан Мамбетов и многих других...

В театральных постановках блистали выдающиеся деятели казахстанского искусства – Елизавета Кручинина, Хадиша Букеева, Зинаида Морская, Шакен Айманов, Валентина Харламова, Евгений Диордиев, Нурмухан Жантурин, Лев Тёмкин, Владимир Толоконников и другие замечательные артисты.

В 1964 году театру было присвоено имя Михаила Юрьевича Лермонтова. В наши дни слово «лермонтовцы» стало привычным для алматинцев брендом, за которым стоит коллектив известных и любимых артистов.

После успешных гастролей в Москве в 1974 году театру было присвоено звание академического, в 1983 году театр был награждён орденом Дружбы Народов.

Театр Лермонтова хорошо известен и за пределами Казахстана, активно участвует в крупнейших казахстанских и международных фестивалях, достойно представляя отечественную культуру на таких крупнейших театральных форумах, как Международный фестиваль «По Шёлковому пути» в Германии, Международный Театральный фестиваль Шёлкового пути в Южной

Корее, международные фестивали русских театров «Встречи в России» в Санкт-Петербурге и «Соотечественники» в Саранске.

Большой честью для театра явилось участие в культурной программе «ЭКСПО-2017». Во время международной выставки в Астане были представлены два спектакля по произведениям русской классики – «Маскарад» М.Ю. Лермонтова и «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

В 2021 году Указом президента РК Касым-Жомарта Токаева театру присвоен высокий статус «Национальный».

СПОНСОР ЖУРНАЛА

Открывать новых авторов для русской сцены – любимое занятие переводчика Виктора Вебера. Впервые в России, на страницах журнала «Драм Театр», публикуется пока еще неизвестного для русского театра пьеса драматурга из Канады Орена САФДАЯ.

Виктор ВЕБЕР:

«Пьесу «Как облапошить старушку!» для возрастной актрисы, похоже, я перевёл для собственного удовольствия (и я его получил!), потому что, судя по всему, вытащить ее на сцену сможет только возрастная актриса, которой понравится роль главной героини, Элеоноры.

Пьеса хорошая, история хорошая, главная роль прекрасная! Но трагическая. Найдется такая актриса – пьеса обязательно станет спектаклем»!

О р е н С А Ф Д А Й

**К А К
О Б Л А П О Ш И Т Ь
С Т А Р У Ш К У !**

Действующие лица

Элеонора Кауфман – ей за восемьдесят, седые волосы, трезвомыслящая, независимо богатая женщина с позитивным чувством юмора. Память начинает ее подводить, но она не позволяет себе раздражаться из-за этого. Иногда даже возникает ощущение, что разум свой она контролирует гораздо лучше, чем дает знать. Несмотря на ухудшающееся зрение, нарастающую глухоту и ноги, которые служат далеко не так хорошо, как прежде, она уверенная в себе, гордая и даже позволяет себе немного пофлиртовать в компании симпатичного молодого человека.

Джонатан Сигал – молодой, хорошо образованный студент-музыкант из Канады. Он немножко идеалист и пытается сочувствовать страданиям других людей, но зачастую выглядит это, как снисходительность. Его искренность иной раз чрезмерна и кажется наигранной.

Виктория Винстон – служанка с постоянным проживанием, уроженка Ямайки, женщина за пятьдесят, предста-

вительница старой школы. Вежливая, профессиональная, все в доме у нее под контролем. На работе она в традиционном наряде служанки (светло-синее платье и белые туфли), услужливая, но характер у нее крепкий, и она знает, где провести черту.

Григорий – русский бухгалтер, ему за пятьдесят. Не типичный бухгалтер, под строгим костюмом скрыто весьма бурное прошлое. Ходит в квадратных очках, говорит с русским акцентом и пытается быть большим американцем, чем большинство американцев. По манере поведения, скорее Путин, чем Ельцин.

Катерина (Кауфман) Лайтнер – дочь Элеоноры за пятьдесят лет, красивая, одевается с европейской элегантностью, поскольку последние двадцать лет жила в Германии. Но безразличие матери сказывается на ней, выносит на поверхность все худшее, что в ней есть. Вероятнее всего, указывает на эмоциональную ранимость.
Место действия - Нью-Йорк. Время - настоящее.

Картина 1

Джонатан сидит в кабинете, ждет. Смотрит на зрителей. Через несколько мгновений входит Виктория.

Виктория. Принести вам что-нибудь выпить?

Джонатан. Нет, все хорошо, благодарю. Не хочу вас затруднять.

Виктория. Это моя работа. стакан воды?

Джонатан. Себе тоже принесете?

Виктория. Нет.

Джонатан. От воды не откажусь.

Виктория. Со льдом?

Джонатан. Если он есть под рукой.

Виктория. У нас есть не только вода.

Джонатан. А что еще?

Виктория. Кола, Севен-ап, имбирный эль... сок.

Джонатан. Свежий?

Виктория. Из концентрата.

Джонатан. Знаете, я остановлюсь на воде. Если с пузырьками, будет еще лучше.

Виктория. Уже несу.

Джонатан. Никакой спешки нет.

Виктория. Миссис Кауфман вот-вот подойдет.

Джонатан. И ей скажите, что спешить некуда. Я очень терпеливый.

Виктория уходит. Джонатан ждет, глядя прямо перед собой. Через какое-то время слышит, как Элеонора идет по коридору, шаркая и чуть подволакивая ноги.

Джонатан (вскакивая со стула). Привет, миссис Кауфман.

Элеонора. Привет?

Джонатан. Привет, привет.

Элеонора. Это кто?

Джонатан. Это я, Джонатан.

Элеонора. Чей карман?

Джонатан. Нет. Джо-на-тан.

Элеонора. Я тебя знаю?

Джонатан. Мы разговаривали по телефону. Я – друг Пола Стайна.

Элеонора. Пол здесь?

Джонатан. Нет. Я – друг Пола. Он просил передать вам привет.

Элеонора. А-а-а. И как Пол?

Джонатан. У него все прекрасно.

Элеонора. Мне надо бы ему позвонить.

Джонатан. Хотите, чтобы я это сделал?

Элеонора. Что?

Джонатан. Набрал его номер?

Элеонора. Кого?

Джонатан. Пола. Хотите, чтобы я ему позвонил?

Элеонора. Зачем? Что-то не так?

Джонатан. Насколько я знаю, нет.

Элеонора. Мы позвоним ему позже. Я время от времени спрашиваю у него, как дела в Консерватории. Каждый год выписываю им чек на круглую сумму.

Джонатан. Да, я знаю.

Элеонора. Знаешь?

Джонатан. Я понимаю, что новый концертный зал появился благодаря вам.

Элеонора. Да, это так.

Джонатан. Спасибо.

Элеонора. Всегда пожалуйста. За что?

Джонатан. Я там учусь.

Элеонора. Как мило. Так как тебя зовут?

Джонатан. Джонатан.

Элеонора. Ральф?

Джонатан. Нет, Джонатан.

Элеонора. А что ты здесь делаешь?

Джонатан. Пришел насчет работы.

Элеонора. Какой работы?

Джонатан. Помогать вам со счетами.

Элеонора. Как ты об этом узнал?

Джонатан. Я – друг Пола.

Элеонора. Как Пол?

Джонатан. У него все отлично.

Элеонора. Хорошо, это хорошо... Я должна ему позвонить.

Джонатан. Позже.

Элеонора. Может, утром в четверг.

Джонатан. Я запишу.

Элеонора. Что?

Джонатан. Насчет звонка Полу.

Элеонора. Ты меня запутал...

Джонатан. Джонатан.

Элеонора. А что такой Ральф?

Джонатан. Я не знаю.

Элеонора. Ладно, так ты остаешься?

Джонатан. Если только вы захотите.

Элеонора. Я скажу Виктории, чтобы она приготовила тебе комнату.

Джонатан. Нет, нет, я не остаюсь на ночь. Жилье у меня есть.

Элеонора. Как скажешь. Встань, пожалуйста. (*Джонатан встает.*) Повернись кругом. (*Джонатан поворачивается.*) Почему ты не в костюме?

Джонатан. Я не думал, что для этой работы необходим костюм.

Элеонора. Какой работы?

Джонатан. Помогать вам со счетами. Просматривать почту.

Элеонора. Хорошая идея. Может, займемся почтой?

Джонатан (*облегченно*). Да! Конечно.

Элеонора. А потом мы позвоним.

Джонатан. Полу?

Элеонора. Мужчине с акцентом.
(*Джонатан в недоумении. Виктория входит с графином*

воды. Джонатан бросается к ней, чтобы помочь с подносом).

Виктория. Вы сядьте. Воду я вам принесу.

Элеонора. О, привет, Виктория. Ты познакомилась с...

Виктория. С Джонатаном.

Элеонора. С кем?

Джонатан. Джонатан. Друг Пола Стайна.

Элеонора. Как Пол?

Джонатан (*старательно выговаривает каждое слово*). У него все хорошо. Мы позвоним ему позже. Он просил меня подойти к вам сегодня, во второй половине дня, потому что вам нужен человек, который будет приходить сюда раз в неделю и помогать вам со счетами. Он сказал, что работа эта оплачивается, а иногда вы можете накормить меня ланчем.

Элеонора. Тогда все понятно. Виктория, накорми его ланчем. Ты познакомился с Викторией?

Виктория (*тихо*). Как только пришел.

Элеонора. Говори громче!

Виктория. Как только пришел! Вы забыли слуховой аппарат!

Элеонора. Не нужен он мне сегодня. Я просто разговариваю...

Поворачивается к Джонатану.

Джонатан. С Джонатаном.

Элеонора. Да. Точно. (*Поворачивается к Виктории.*) Почему бы тебе не заняться почтой, чтобы мы увидели, что я должна этому миру?

Джонатан. Я могу заняться почтой.

Элеонора. Да, хорошая идея. Займись. Хочешь чего-нибудь выпить?

Джонатан. Виктория уже принесла мне воды.
 Элеонора. И все?
 Виктория. Это все, что он попросил.
 Элеонора. Так гостей не принимают, Виктория. Почему бы тебе не приготовить лимонад?
 Виктория. Сейчас приготовлю.
 Элеонора. Лимоны у тебя есть?
 Виктория. Думаю, да. Вы тоже хотите лимонад?
 Элеонора. Который теперь час?
 Виктория. Три часа дня.
 Элеонора. Думаю, я могу выпить кофе.
 Виктория. Обычно вы пьете его позже.
 Элеонора. И что? *(Обращаясь к Джонатану.)* Сегодня выпью раньше.
Виктория уходит.
 Джонатан. Она очень милая.
 Элеонора. Кто?
 Джонатан. Виктория.
 Элеонора. Э... да. Она с Ямайки. На знаю, что бы я без нее делала. Она со мной... Какой нынче год?
 Джонатан. Две тысячи двенадцатый.
 Элеонора. Правда?
 Джонатан. Да.
 Элеонора. Тогда мне... *(Подсчитывает в уме.)* Я очень старая.
 Джонатан. Вы выглядите гораздо моложе.
 Элеонора. Чего?
 Джонатан. Вашего возраста.
 Элеонора. И сколько мне лет?
 Джонатан. Я не знаю.
 Элеонора. Ладно, ты все равно славный.

Джонатан. Спасибо вам.
 Элеонора. Не за что. *(Берет бумажную салфетку, сморкается.)* А теперь скажи еще раз, как тебя зовут?
 Джонатан. Джонатан.
 Элеонора. Позволь записать. *(На столике находит ручку и блокнот.)* Говори.
 Джонатан. Джонатан.
 Элеонора. Это можно не записывать. Легко запомнить. И чем ты занимаешься?
 Джонатан. Учусь в консерватории.
 Элеонора. Правда? На каком играешь инструменте?
 Джонатан. На эуфониуме.
 Элеонора. Н знаю такого.
 Джонатан. Музыкальный духовой инструмент.
 Элеонора. И чего ты приехал?
 Джонатан. Чтобы помогать вам с почтой.
 Элеонора. Я нуждаюсь в помощи?
 Джонатан. Вы сказали, что нуждаетесь.
 Элеонора. Когда?
 Джонатан. По телефону на прошлой неделе.
 Элеонора. Что ж, тогда, наверное, нуждаюсь.
 Джонатан. Хотите, чтобы я вскрыл первое письмо?
 Элеонора. Конечно, конечно... Но подожди. Сколько я должна тебе платить?
 Джонатан. Вам решать.
 Элеонора. Три доллара в час?
 Джонатан. Пожалуй, маловато.
 Элеонора. Правда?
 Джонатан. Да.
 Элеонора. А сколько сейчас платят?
 Джонатан. Пол Стайн упомянул пятнадцать долларов.

Элеонора. Пятнадцать долларов?

Джонатан. Пол Стайн так сказал, да.

Элеонора. Если Пол сказал пятнадцать долларов, я уверена, на то были причины.

Джонатан. Хотите ему позвонить?

Элеонора. Зачем?

Джонатан. Чтобы подтвердить.

Элеонора. Нет, нет, мы остановимся на...

Джонатан. Пятнадцати.

Элеонора. Пятнадцати долларах?!!

Джонатан. Да.

Элеонора. Тебе придется их отработать.

Джонатан. Отработаю и с лихвой.

Элеонора. Это я и хотела услышать.

Джонатан. Вскрывать первое письмо?

Элеонора. Пожалуйста. (*Джонатан берет за первое письмо. Элеонора кладет ногу ему на колено.*) Не будешь возражать, если я положу ногу тебе на колено?

Джонатан. Э...

Элеонора. Улучшает циркуляцию.

Джонатан. Хорошо.

Элеонора. На ноги внимание обращаешь?

Джонатан. Простите?

Элеонора (*гордо, о себе*). Конечно, хорошо быть красоткой, но стройные ноги и веселый смех помогут девушке добиться многого.

Джонатан. Я уверен.

Элеонора. Сможешь помассировать мне лодыжку?

Джонатан (*массирует, с неохотой*). Так лучше?

Элеонора. Значительно. И он все еще жив?

Джонатан. Кто?

Элеонора. Человек, о котором мы говорили.

Джонатан. Я не знаю.

Элеонора. Что ты не знаешь?

Джонатан. Вы хотите знать, жив ли кто-то.

Элеонора. Большинство из них мертвы.

Джонатан (*достает письмо из конверта*). Я вскрыл первое письмо.

Элеонора. Когда я была юной девушкой, один красивый молодой человек писал мне замечательные письма.

Джонатан. Бойфренд?

Элеонора. Думаю, он стал моим мужем.

Виктория приносит кофе.

Элеонора. Виктория, как звали того мужчину?

Виктория. Вашего мужа звали Ричард. Мужчину, с которым вы обручились – Герберт.

Элеонора. Нет, не его.

Виктория. А молодого человека, который писал вам стихи, Юджин.

Элеонора. Юджин! Он самый. Его отец был членом городского совета.

Виктория. Нет это был Герберт.

Элеонора. Точно.

Виктория. Вот ваш кофе.

Элеонора. А который час?

Виктория. Самое начало четвертого.

Элеонора. Немного рановато, так?

Виктория. Я могу принести его позже.

Элеонора. Так будет лучше.

Виктория уходит, унося кофе с собой.

Джонатан. Первое письмо.

Элеонора. Счета наверх, чеки – вниз.

Джонатан. Это просьба о пожертвовании от «Инглиш Инк».

Элеонора. Должно быть, они думают, что я богатая.

Джонатан. Такие просьбы приходят всем.

Элеонора. Но я действительно богатая, знаешь ли.

Джонатан. Да, я знаю.

Элеонора. Кто тебе сказал?

Джонатан. Я это предположил, поскольку вы жертвуете очень много денег консерватории, в которой я учусь.

Элеонора. Ты знаешь Пола Стайна?

Джонатан. Да.

Элеонора. Как он?

Джонатан (*ему один и тот же вопрос о Стайне поднадоел*). У него все очень, очень, очень хорошо.

Элеонора. Но подружки до сих пор нет?

Джонатан. Насколько мне известно – нет.

Элеонора (*ответ ее тревожит, а вдруг Джонатан – гей*). Гм-м-м. И зачем ты здесь? (*Плечи Джонатана опускаются, он тяжело вздыхает. Но Элеоноре не хочется его терять.*) Ага. Почта. Платить по моим счетам. Мой бухгалтер... Ты его знаешь.

Джонатан. Нет, не знаю.

Элеонора. С акцентом. Он говорит, что это хорошо для меня - делать пожертвования.

Джонатан. Вы хотите пожертвовать деньги этим людям?

Элеонора. Каким?

Джонатан. «Инглиш Инк». Они предлагают сделать английский официальным языком Соединенных Штатов.

Элеонора. Разве он не официальный?

Джонатан. Похоже, что нет.

Элеонора. А какие еще языки у нас есть?

Джонатан. Французский, немецкий, китайский... много испанского.

Элеонора. Давай дадим им немного денег. Английский – хороший язык, его надо сохранить.

Джонатан. Сколько вы хотите дать?

Элеонора. Английскому языку.

Джонатан. Чтобы сделать английский язык официальным языком Соединенных Штатов.

Элеонора. Давай дадим им двадцать долларов.

Джонатан. То есть я выписываю чек?

Элеонора. Ты выписываешь чек, копируешь его в бухгалтерскую книгу с указанием суммы и даты, и я его подписываю.

Виктория приносит лимонад.

Виктория. Вот ваш лимонад.

Джонатан. Спасибо большое. Надеюсь, я не сильно...

Виктория. Не волнуйтесь, все хорошо.

Элеонора. Привет, Виктория.

Виктория. Все нормально?

Элеонора. Все отлично. Это Джонатан. Он – друг Пола Стайна из консерватории. Пришел, чтобы помочь мне со счетами. Он играет на эуфониуме. Следует нам его нанять?

Виктория. Это решать вам, миссис Кауфман.

Элеонора. Я думаю, ему можно доверять.

Виктория. Очень хорошо.

Элеонора. И вот что, Виктория.

Виктория. Да, миссис Кауфман.

Элеонора. Я думаю, что сейчас я выпью кофе.

Виктория. Уже несу, миссис Кауфман.

Уходит.

Элеонора. А теперь расскажи мне все, что ты знаешь о Поле.

Затемнение.

Картина 2

Виктория стоит, в руках поднос с едой. Переминается с ноги на ногу, собирается сесть, но тут из ванной выходит Джонатан, застегивая ширинку.

Виктория. Я принесла ваш ланч.

Джонатан. Извините, не знал, что вы ждете.

Виктория. Это не проблема.

Джонатан. Боюсь, унитаз немного засорился.

Виктория. Не волнуйтесь, я об этом позабочусь. Поднос поставить на кофейный столик?

Джонатан. Лучше на письменный стол. У меня сегодня мало времени. Завтра вечером учебный концерт.

Виктория. Он похож на настоящий?

Джонатан. Да. Но нас также оценивают и профессора. Вход для зрителей свободный... Если есть желание, приходите.

Виктория. Я бы с удовольствием, но суббота – мой единственный выходной день

Джонатан. Может, в следующий раз.

Виктория (*заинтересовано*). А что вы играете?

Джонатан. Симфонию Элгара помер два ми-бимоль мажор. (*Виктория вежливо кивает, показывая, что знает, о чем речь.*) Вы знаете классическую музыку?

Виктория. Не так, чтобы хорошо. Но я обожаю концерты в Линкольн-Центре.

Джонатан. Вы ходите на концерты в Линкольн-Центр?

Виктория. Нет, но у миссис Кауфман сезонный абонемент на все концерты Нью-Йоркского филармонического оркестра.

Джонатан. Это здорово. Так вы ходите с Элеонорой?

Виктория. Нет. Мисис Кауфман уже два года не покидает квартиру.

Джонатан (*не собираясь ни в чем обвинять, но получается именно так*). И она дает билеты вам?

Виктория (*на секунду ошарашена*). Так вышло, что очередной концерт в следующую субботу. (*Выдвигает ящик, достает билеты, протягивает Джонатану.*) Может, хотите пойти?

Джонатан. Места потрясающие.

Виктория. Пятый ряд, середина.

Джонатан. Мне спросить Элеонору?

Виктория. Возможно, сегодня она не встанет. Выдалась тяжелая ночь.

Джонатан. А что случилось?

Виктория. Иногда слюна стекает не туда, и она кашляет без остановки. Как-то это связано с дыхательными путями в ее горле. Приходится сидеть рядом и ждать, когда приступ закончится.

Джонатан. Вы тоже устали.

Виктория. Я привыкла.

Джонатан. Позвольте мне больше не отнимать у вас времени.

Виктория. Ничего страшного.

Джонатан. И если у вас есть вантуз, может, я смогу...

Виктория. Я займусь этим позже. (*Поворачивается, чтобы уйти.*) Дайте знать, если вам потребуется что-то еще.

Джонатан. Благодарю. Сейчас я только со всем знакомлюсь.

Виктория. Хорошее занятие.

Джонатан. Так много документов нужно просмотреть.

Виктория. Да.

Джонатан (*когда Виктория уже у самой двери*). Вы знали, что у Элеоноры есть два счета, которые долгие годы не используются?

Виктория. Я этого не знала.

Джонатан. Надеюсь, вы не возражаете, что я просмотрел все выписки и попытался навести порядок.

Виктория. Я собиралась это сделать.

Джонатан. Не то, чтобы там много денег, но, однако, потерянные проценты имеют место быть.

Виктория. Деньги счет любят.

Джонатан. И я в это верю.

Виктория. Я только что поняла, что забыла принести подливу для пюре.

Джонатан. Пожалуйста, нет такой необходимости.

Виктория. Она уже готова, греется на плите.

Джонатан. Моя мама поблагодарила бы вас... Она всегда тревожится, что я недоедаю.

Виктория. Где она живет?

Джонатан. В Кингстоне, Онтарио.

Виктория. Я тоже из Кингстона, только на Ямайке.

Джонатан. Она – профессор социологии в Королевском университете. Он достаточно престижный. Мой отец тоже преподает там. Английский язык.

Виктория. Вы наверняка очень умный мальчик, учитывая, кто ваши родители.

Джонатан. Ум сильно переоценен. Все несчастные

люди, которых я знаю, или хорошо образованы, или богаты.

Виктория. Тяжелое дело.

Джонатан. Извините, это прозвучало слишком высокомерно. Думаю, я просто доказывал свои слова.

Виктория. Я принесу вам подливу.

Джонатан. Виктория...

Виктория. Да?

Джонатан. Могу я задать еще один вопрос?

Виктория. Конечно.

Джонатан. Насчет бухгалтерских книг.

Виктория. Да.

Джонатан. Я просто пытаюсь понять, как это работает.

Виктория. И у вас проблемы?

Джонатан. Нет никаких проблем. Просто... ну... эти чеки.

Виктория. На мое имя.

Джонатан (*облегченно*). Да.

Виктория. Когда Элеоноре что-то нужно, она выписывает мне чек. Я обналичиваю его в банке и покупаю то, что ей нужно.

Джонатан. Я так и думал. Благодарю.

Виктория. Они все указаны с датой.

Джонатан. Да, конечно... А кто такой Моисей?

Виктория. Моисей – мой муж.

Джонатан. Понимаю.

Виктория. Это проблема?

Джонатан. Нет, конечно, нет. Я просто видел, что несколько чеков были выписаны Моисею Винстону, и не знал, о ком речь.

Виктория. Он проводит в квартире мелкий ремонт.

Джонатан. Ясно. И Элеонора ему за это платит.

Виктория. Не должен он работать бесплатно.

Джонатан. Разумеется, это понятно. Просто пытаюсь разобраться, как здесь все устроено.

Виктория. Она платит ему двадцать пять долларов в час.

Джонатан. Значит, четыреста сорок три доллара и семьдесят пять центов двадцать первого сентября он получил...

Виктория. За ремонт книжных полок.

Джонатан. Работал почти восемнадцать часов.

Виктория. Еще и расходные материалы.

Джонатан. За них расплачивались отдельно?

Виктория. Нет, они вошли в общую сумму.

Джонатан. Конечно, извините. Это логично. Может, в следующий раз вы сделаете отдельные записи.

Виктория. В каком смысле?

Джонатан. Напишите, сколько ему заплатили за работу и сколько стоили расходные материалы.

Виктория. Нет проблем. Я сейчас принесу вашу подливу.

Джонатан. Позвольте занять еще двадцать секунд вашего драгоценного времени. Возвращаясь к Рождеству... Там три или четыре чека на три тысячи долларов для нескольких людей.

Виктория. Должно быть, для ее внуков. Каждый год она посылает им подарок.

Джонатан. Понимаю. Но только тысяча долларов Катерине Лайтнер.

Виктория. Это ее дочь. Она живет в Германии.

Джонатан. То есть внуков она любит больше, чем дочь?

Виктория. По-моему, обычное дело.

Джонатан (*со смешком*). Полагаю, да... И восемь тысяч долларов вам.

Виктория. Рождественская премия.

Джонатан. И пять тысяч долларов Моисею.

Виктория. Рождественская премия моему мужу.

Джонатан. Ясно. Хорошо. Думаю, теперь я все понял.

Виктория (*раздраженно, заставляя Джонатана подумать. А что еще она может сделать*). Вы еще хотите подливу?

Джонатан. Пожалуй, да... Элеонора близка с внуками?

Виктория. Николас и Сабина живут в Германии. Звонят каждые несколько месяцев. У нее есть еще одна внучка, от сына Адама. Он умер в прошлом году.

Джонатан. Как грустно. От чего?

Виктория. Сердечный приступ. Его дочь приезжает довольно часто, без приглашения.

Джонатан. Сюзан?

Виктория. Да.

Джонатан. Я вижу несколько маленьких чеков выписанных ей, с примечаниями: телефонные счета, коммунальные услуги и т.д.

Виктория. Она пытается стать актрисой.

Джонатан. И живет в Нью-Йорке?

Виктория. Совершенно верно.

Джонатан. Ясно. У вас есть дети?

Виктория. Одна дочь.

Джонатан. Латиша?

Виктория. Откуда вы знаете?

Джонатан. Просто увидел чек на десять тысяч долларов «Школе по соседству» с примечанием: «На учебу Лати-

ше».

Виктория. Миссис Кауфман много лет платила за обучение моей дочери. Родственники в курсе, вы можете у них узнать.

Джонатан. Я и не предполагаю, что они не в курсе... Просто знакомлюсь с ситуацией. Стараюсь понять, как все устроено. К примеру, если я работаю на Элеонору икс часов, то сам выписываю чек и даю Элеоноре на подпись?

Виктория. Именно так.

Джонатан. А есть кто-то еще, кому я должен об этом сказать... Точнее, есть кто-то еще, кто может подтвердить, что именно столько часов я и отработал?

Виктория. Зачем это нужно?

Джонатан. На случай, что я ошибусь.

Виктория. Не понимаю.

Джонатан. Я – честный человек, во всяком случае, стараюсь таким быть, но есть кто-то еще, кто может проверить, что я не использую ситуацию в свою пользу?

Виктория. Поэтому мы все записываем в книгу.

Джонатан. Точно. А после того, как книга заполняется?

Виктория. Начинаем новую.

Джонатан. Значит, есть и другие бухгалтерские книги?

Виктория. Все они лежат в правом нижнем ящике. В них записи за три года.

Джонатан. Хорошо. Отлично. Это все, что меня интересовало. И кто просматривал эти книги?

Виктория. Сын миссис Кауфман.

Джонатан. Но теперь его с нами нет.

Виктория. Я просматриваю их в конце года и подвожу итог.

Джонатан. Я понимаю... И в этом нет ничего плохого... Но может, будет неплохо ввести систему сдержек и противовесов.

Виктория. Это вы о чем?

Джонатан. Возможно, кто-то еще должен приходиться и просматривать бухгалтерские книги, чтобы не допустить недоразумений.

Виктория. По моему пониманию, именно для этого я здесь.

Джонатан. Да, полагаю, что да. Я просто задаюсь вопросом, кто еще, помимо сына Элеоноры, который умер, приглядывал за всем этим?

Виктория. Вы про ее бухгалтера?

Джонатан. Да! Благодарю. Конечно. Иногда мне сложно выразить то, что я хочу сказать. Поэтому я музыкант, а не композитор. Именно для этого бухгалтер и нужен.

Виктория. Он приходит раз в год, иногда два.

Джонатан. И просматривает бухгалтерские книги.

Виктория. Полагаю, что да.

Джонатан. И как его или ее зовут?

Виктория. Григорий.

Джонатан. Акцент у него есть?

Виктория (*встревоженно*). Вы с ним говорили?

Джонатан. Нет.

Виктория. Я думаю, он из Европы или из тех краев.

Джонатан. Вы знаете, когда он придет в следующий раз?

Виктория. Обычно он появляется в марте.

Джонатан. То есть в последний раз он был здесь...

Виктория. В прошлом марте.

Джонатан. Примерно одиннадцать месяцев тому назад.

Виктория. Да, именно так.

Джонатан (*чуть агрессивно*). И с тех пор... С того времени, как умер ее сын... В бухгалтерские книги кто-нибудь заглядывал?

Виктория. Почему вы говорите со мной в таком тоне?

Джонатан. Извините, вы правы. Прошу простить меня за излишний энтузиазм. Я просто удивлен, что вас поставили в такое положение. Наверное, это очень напрягает, одной работать за всех.

Виктория (*теперь чувствуя, что он на ее стороне*). Да, это так.

Джонатан. Я вижу, сколько сил требует уход за Элеонорой, а еще вам приходится быть ее бухгалтером, банковским менеджером и личным секретарем.

Виктория. Я рада, что вы понимаете, в каком я положении.

Джонатан. Вот я и постараюсь снять с вас хотя бы часть этих забот.

Виктория. Благодарю.

Джонатан. К примеру, я заведу расходный счет в супермаркете. Вам нужно будет только расписаться за покупки, а счет я буду оплачивать в конце месяца.

Виктория. А если мне понадобится что-то такое, чего в супермаркете нет?

Джонатан. Я об этом еще не думал, но мы вернемся к этому разговору.

Виктория. Благодарю.

Джонатан. Всегда рад помочь.

Виктория. Ваша еда остыла. Хотите, чтобы я ее подогрела?

Джонатан. Да, пожалуйста. И, может, я таки получу

немного подливки.

Виктория. Безусловно. Что-нибудь еще?

Джонатан. Нет, это все.

Виктория. Вы уверены?

Джонатан. Да.

Виктория. Мистер Сигал, я рада, что вы приглядываете за бухгалтерскими книгами миссис Кауфман. Похоже, вы ей нравитесь.

Джонатан. Она мне тоже нравится.

Виктория. Это очень важно, что ее окружают люди, которые заботятся о ней. Мы все надеемся, что в старости так будет и с нами.

Джонатан. Да, конечно.

Затемнение.

Картина 3

Дорогой японский ресторан морепродуктов. Григорий жует, просматривая бухгалтерскую книгу. Джонатан молча сидит напротив, иногда что-то отправляя в рот, но не отрывая взгляда от Григория, пристально следит за выражением его лица.

Григорий (*наконец, проглотив*). Она видела, что вы взяли их с собой?

Джонатан. Определенно, нет. И я заменил их пустыми, на случай, если она откроет ящик.

Григорий. Дельная мысль. Три книги?

Джонатан. Да.

Григорий (*продолжает просмотр верхней книги, ест. Внезапно отрывается от книг, заметив, что Джонатан практически не ест*). Еда нормальная?

Джонатан. Да.

Григорий. Потому что вам не было необходимости заказывать самое дешевое блюдо. Плачу я.

Джонатан. Мне нравится курица Терияки.

Григорий. Попробуйте мою уни. Настоящий деликатес.

Джонатан. Нет, благодарю.

Григорий. Я запал на морепродукты. Напоминают мне о прогулках вдоль пустынного песчаного берега при низком приливе.

Джонатан. Вы любите море?

Григорий. Все русские любят море. Это единственное, ради чего нам не требовалось стоять в очереди. (*Возвращаясь к бухгалтерской книге.*) Видите, что она сделала? Ее муж приходил на несколько часов седьмого, потом через два дня, потом через три, и она всякий раз записывала одинаковую сумму. Каковы шансы, что такое могло быть?

Джонатан. С учетом стоимости расходных материалов.

Григорий. Именно. Разные ремонтные работы требуют разных расходных материалов. (*Собирается продолжить чтение.*) У меня идея. Давайте закажем омара на двоих? Они здесь невероятно нежные. Шеф-повар засовывает ему в зад палочку для еды, когда он еще живой, чтобы убрать нечистоты.

Джонатан. Спасибо, я пас.

Григорий. Салат из морской капусты? Совсем не то, что продают в супермаркетах. Пальчики оближешь.

Джонатан. Нет, благодарю.

Григорий (*читает дальше*). Кабельное телевидение — нормально, ди-ви-ди — многовато будет, си-ди. (*Поднимает голову.*) Между прочим, на каком инструменте вы играете?

Джонатан. На эуфониуме.

Григорий. Это что?

Джонатан. Духовой инструмент.

Григорий. Никогда о таком не слышал.

Джонатан. Выглядит, как маленькая туба.

Григорий. Так почему вы не говорите, что играете на тубе?

Джонатан. О чем вы?

Григорий. Если описывать инструмент по размерам, не проще ли использовать общее название? А почему не на саксофоне или на трубе? Как Майлс Дэвис?

Джонатан. В старшей школе мой учитель музыки посмотрел на мои губы, попросил дунуть, и вручил мне эуфониум.

Григорий. Кот как бывает. И теперь это ваша карьера?

Джонатан. Меня вполне устраивает второстепенная роль.

Григорий не понимает, качает головой и возвращается к бухгалтерской книге.

Григорий. А это что за числа?

Джонатан. Мои подсчеты — карандашом. Виктории — чернилами.

Григорий. Суммы совпадают?

Джонатан. До последнего цента. (*Григорий закрывает книгу, прядя к некоему заключению.*) Что думаете?

Григорий. Надо отдать ей должное. Учет у нее налажен.

Джонатан. Это и странно.

Григорий. Совсем нет. Если вы грабитель банков, придете вы в банк, одетый, как грабитель?

Джонатан. Не хотите вновь проверить подсчеты?

Григорий. Вы, я вижу, парень умный. А кроме того, чи-

сла не лгут дважды.

Джонатан. Примите во внимание, что учтено все, жалование, аренда, еда, одежда и разовые расходы.

Григорий. Элеонора ест консервированный суп, пьет «Нескафе», заказывает платья в «Сирсе». Даже если бы она каждый день ела черную икру и запивала ее французским шампанским, сто пятьдесят тысяч долларов в год многовато будет.

Джонатан. Я знаю, знаю.

Григорий. Хотите десерт?

Джонатан. Нет, благодарю.

Григорий. У них великолепное мороженое. Готовится прямо здесь. Двадцать сортов.

Джонатан. Так что же нам делать?

Григорий. А есть сомнения?

Джонатан. Я просто думаю, что нельзя принимать поспешных решений. Очень важно взвесить все за и против и оценить последствия.

Григорий. Я что-то не понимаю, куда вы клоните?

Джонатан. Очень многое нужно принять во внимание, прежде чем предпринять какие-то действия. Что-то очевидно, что-то нет.

Григорий. Например?

Джонатан. Например, мы должны учесть, что Элеонору, возможно, подталкивали к увеличению расходов.

Григорий. Посмотрите на чеки. Подпись если и можно признать законной, то на пределе. Она начинается в самом низу и уходит на дату. Вы действительно думаете, что Элеонора знала, что подписывала?

Джонатан. Может, на подсознательном уровне.

Григорий. Значит, проблема еще и психологическая.

Джонатан. Нет.

Григорий. Что мы должны сделать, так это передать все в полицию.

Джонатан. Я понимаю, почему вы так говорите и что чувствуете.

Григорий. А вы чувствуете что-то другое?

Джонатан. Нет. Я хочу сказать, это совершенно неприемлемо. Поэтому я и обратился к вам.

Григорий. Хорошо.

Джонатан. Но есть и более важные аспекты, которые мы должны рассмотреть, прежде чем перейти к действиям.

Григорий (*повторяет с вызовом*). Например?

Джонатан. Благополучие Элеоноры.

Григорий. Она живет под одной крышей с обкрадывающей ее воровкой! Прежде всего мы должны вышвырнуть Викторию из квартиры и поменять все замки.

Джонатан. А потом?

Григорий. Я завтра же проведу собеседование с возможными кандидатами. Одно хорошее агентство я знаю.

Джонатан. А этот вечер?

Григорий. Вы можете провести ночь в квартире Элеоноры? Я уверен, семья компенсацию вам заплатит.

Джонатан. Нет у меня достаточных навыков, чтобы приглядывать за Элеонорой. Как, впрочем, и у вас.

Григорий. Вы правы. До утра оставим все, как есть.

Джонатан. А что потом?

Григорий. О чем вы?

Джонатан. Виктория теперь больше, чем служанка. По существу, она – член семьи. И несмотря на все эти денежные проблемы, я уверен для Виктории очень важно

благополучие Элеоноры. Они очень привязаны друг к другу.

Григорий. Собаки любят своих хозяев, пока их кормят.

Джонатан. У нас не тот случай.

Григорий (*меряя Джонатана взглядом*). Почему вы защищаете ее?

Джонатан. Нет у меня такого намерения.

Григорий (*открывает одну из бухгалтерских книг, пролистывает*). Я хочу сказать, что расходы начали и продолжают расти сразу после смерти Адама.

Джонатан. Я знаю, знаю. Мне все это понятно. Нет сомнений, что она воспользовалась ситуацией.

Григорий. И вас это не тревожит.

Джонатан. Тревожит. И еще как. Я просто не воспринимаю ее поведение, как черное и белое.

Григорий смотрит на Джонатана.

Григорий. Я знаю, для меня английский - не родной язык, но я просто не понимаю, что вы мне говорите.

Джонатан. Я пытаюсь донести до вас следующее... Виктории самой пришлось принимать решения.

Григорий. Продолжайте.

Джонатан. Поэтому, возможно, ее чрезмерные запросы как-то связаны с обстоятельствами, в которых она работала.

Григорий. Какими обстоятельствами? Теперь вы консультируете меня.

Джонатан. Окружающая среда способствовала тому, что она потеряла ориентиры.

Григорий (*сообразив, что к чему*). Вы говорите, что я как-то с этим связан?

Джонатан. Разумеется, нет.

Григорий. Потому что мой радар это улавливает.

Джонатан. Отнюдь. У вас много клиентов, которые загружают вас работой. И контролировать каждодневные расходы пожилой дамы, конечно же, не входит в ваши обязанности.

Григорий. Это так.

Джонатан. А если не доверять людям, как с ними работать? Оправдания содеянного ею нет.

Григорий. Безусловно!

Джонатан. Безусловно! Но я думаю, короткий период времени между смертью сына Элеоноры и моим прибытием позволил бы, может, даже подтолкнул бы любого человека, оказавшего на месте Виктории, воспользоваться ситуацией с выгодой для себя.

Григорий. Вы хотите сказать, украсть.

Джонатан. Фактически, это кража, все так. Но если вечером оставляешь кусочек сыра перед мышьиной норкой, стоит ли удивляться, если следующим утром его не будет?

Григорий. То есть мы должны судить ее иначе, потому что у нее мозги мыши?

Джонатан. Нет. Я хочу сказать, что там, возможно, легче судить ее с той позиции, которую мы занимаем.

Григорий. Я не понимаю. Еще раз, пожалуйста.

Джонатан. Я о нашем привилегированном положении.

Григорий. О каких привилегиях вы говорите?

Джонатан. Возможно, я не совсем точно выразился, но в сравнении с Викторией, мы...

Григорий. Знаете, какую работу мне предложили, когда я прибыл в эту страну?

Джонатан. Нет.

Григорий. Первые три года я мыл посуду в дешевом китайском ресторане, расположенном в квартале, более всего напоминавшем Модагишо. Меня постоянно грабили, и дошло до того, что я держал деньги в руках, чтобы мне не порезали лицо.

Джонатан. Прошу извинить, не подозревал об этом.

Григорий. Вы думаете, я приехал сюда с мечтой о том, чтобы стать бухгалтером? Глаза девушек вспыхивают всякий раз, когда я говорю им, как зарабатываю за жизнь? В Москве я был одним из лучших студентов-физиков.

Джонатан. Почему вы не продолжили учебу здесь?

Григорий. Не мог позволить себе обучение в колледже.

Джонатан. Но есть же стипендии.

Григорий. Я про то, что не мог не работать. У моей матери была астма. Она не говорила на английском. Все заботы о пропитании и крыше над головой лежали на мне. Доходчиво объясняю?

Джонатан. Я все понял. Извините.

Григорий. Так что о привилегиях говорить со мной не надо.

Джонатан. С моей стороны было глупо предполагать...

Григорий. Именно так! Да за кого ты себя принимаешь?

Джонатан. Я полностью этого заслуживаю, и искренне сожалею о своих неправильных предположениях относительно вас. Пожалуйста, примите мои извинения. От чистого сердца.

Григорий (*успокаиваясь*). Извинения принимаются.

Джонатан (*возвращаясь к своим доводам*). Но пусть я не имел ни малейшего понятия о том, через что вам пришлось пройти, чтобы стать тем, кем вы стали, мы, ско-

рее всего, не можем в полной мере оценить, какого это, быть на месте Виктории.

Григорий. Потому что у нее нет разрешения на работу?

Джонатан. И это тоже.

Григорий. Нам с матерью пришлось три месяца стоять на двадцатиградусном морозе перед американским посольством только для того, чтобы попасть на собеседование. Так что не начинайте о нелегалах.

Джонатан. Но вы дождались собеседования. И приехали в эту страну. Теперь вы – полноправный гражданин. Вы не представляете себе, каково это, когда люди относятся к тебе по-другому только потому, что ты не такой, как они.

Григорий. В смысле?

Джонатан (*с трудом выдавливает из себя*). Черный.

Григорий (*в изумлении смотрит на Джонатана*). А вы можете себе такое представить?

Джонатан. Нет. Но я могу проникнуться ее чувствами.

Григорий. И это дает ей право обкрадывать старую, слабоумную женщину? Из-за случившегося двести лет тому назад?

Джонатан. Нет, конечно.

Григорий. Потому что пятьюдесятью годами раньше ее матери приходилось сидеть в задней половине автобуса? Как я понимаю, Виктория даже не из этой страны.

Джонатан. Виктория даже не из этой страны.

Григорий. Давайте свяжемся с английским консульством. Может, они за все заплатят.

Джонатан. Люди воспринимают ее по-другому из-за цвета кожи.

Григорий. Люди воспринимают меня по-другому из-за

моего акцента.

Джонатан. Но не так, как ее.

Григорий. И это оправдывает все?

Джонатан. Нет.

Григорий. Тогда о чем вы говорите?

Джонатан. Я говорю, что все эти факторы, разные элементы, наложившись друг на друга, создали ситуацию, которую можно если не оправдать, но хотя бы чуть лучше понять. И в интересах Элеоноры мы, возможно, сумеем найти более конструктивное решение, которое устроит все стороны. Я про то, что нельзя подпускать к Элеоноре кого попадая, а у меня точно нет ни времени, ни способностей взять на себя ответственность за нее.

Григорий. Никто об этом вас не просит.

Джонатан. Это будете вы? (*Григорий обдумывает вопрос, опускает голову.*) Как я понимаю, нет.

Григорий (*смирившись*). Что вы предлагаете?

Джонатан. Люди делают ошибки.

Григорий. Да, да, мы это уже обсуждали... Переходите к делу.

Джонатан. Если Виктория согласится взять на себя ответственность, за то, что слишком вольно пользовалась своим правом...

Григорий. Воровала.

Джонатан. И поймет, что она должна внести коррективы...

Григорий. Вернуть деньги.

Джонатан. Тогда мы пойдем на то, чтобы позволить ей остаться.

Григорий. И вы думаете, что она разом переменится?

Джонатан. Нет. Но мы сможем разработать систему, ко-

торая затруднит ей непосредственный доступ к деньгам Элеоноры. Я уже договорился о текущем счете в супермаркете.

Григорий. Теперь она будет закупать продукты для всей Ямайки, а заплатит за все Элеонора.

Джонатан. Я буду контролировать ситуацию. Виктории больше не придется подписывать у Элеоноры чеки.

Григорий. А драгоценности Элеоноры?

Джонатан. Я составлю полный перечень.

Григорий. Книги, пластинки, произведения искусства... Некоторые очень дорогие.

Джонатан. Не думаю, что Виктория в этом разбирается. Но, если вам будет спокойнее, я перепишу все названия.

Григорий. Вы все просчитали, так?

Джонатан. Я просто стараюсь найти наилучшее для всех решение.

Григорий (*берет бухгалтерскую книгу, пролистывает*). Вы тоже не местный, так?

Джонатан. Родился в Тимминсе, провинция Онтарио. Это маленький городок с населением...

Григорий. Вы меня разыгрываете.

Джонатан. Что?

Григорий. Там родился Пит Маховлич. Тысяча девятьсот семьдесят второй год. Последняя игра серии Канада – Советский Союз. Маховлич подъезжает к скамье судьи-секретаря, перелезает через барьер и машет клюшкой над головой трех агентов КГБ. Казалось, молния ударила в Кремль! Забудьте Рейгана и Горбачева, коллапс советской экономики. Миллионы русских, прильнув к телевизорам, наблюдали в том вечер, на черно-белых экранах, как молодой канадский панк отказывался

вернуться на лед, пока не освободят его тренера. В тот вечер половина России захотела перебраться в Канаду. И моя мать первой выбрала именно эту страну.

Джонатан. Почему вы туда не поехали?

Григорий. К сожалению, для этого требовалось знать французский или иметь сто тысяч долларов на банковском счету. А вот американцы плевать хотели на то, что у нас есть. Может, рассчитывали, что мы будем признательны им до конца жизни.

Джонатан. Там можем мы, с учетом вышесказанного, дать Виктории еще один шанс?

Григорий (*вновь пролистывает бухгалтерскую книгу, вдруг его взгляд задерживается на одной записи*). Второе декабря. Чек на сто двадцать шесть долларов и двадцать восемь центов.

Джонатан. Рождественские подарки?

Григорий. Туалетная бумага. (*Смотрит на Джонатана, которому нечего сказать, и он опускает голову, признавая свое поражение. Григорий берет меню, раскрывает.*) Думаю, на десерт я закажу омара.

Затемнение.

Картина 4

Джонатан кружит по кабинету, изредка поглядывая на дверь. Слышит доносящиеся из спальни крики Элеоноры, думает о том, чтобы пойти туда и посмотреть, в чем дело, но решает остаться в комнате. Вскоре, подволакивая ноги, приходит Элеонора, вроде бы спокойная, но чувствуется: что-то не так.

Элеонора (*не видя Джонатана, но чувствуя его присутствие*). Привет?

Джонатан. Привет, Элеонора.

Элеонора. Привет?

Джонатан. Это я, Элеонора.

Элеонора. Кто?

Джонатан. Джонатан. Довести вас до стула?

Элеонора. Я сама. (*Идет к стулу, не без труда садится*). Вот, так лучше.

Джонатан. Да.

Элеонора. В комнате есть кто-нибудь еще?

Джонатан. Только я.

Элеонора. Ты уверен?

Джонатан. Абсолютно.

Элеонора (*наклоняется к нему, переходит на шепот*). В моей спальне странная женщина.

Джонатан. Это Ангелика.

Элеонора. Ты ее знаешь?

Джонатан. Да.

Элеонора. Что ей надо?

Джонатан. Она помогает вам сегодня.

Элеонора. А что случилось с Викторией? Эта такая любопытная. Встала в дверях, когда я пошла в ванную и смотрела на меня.

Джонатан. Виктория это делала?

Элеонора. Что?

Джонатан. Виктория вставала в дверях и смотрела на вас?

Элеонора. Иногда. Но эта такая грубая.

Джонатан. Я с ней поговорю.

Элеонора. И что ты скажешь?

Джонатан. Что нельзя быть грубой.

Элеонора. Лучше просто избавься от нее. (*Оживляет-*

ся.) И какая сегодня погода?

Джонатан. Прекрасный весенний день. Светит солнце, снег растаял, поют птицы. Один из тех дней, когда трудно злиться на мир.

Элеонора. Так это здорово.

Джонатан. Хотите выйти из дома?

Элеонора. Колени плохо меня держат.

Джонатан. Я вывезу вас на кресле-каталке.

Элеонора. Кресле-каталке? Господи! Возьму дождевой чек¹.

Джонатан. Как скажете.

Элеонора. Знаете, откуда пошло выражение «дождевой чек»?

Джонатан. Нет.

Элеонора. Когда я была маленькой, дядя Джо брал меня на бейсбольные матчи, и если шел дождь, билетеры выписывали тебе дождевой чек, чтобы ты мог прийти на следующий день. Просто писали «дождевой чек» на билете.

Джонатан. Вы любите бейсбол?

Элеонора. А что там не любить? Свежий воздух, зеленая трава, мужчины в спортивной форме. Мой отец был спонсором «клуба «Маленькой лиги» в Нью-Джерси. Никто этого не понимал, потому что его мебельный магазин находился в Куинсе. Команда называлась «Искатели приключений». Просто удивительно, что я это помню.

Джонатан. Это да. Если хотите, сходим вместе на бейсбол.

Элеонора. Я возьму дождевой чек. *(Она и Джонатан смеются).* Вы видели сегодня Викторию?

¹ В спорте талон на получение компенсации за дождь..

Джонатан *(лжет).* Нет. Виктория взяла сегодня выходной.

Элеонора. И правильно. Всегда на ногах, что-то делает... Не знаю, как ей это удается.

Джонатан. Да.

Элеонора. Я постоянно говорю ей, что она слишком много работает.

Джонатан. Возможно, ее не будет пару дней.

Элеонора. Да?

Джонатан. Может, и неделю.

Элеонора. А что с золовкой?

Джонатан. С кем?

Элеонора. С сестрой мужа. Она обычно приходит, когда у Виктории выходной.

Джонатан. Точно. Ее тоже нет. У них обеих какие-то семейные дела.

Элеонора. Надеюсь, все хорошо.

Джонатан. Я в этом уверен.

Элеонора. Может, нам позвонить ей?

Джонатан. Э-э-э...

Элеонора. Чтобы убедиться, что все у нее в порядке.

Джонатан. Мы сделаем это позже.

Элеонора. Потому что здесь эта женщина.

Джонатан. Ангелика.

Элеонора. Очень грубая. Где ты ее нашел?

Джонатан. Мы ее заменим, если не получится.

Элеонора. А что случилось с золовкой Виктории?

Джонатан. Она тоже не смогла прийти из-за этого мероприятия.

Элеонора. Какого мероприятия?

Джонатан. Семейного.

Элеонора. Я надеюсь, ничего плохого.

Джонатан. Нет, какая-то общая встреча.

Элеонора. Потому что на нее это непохоже. Уйти, ничего не сказав.

Джонатан (*все глубже уходит в трясины лжи*). Я уверен, что она это сделала.

Элеонора. Сделала что?

Джонатан. Сказала вам... Что она... Должна отъехать... на несколько дней.

Элеонора. Да? Я этого не помню.

Джонатан. Может, вы забыли.

Элеонора. Это возможно.

Джонатан. Со мной такое случается постоянно.

Элеонора. Потому что эта женщина...

Джонатан. Больше такого не случится.

Элеонора. Она пыталась подмыть меня.

Джонатан. Разве Виктория этого не делала?

Элеонора. Вероятно, делала. Но не так грубо!

Джонатан. Она пришла с превосходными рекомендациями.

Элеонора. От кого?

Джонатан. От кого?

Элеонора. Кто ее рекомендовал?

Джонатан. Виктория о ней очень высокого мнения.

Элеонора. Сдернула меня с туалетного сидения, брызнула водой, затолкала в угол.

Джонатан. Я с ней поговорю.

Элеонора. Мы ей платим?

Джонатан. Вероятно, потребуются несколько дней, чтобы она привыкла к новому человеку.

Элеонора. К какому человеку?

Джонатан. К вам.

Элеонора. Я тебя не понимаю. Можешь ты соединить меня с Викторией.

Джонатан. Она недоступна.

Элеонора. Посмотри на мои руки.

Джонатан. А что с ними не так?

Элеонора. Не видишь синяки? Она с такой силой сдернула меня с туалетного сидения.

Джонатан (*встает*). Я поговорю с ней немедленно.

Элеонора. Нет, позвони Виктории.

Джонатан. Она не оставила номера.

Элеонора. Где-то есть папка. Со всей касающейся ее информацией. Найди и... Неважно. Адам наверняка знает, где она лежит.

Джонатан. Адам?

Элеонора. Мой сын. Пожалуйста, позвони ему. Номер в моей черной записной книжке, на столе.

Джонатан. Да, конечно.

Элеонора. Под буквой «К».

Джонатан. Элеонора.

Элеонора. Что? Чего ты ждешь? (*Джонатан подходит к письменному столу.*) Если его нет дома, ты найдешь его на озере.

Джонатан. Боюсь, связаться с ним будет сложно.

Элеонора. Какой сегодня день?

Джонатан. Пятница.

Элеонора. Он там. Уезжает в четверг и остается до субботы. Таким образом, не попадает в пробки. Впрочем, когда я туда ездила, пробок не было и в помине. (*Поворачивается к Джонатану.*) Ты нашел номер?

Джонатан. Элеонора...

Элеонора. Почему ты не звонишь?

Джонатан. Адам умер в прошлом году.

Элеонора. Ох! Да, точно умер. Жаль, что у тебя не было шанса познакомиться с ним.

Джонатан. Мне тоже.

Элеонора. Он бы тебе понравился.

Джонатан. Я не сомневаюсь. Вы хотите позвонить Катерине?

Элеонора. Нет. В Европу звонить уже слишком поздно. Кому бы нам позвонить?

Джонатан. Хотите позвонить Полу Стайну?

Элеонора. Откуда ты знаешь Пола?

Джонатан. По консерватории.

Элеонора. И тебя зовут...

Джонатан. Джонатан.

Элеонора. Ральф?

Джонатан (*спорить не хочет*). Да..

Элеонора. Теперь ты меня запутал. Виктория сказала, когда вернется?

Джонатан. Нет.

Элеонора. Я надеюсь, все у нее хорошо. Она слишком много работает.

Джонатан. Я уверен, что все хорошо.

Элеонора. Откуда ты знаешь?

Джонатан. Похоже, событие из радостных.

Элеонора. На нее это совершенно не похоже. А эта очень грубая.

Джонатан. Я поищу кого-то еще.

Элеонора. Зачем нам нужен кто-то еще?

Джонатан. Вдруг Виктория задержится дольше, чем ожидалось.

Элеонора (*зовет*). Виктория!

Джонатан. Ее здесь нет, Элеонора.

Элеонора. Я тебе не верю. Виктория!

Джонатан. Элеонора, Виктория не вернется.

Элеонора. Почему?

Джонатан. Она уехала на Ямайку.

Элеонора. С Латишей?

Джонатан. Да, с Латишей. И с Моисеем.

Элеонора. А как же школа?

Джонатан. Они нашли хорошую школу на Ямайке.

Элеонора. Почему она не попрощалась?

Джонатан. Она попрощалась! Вы не помните?

Элеонора. Нет, не попрощалась. Ты лжешь.

Джонатан. Ладно, не попрощалась. Но она попросила меня сказать вам...

Элеонора. Виктория!

Джонатан. Она крала, Элеонора.

Элеонора. Вик!.. (*Буднично.*) Крала?

Джонатан. Да. Она украла у вас много денег.

Элеонора. Ты уверен?

Джонатан. Да.

Элеонора. Что ж, она могла просто их вернуть.

Джонатан. Не все так просто.

Элеонора. Может, мы мало ей платили.

Джонатан. Вы хорошо ей платили.

Элеонора. Мне надо с ней поговорить.

Джонатан. Она уехала.

Элеонора. Я богата, знаешь ли.

Джонатан. Я знаю.

Элеонора. Это мои деньги!

Джонатан. Да, конечно.

Элеонора. Верни ее.

Джонатан. Не могу.

Элеонора. Эта новенькая едва не убила меня.

Джонатан. Мы найдем кого-то еще.

Элеонора. Злобно смотрела на меня, пока я была в ванной. Попыталась подтереть меня.

Джонатан. Она уволена. Хорошо?

Элеонора. Почему ты ее выгнал?

Джонатан. Она украла больше ста тысяч...

Элеонора (*обрывает его*). Не желаю я тебя слушать!

(*Закрывает уши руками.*) **Виктория!**

Джонатан. Я ничего не могу сделать.

Элеонора. Виктория! (*Внезапно начинает кашлять.*

Джонатан пытается обнять ее, чтобы остановить приступ.) Убери от меня свои руки! (*Элеонора так сильно кашляет, что не может произнести ни слова.*

Джонатан прижимает ее к себе. Наконец, кашель стихает.) Мне нужна Виктория.

Джонатан. Я знаю.

Элеонора. Найди Викторию.

Джонатан. Я сделаю все, что смогу.

Картина 5

Парковая скамья. Уже апрель, но похолодало. Падают снежинки. Виктория сидит вся закутанная, замерзшая и теряющая терпение. Через несколько мгновений появляется Джонатан, с футляром для эуфониума.

Джонатан. Извините, что заставил вас ждать. Преподаватель никак не отпускал.

Виктория (*нетерпеливая и обиженная*). Что вы хотите?

Джонатан. Как вы себя чувствуете?

Виктория. Да какая вам разница? Что вы хотите?

Джонатан. Я сожалею, что все так сложилось.

Виктория. Как сложилось?

Джонатан. Так.

Виктория. Меня выбросили из моей комнаты, как преступницу!

Джонатан. Такого намерения у меня не было.

Виктория. Само по себе ничего не происходит. Так что вы хотите? У меня мало времени.

Джонатан. Я хочу дать вам возможность...

Виктория (*резко*). Какую возможность?

Джонатан. Пожалуйста, дайте мне закончить.

Виктория. Хорошо.

Джонатан. Поймите. Я представляю интересы очень многих людей.

Виктория. А каков ваш интерес?

Джонатан. Мой интерес – Элеонора.

Виктория. Возможность для чего?

Джонатан. Чтобы признать...

Виктория. Что-то, чего я не делала? Хороша возможность.

Джонатан. Пожалуйста, позвольте мне сказать то, что я должен, а потом делайте, что хотите.

Виктория. В смысле?

Джонатан. Кричите на меня. Прежде всего, как бы все это ни выглядело, отчасти я вам понимаю.

Виктория. Это как?

Джонатан. Я на вашей стороне.

Виктория. На моей стороне?

Джонатан. Пожалуйста, дослушайте. (*Виктория удерживается от резкого ответа.*) Я знаю, что вы сейчас

чувствуете. Более того, я знаю, с чем вам приходилось сталкиваться всю вашу жизнь.

Виктория. Да что вы знаете о моей жизни?

Джонатан. Я ничего не знаю о вашей жизни. И не собираюсь даже делать вид, что знаю. Но я...

Виктория. Вы ничего не знаете.

Джонатан. Все так. Но я все-таки надеюсь, что способен глубоко проникнуться чувствами другого человека...

Виктория. Что?

Джонатан. Посочувствовать..

Виктория. Служанке?

Джонатан. Ощутить, что она чувствует, да...

Виктория (в изумлении). Правда?

Джонатан. Мне хочется так думать.

Виктория. То есть вы знаете, какого это, быть чужой в доме, где спишь шесть ночей в неделю? Люди приходят и уходят, не запоминая твое имя, ты для них невидимая, хотя берешь пальто и подаешь напитки. Может, прочищаешь засорившийся унитаз. Вы знаете, что со временем это становится нормальным, ты принимаешь это, как часть работы, а потом однажды просыпаешься и не понимаешь, кто ты? Вы можете это прочувствовать? Мы существуем, чтобы заботится о ваших стариках, о ваших больных, обслуживать все ваши нужды. Да, мы больше не рабы. Нам платят! Но наши жизни, наши семьи, наши мечты, все то, без чего человек существовать не может, приносится в жертву, чтобы вы жили со всеми удобствами. У служанки из квартиры напротив, служанки миссис Валлеро, она с Филиппин, дома пятеро детей. Их воспитывает ее сестра. Она не видела детей шесть лет. Млад-

ший даже не знает о ее существовании. Они решили, что так будет проще. У миссис Лэнсинг, которая живет этажом выше, новый водитель из Гватемалы. Он не смог взять несколько дней и слетать домой, чтобы похоронить отца. Да, конечно, они говорят тебе, что ты – часть их семьи, но только если ты забываешь про собственную семью. И не дай Бог, если муж хочет провести ночь с женой или ребенок зайдет после школы, когда гости еще не ушли. А если твоя хозяйка наконец-то покидает этот мир, для тебя все заканчивается. Ни отпуска, ни повышения жалования, ни пенсии. Ты просто ищешь новую работу. И новому боссу без разницы, как долго ты работала раньше и сколько тебе за это платили. Обычно наймом занимаются дети, и их заботит только одно: сбересть родительские деньги для себя. А вокруг огромный город, полный доведенных до отчаяния людей, готовых делать, что угодно, за половину того жалования, которое тебе хочется получать. У некоторых даже есть сертификаты профессиональных сиделок. И после того, как ты долгие годы мыла туалеты, подметала полы, застирывала пятна на постельном белье и подтирала большие гребаные белые зады, ты в таком же положении, что и те, кто только сегодня сошел с корабля. И теперь вы говорите мне, что, возможно, способны поставить себя на мое место? Как бы не так!

Джонатан. Мне стыдно.

Виктория. И это правильно. Вам должно быть стыдно!

Джонатан. Не только за себя, но и за это зажавшееся, предвзятое общество, в котором мы живем.

Виктория. В данный момент разговор только о вас.

Джонатан. Я это принимаю. Целиком. Полностью. На

сто процентов. Но думаю, что для меня важно высказать и другое: я верю, это более широкая проблема, и касается не только вас и меня. После всего только что вами сказанного, я готов честно признать, вы меня убедили, безоговорочно, что окажись я на вашем месте, я бы чувствовал, что вынужден, и находил бы оправдания, делать то, что сделали вы.

Виктория. И что я сделала?

Джонатан. Я хочу сказать, разве ответственная мать не сделала бы то же самое ради благополучия своего ребенка?

Виктория. Но я ничего не сделала!

Джонатан. Разумеется, не сделали... Я именно об этом. Общество сделало это за вас. Поэтому вам было так важно не попасть в их ловушку.

Виктория. Чью ловушку?

Джонатан. Тех, кто рулит. Властей. Системы. Тех, кто пытается удержать таких людей, как вы, от продвижения вперед. Вы должны быть умнее их, потому что они только и ждут, когда вы напортачите.

Виктория. Но именно вы отнесли бухгалтерские книги Григорию!

Джонатан. Да, отнес. Я это признаю. Даже не думая о последствиях. Изначально я руководствовался стремлением показать все бухгалтеру и вывести вас на чистую воду.

Виктория. Почему?

Джонатан. Я знаю, вам будет трудно это понять, но, пусть я и сочувствую вашим обстоятельствам, я, к сожалению, тоже часть этой системы. И ненавижу себя за это. И да, я поступил бы точно так же, как вы, но и при-

шел бы с повинной. Так я устроен, благодаря тем силам, которые контролируют наше общество.

Виктория. Но я ничего не сделала!

Джонатан (*теряя терпение*). Виктория...

Виктория. Мне все это дали...

Джонатан (*более агрессивно*). На ваше имя выписаны чеки более чем на сто тысяч долларов. Вам еще повезло, что я убедил Григория не подавать на вас в суд.

Виктория. Спросите Элеонору. Она добровольно подписывала все эти чеки.

Джонатан (*выходя из себя*). Перестаньте, Виктория! Нет нужды быть нейрохирургом, чтобы понимать, что умственные способности Элеоноры далеки от оптимальных.

Виктория. Она понимает больше, чем вы думаете.

Джонатан. Она половину времени не помнит моего имени!

Виктория. Она помнит мое! Она знает, сколько лет я у нее работала. Она понимает, что из всех людей в ее жизни, я – единственная, на кого она может положиться. И если она хотела вознаградить меня за это, что тут плохого? Что плохого в том, что у меня будут какие-то средства, когда я уйду на пенсию, а моя дочь получит высшее образование? Или у моего мужа появится возможность обратиться к хорошему врачу? Можете вы сказать мне, что в этом плохого?

Джонатан. Если вы считали, что вам недоплачивают, вы могли решить этот вопрос иначе.

Виктория. Как? Обратиться к ее дочери? Когда она приезжала сюда в последний раз, то отвела меня в супермаркет, чтобы показать, что я могу сэкономить пятнадцать центов на банке тунца, если покупать марку, выпу-

скаемую специально для этой сети.

Джонатан. Я уверен, Георгий...

Виктория. Бухгалтер? Однажды я попросила его о прибавке, так он сказал, что такую непыльную работу я должна почитать за счастье. Элеонора спросила его, может, моему мужу подать документы на рабочую визу, та он сказал ей, что овчинка выделки не стоит... Когда Элеонора уйдет, мне до останется ничего. Она это понимает.

Джонатан. Я тоже.

Виктория. Нет. Вы понимаете и всегда понимали, с рождения живя в этом привилегированном мире, только одно: если что-то пойдет не так, есть предохранительная сеть, которая не даст разбиться насмерть. Если вы заболите, то не останетесь умирать на улице. Если потеряете работу или никогда не найдете ее, вам не придется отправляться с ребенком в ночлежку. Но для меня такой сети нет. Если я упаду, лететь придется до дна пропасти. А есть еще люди, которые целиком и полностью зависят от меня. *(Она собирается уйти. Ей остается сказать последнее.)* Я заработала эти деньги. Семнадцать лет. Да, я заработала их все, до последнего цента.

Джонатан *(перед самым уходом Виктории)*. Но сколько вам требовалось, чтобы посчитать, что вы получаете по заслугам? Был какой-то предел?

Виктория. Элеонора хотела, чтобы я ни в чем не нуждалась, вот и все.

Джонатан. Да, хотела. Она даже оставила вам небольшой земельный участок на Лонг-Айленде.

Виктория *(в шоке)*. Вы лжете.

Джонатан. По причинам правового характера участок

записан на Латишу.

Виктория. Родственники такого не допустят.

Джонатан. Если вы вернете деньги, то завтра можете выходить на работу.

Виктория. Это невозможно.

Джонатан. Не обязательно все платить сразу, мы можем составить график выплат из вашего еженедельно вознаграждения.

Виктория. Мне нужны эти деньги, чтобы оплачивать расходы Латиши.

Джонатан. Скажем, по сто долларов в неделю.

Виктория. Это невозможно.

Джонатан. Тогда заплатите из отложенных вами денег.

Виктория. Их нет.

Джонатан. Послушайте, Виктория, я готов с вами работать, но и от вас жду откровенности. *(Виктория думает)*. Я хочу вам помочь.

Виктория *(эмоционально)*. Мой муж... Он...

Джонатан. Растратил их?

Виктория. Потерял.

Джонатан. Что вы такое говорите? Как он мог потерять такие деньги?

Виктория. Он купил компьютер. И подписался на дейтрейдинг², где можно покупать и продавать нажатием клавиши.

Джонатан *(в шоке)*. Вы шутите.

Виктория. Он так этим гордился. Говорил, что стал владельцем такой-то компании, собирается купить другую.

Джонатан. Спустил на бирже все деньги?

Виктория. Видите ли, когда мы приехали сюда с Ямайки, все думали, что нас ждут великие дела. Я помню

² Дей-трейдинг/Day-Trading) — спекулятивная торговля на бирже в течение торгового дня.

первый вечер, когда мы шли по Пятой авеню и во все глаза смотрели на эти роскошные витрины. Близилось Рождество. Я думала, что перед нами светлое будущее. Родственники дома ждали новостей. Вскрывая письма, ожидали, что прочитают, как у нас все хорошо, но особенно радовались зеленым бумажкам, которые мы клали в конверты. Поначалу мы посылали все, что могли, в ожидании, что будет получать больше и больше. Но больше мы не получали. Посылали меньше. Они перестали нам писать. А мой муж хотел только одного, чтобы люди снова начали нам писать. Разве это преступление?

Джонатан (*чувствует себя преданным*). Я был на вашей стороне.

Берет футляр с эуфониумом и уходит. Виктория сидит на скамье, поникн ув плечами, уставившись в никуда, словно не зная, что ей теперь делать. Снег усиливается. Затемнение.

Картина 6

Элеонора сидит в кабинете на стуле у небольшого столика, смотрит в зрительный зал. Появляется Джонатан с вазой, в которой красивые желтые садовые лютики. Ставит вазу на стол.

Джонатан. Вот так. Гораздо лучше.

Элеонора. Они великолепны. Так что это за цветы?

Джонатан. Садовые лютики. И у них восхитительный аромат.

Элеонора. Неужели?

Джонатан. Пододвинуть поближе?

Элеонора. Нет. Они стоят там, где следует. А ваза им не нужна?

Джонатан (*поднимает вазу с цветами*). Так они в вазе. Видите?

Элеонора. Я искала ее на днях. Где ты ее взял?

Джонатан. Ее дала мне Розалия.

Элеонора. Она на кухне?

Джонатан. Да. Готовит нам ланч.

Элеонора. Правда?

Джонатан. Баранину с помидорами и перчиком. Выглядит очень аппетитно.

Элеонора. Я не ем пряности.

Джонатан. Она знает.

Элеонора. Неужели?

Джонатан. Да. Так вас она устраивает?

Элеонора. Пожалуй.

Джонатан. Она не грубая?

Элеонора. В каком смысле?

Джонатан. В ванной.

Элеонора. В каком смысле?

Джонатан. После того, как вы заканчиваете свои дела.

Элеонора (*оберегая свою гордость*). Тебя это совершенно не касается.

Джонатан. Извините.

Пауза.

Элеонора (*смотрит на цветы*). Восхитительный цвет?

Джонатан. Правда? Увидев их, я понял, что просто обязан купить их для вас.

Элеонора. Ты меня балуешь.

Джонатан. Вы этого заслуживаете.

Элеонора. Какой ты милый.

Джонатан. На самом деле, я злобный, ужасный и отвратительный, но мне удастся дурить всем головы. (*Элеоно-*

ра громко смеется.) Кто-то у нас сегодня в прекрасном настроении.

Элеонора. Я?

Джонатан. Похоже на то.

Элеонора. Похоже на что?

Джонатан. Вы в прекрасном настроении.

Элеонора. Так и есть.

Джонатан. Отлично. На то есть особая причина?

Элеонора. Если и есть, я ее не помню.

Джонатан. Что ж, иногда так бывает.

Элеонора. Как?

Джонатан. Прекрасное настроение без особой на то причины. Теперь говорят, что это как-то связано с гормонами.

Элеонора *(вспоминая).* Прошлой ночью мне приснился такой забавный сон... Я каталась на коньках в Центральном парке.

Джонатан. Вы раньше катались на коньках?

Элеонора. Никогда.

Джонатан. Но вы катались в своем сне.

Элеонора. Да, именно. А когда проснулась, почувствовала такую легкость.

Джонатан. Словно тяжелый груз упал с ваших плеч?

Элеонора. Нет, не так.

Джонатан. Словно ваш разум освободился от тяжелых раздумий?

Элеонора. Нет. Когда я была юной девушкой, очень симпатичный парень приходил к нам в дом и приглашал меня покататься на его каноэ, которое он смастерил собственными руками. Моя мать всегда говорила нет, но я тайком убегала из дома, и мы встречались на причале

соседа. Выплывали на середину озера, а потом дрейфовали. Вот такая была легкость.

Джонатан. Это был Юджин?

Элеонора. Герберт.

Джонатан. Мужчина, с которым вы обручились?

Элеонора *(осведомленность Джонатана производит на нее впечатление.)* Совершенно верно.

Джонатан. А что потом?

Элеонора. Я не уверена. *(Пытается улыбнуться, но воспоминания, похоже, болезненные.)* Думаю, он женился на ком-то еще. А я вышла замуж за другого... Помнится, у нее был заразительный смех.

Джонатан *(встает и чуть сдвигает вазу с цветами).* Очень красивые.

Элеонора. Это точно. *(Оглядывает его с головы до ног.)* Ты вырос с тех пор, как приходил сюда в последний раз.

Джонатан. Я... Я так не думаю.

Элеонора. Да, вырос. Какой у тебя размер?

Джонатан. Сорок восьмой.

Элеонора. Такой же, как у твоего дедушки.

Джонатан. На самом деле он был чуть крупнее меня.

Элеонора. Я так не думаю. Пойди в спальню и примерь его старые костюмы. Ими заполнен весь чулан.

Джонатан *(осознавая, что она его с кем-то путает).* Понял.

Элеонора. Их там ест моль.

Джонатан. Элеонора...

Элеонора. Пойди и возьми любой.

Джонатан. Но...

Элеонора. Если померяешь, хуже не будет. *(Джонатан уходит в коридор, ведущий к спальне, быстро возвраща-*

ется.) Ничего не приглянулось?

Джонатан. Их там нет.

Элеонора (*не очень понимает, о чем речь*). Чего?

Джонатан. Костюмов вашего мужа.

Элеонора. Спроси Викторию. Может, она перевесила их в другой чулан.

Джонатан. Не хочу ей мешать. Она готовит ланч.

Элеонора. Хорошо. Но напомни мне, и я ее спрошу.

Джонатан. Обязательно.

Элеонора (*о цветах*). И аромат у них восхитительный.

Джонатан. Это да. (*Пытается вернуться к прежней теме.*) А чем занимался ваш муж?

Элеонора. У него была типография.

Джонатан. Так он заработал состояние?

Элеонора. Нет, это мои деньги. От дяди Джо... Знаменитого продюсера. Своих детей у него не было.

Джонатан. Это же он основал консерваторию.

Элеонора. Откуда ты знаешь о консерватории?

Джонатан. Я там учусь.

Элеонора. Какое совпадение!

Джонатан. Это да.

Элеонора. На каком инструменте ты играешь?

Джонатан. На эуфониуме, который иногда называют теноровой тубой.

Элеонора. Да, конечно, прекрасный инструмент. Никогда не привлекает к себе внимания, не такой яркий, как тромбон, но очень мелодичный.

Джонатан. Совершенно верно!

Элеонора. А красивый костюм у тебя есть?

Джонатан. Да. Он старый, но для выступлений годится.

Элеонора. В чулане у меня очень хорошие костюмы.

Джонатан. Их там нет.

Элеонора. Ладно. Позволь мне выписать тебе чек, чтобы ты смог купить себе красивый костюм.

Джонатан. Мой костюм вполне меня устраивает.

Элеонора. У каждого хорошего музыканта должен быть элегантный черный костюм.

Джонатан. В этом нет никакой необходимости.

Элеонора. Ответа «нет» я не принимаю. Иди к письменному столу и принеси мою чековую книжку.

Джонатан (*направляется к письменному столу, но его осеняет, и он идет к Элеоноре*). А не лучше ли взять один из костюмов вашего мужа?

Элеонора. Мы их отдали давным-давно. И потом, тебе нужно что-то новое.

Джонатан. Неудобно это, знаете ли...

Элеонора (*строго*). Не спорь со мной. (*Джонатан колеблется, потом идет к письменному столу, возвращается с чековой книжкой.*) Как насчет четырехсот долларов?

Джонатан. Очень много.

Элеонора. Белая рубашка у тебя есть?

Джонатан. Да.

Элеонора. Черные туфли?

Джонатан. Темно-коричневые.

Элеонора (*словно это грех*). Коричневое с черным? Это ужасно. Выпиши чек на пятьсот долларов.

Джонатан. Я пойду посмотрю, чего так долго не несут ланч.

Элеонора. Еще успеешь.

Джонатан. Лучше бы не смешивать одно с другим.

Элеонора. Не смешивать что?

Джонатан. Я просто работаю у вас.

Элеонора. Неужели?

Джонатан. Да.

Элеонора. А когда у тебя день рожденья?

Джонатан. Осенью.

Элеонора. Значит, совсем скоро. Выписывай чек на свое имя, а я его подпишу. *(Джонатан колеблется.)* Шевелись. *(Джонатан выписывает чек.)* Только не забудь... Что ты еще должен сделать?

Джонатан. Записать в бухгалтерскую книгу.

Элеонора. Именно так. *(Джонатан протягивает чек Элеоноре.)* Где мне расписаться?

Джонатан *(указывает)*. Здесь.

Элеонора *(подписывает чек и возвращает Джонатану)*. Держи.

Джонатан *(берет чек)*. Благодарю.

Элеонора. Запиши в бухгалтерскую книгу. *(Джонатан уносит чековую книжку, кладет на письменный стол, потом рвет чек на мелкие кусочки и бросает в корзинку для мусора, возвращается к Элеоноре.)* Не знаю, как тебе, а мне хочется есть.

Джонатан. Думаю, ланч она уже приготовила.

Элеонора. Кто?

Джонатан *(не знает, какое имя назвать, потом делает выбор)*. Розалия..

Элеонора. Знаешь, мне трудно запомнить ее имя.

Джонатан. Я думаю о цветке.

Элеонора. Умно. Попытаюсь последовать твоему примеру. *(Смотрит на садовые лютики.)* Прекрасные цветы.

Джонатан. Я знал, что они вам понравятся.

Элеонора. Ты купил эти цветы для своей жены?

Джонатан. Я не женат.

Элеонора. Это так ужасно с моей стороны. Я все забываю. Она была очень милой девушкой.

Джонатан. Да. *(На этот раз подыгрывая.)* Конечно.

Элеонора. Еще раз скажи, как ее звали.

Джонатан *(бормочет что-то несуразное)*. Амбигдена.

Элеонора. Точно. Но у твоей сестры все хорошо?

Джонатан. Да.

Элеонора. Бойфренды есть?

Джонатан. Насколько я знаю, нет.

Элеонора. Это правильно. Молодой женщине нужно время для себя. *(Пауза.)* Что она так долго возится? Я проголодалась. Не вставай. *(Кричит.)* Виктория! Мы ждем ланч.

Джонатан. Я уверен, Розалита принесет его, как только все будет готово.

Элеонора. Я думала, ее зовут Розалия.

Джонатан. Точно, Розалия!

Элеонора. Думай о розовых лепестках.

Джонатан. Дельная мысль.

Элеонора. И тебе нужно серьезно подумать о новой женитьбе. Ты не молодеешь.

Джонатан. Я знаю, знаю.

Элеонора. У тебя есть хороший костюм?

Джонатан. Да.

Элеонора. В спальни их полный чулан. Какой у тебя размер?

Джонатан. Сорок второй.

Элеонора. Слишком маленький. Позволь выписать тебе чек, чтобы ты смог купить себе новый костюм.

Джонатан. Нет такой необходимости. У меня три прекрасных новых костюмов.

Элеонора. И черный?

Джонатан. Черный, белый и темно-синий.

Элеонора. У каждого молодого человека должен быть серый костюм. У тебя есть красивый серый костюм?

Джонатан. Нет.

Элеонора. Принеси мне чековую книжку.

Джонатан. Элеонора...

Элеонора. Я могу себе это позволить. Я богата, знаешь ли.

Джонатан. Я знаю. Вы каждый год выписываете консерватории чек на крупную сумму.

Элеонора. Откуда ты знаешь?

Джонатан. Я там учусь.

Элеонора. Пол Стайн позволял мне купить ему костюм.

Джонатан. Правда?

Элеонора. Конечно. Несколько раз.

Джонатан. Тогда ладно.

Приносит чековую книжку.

Элеонора. Как насчет шестисот долларов?

Джонатан. Двести более чем достаточно.

Элеонора. Двести? Ни один серьезный музыкант не допустит, чтобы его увидели в костюме за двести долларов.

Джонатан. Сколько стоил костюм Пола?

Элеонора. Пола?

Джонатан. Пола Стайна.

Элеонора. Теперь ты меня запутываешь.

Джонатан. Вы сказали, что купили Полу Стайну костюм.

Элеонора. Да, купила.

Джонатан. Сколько вы за него заплатили?

Элеонора. Это касается только Пола и меня.

Джонатан. Извините.

Элеонора. А теперь выпиши чек на семьсот долларов, и я его подпишу. (*Джонатан выписывает чек и протягивает Элеоноре.*) Можешь ты показать... (*Джонатан показывает, где расписаться.*) Благодарю. (*Подписывает.*) И не забудь...

Джонатан. Сделать запись в бухгалтерской книге.

Элеонора. Совершенно верно. Сегодняшним числом. (*Протягивает чек.*) Бери.

Джонатан. Благодарю.

Элеонора. Не за что. (*Джонатан относит чековую книжку к письменному столу, смотрит на чек, колеблется, потом рвет и выбрасывает.*) Как же я голодна.

Джонатан (*направляется к двери*). Пойду посмотрю, что задерживает Розалию.

Элеонора. Не следует нам давить на новенькую. Она должны попривыкнуть к ситуации.

Джонатан. Хорошо.

Садится на стул.

Элеонора. Роскошные цветы.

Джонатан. И так хорошо пахнут.

Пауза.

Элеонора. Как насчет красивого галстука?

Затемнение.

Картина 7

Кафетерий. Джонатан сидит и ждет. Через несколько мгновений появляется Григорий, с брифкесом, вид еще

более деловой, чем прежде. И манера поведения более сдержанная.

Григорий. Извините, что не могу сегодня пригласить вас на ланч. Безумный день на работе. У меня лишь несколько минут.

Джонатан. Что-нибудь интересное?

Григорий. Обычное американское семейство, цапающееся из-за наследства. Только в этом случае отец еще не умер. Вторая семья. Дети и там, и там. Детей от первого брака всегда зажимают. Вторая жена обычно того же возраста, что и дети от первой. Все деньги оставляются ей в доверительном фонде, который и выплачивает ежемесячное пособие до самой смерти. А умирает она практически одновременно с детьми от первого брака.

Джонатан. А первая жена?

Григорий. Она в уравнении даже не присутствует. В любом случае, нет у меня времени ходить вокруг да около.

Джонатан. Что-то не так?

Григорий. Знаете, почему в этой идиоме куст? Around the bush (эроунд те буш)? Ходить вокруг куста?

Джонатан. Как бы.

Григорий. Я читал книжку насчет английских идиом. Некоторым из них сотни лет. Это потрясающе.

Джонатан. Наверняка есть множество прекрасных русских выражений.

Григорий. Они все связаны с пьянством или самоубийством. Но это к делу не относится. Прежде всего, хочу сказать, что сделанное вами для Элеоноры в последние недели достойно восхищения.

Джонатан. Что-то мне становится тревожно.

Григорий. Нет-нет, волноваться не о чем.

Джонатан. Точно?

Григорий. Точно. Просто после этой истории с Викторией вся семья вдруг озаботилась благополучием Элеоноры.

Джонатан. Точнее, собственным благополучием.

Григорий. Туше. Так с ней все в порядке?

Джонатан. С кем?

Григорий. С Элеонорой.

Джонатан. Да. Она чуть более рассеянная, чем обычно, а в остальном все хорошо.

Григорий. С Розалией проблем нет?

Джонатан. Думаю, Элеонора начинает к ней привыкать. На днях заходил ее маленький мальчик...

Григорий. Кто?

Джонатан. Сын Розалии. Занятия в школе закончились, и она никого не нашла, чтобы присмотреть за ним.

Григорий. Эта идея не из лучших.

Джонатан. Но вам следовало посмотреть на Элеонору. Она просто ожила.

Григорий. Семья крайне подозрительно относится к любым посторонним, поэтому, пожалуйста, не смешивайте бизнес с удовольствием, хорошо?

Джонатан. Не вижу в этом ничего плохого.

Григорий. Привязанность. Частные школы, Брекеты. Обучение в колледже. Семья не хочет снова идти по этой дороге.

Джонатан. Может, будет лучше, если вы скажете ей об этом.

Григорий. Хорошо. Больше никаких упоминаний Виктории?

Джонатан. Иногда она путает имена. Но, думаю, смирилась с тем, что Виктория не вернется.

Григорий. Хорошо. В любом случае, семья настоятельно требует, чтобы ничего такого больше не повторилось.

Джонатан. Понимаю. Я уже предпринял определенные меры.

Григорий. Какие?

Джонатан. Завел расходные счета в супермаркете, аптеке, магазине «Фрукты и овощи». За газеты, кабельное телевидение, телефон, отопление, электричество, прочие коммунальные услуги раз в месяц плачу через Интернет по ее кредитной карточке. Если семья хочет быть в курсе, с удовольствием передам все логины и пароли.

Григорий. Хорошая идея. Чтобы у нас была система сдержек и противовесов.

Джонатан. Конечно.

Григорий. И теперь вы проводите больше времени с Элеонорой.

Джонатан. Очевидно.

Григорий. Проблем с Розалией нет?

Джонатан. Нет. Разве что она никак не привыкнет к новой обстановке.

Григорий. Вы про Элеонору?

Джонатан. Да. Английский у Розалии не очень, и я не уверен, умеет ли она читать.

Григорий. А зачем ей читать?

Джонатан. Виктория каждое утро читала Элеоноре газету. Такой у них был ритуал. Ей нравится знать, что происходит в мире.

Григорий. А теперь читаете вы?

Джонатан. Я пытаюсь уберечь ее от перемен.

Григорий. Хорошо. Каждый день?

Джонатан. Когда могу. Стараюсь заглядывать к ней по дороге в консерваторию.

Григорий. То есть теперь вы бываете у нее чаще.

Джонатан. Дней больше, но каждый день пребывания короче.

Григорий. Есть причины?

Джонатан. Я только что о них говорил.

Григорий. Понятно.

Джонатан. Вы сказали, что не хотите ходить вокруг да около.

Григорий. Вы правы. На следующей неделе в город приезжает Катерина, и теперь, после эпизода с Викторией, она хочет заглянуть в бухгалтерские книги.

Джонатан. Без проблем.

Григорий. Я тоже позволил себе просмотреть последние банковские выписку, обналиченные чеки... Надеюсь, вы не возражаете?

Джонатан. Разумеется, нет.

Григорий. Хотел убедиться, что сюрпризов больше не будет. Вы понимаете, о чем я.

Джонатан. Разумеется. Могу вас только поблагодарить.

Григорий. Пустяки. Но, должен сказать, без сюрпризов не обошлось. Можете что-то сказать?

Джонатан. Я не очень понимаю, о чем вы.

Григорий. Увеличилось количество чеков, выписанных вам.

Джонатан. Как я упоминал, времени я теперь провожу с Элеонорой больше, вот и выплаты возросли. И, полагаю, я стал играть большую роль в повседневной жизни.

Григорий. Продукты?

Джонатан. Иногда.

Григорий. И не в супермаркете, где у вас открыт счет...

Джонатан. На самом деле мне несколько раз...

Григорий. Четыре.

Джонатан. Что?

Григорий. Четыре раза вы выписывали чеки на себя и в строчке «для заметок» написали «продукты».

Джонатан. Да, точно... Когда я возвращался с занятий и времени было в обрез, я покупал какие-то мелочи рядом с консерваторией.

Григорий. Тридцать восемь долларов и двадцать три цента. Сорок один доллар и шесть центов. Сорок восемь долларов и пятьдесят шесть центов. Шестидесят четыре доллара и сорок пять центов.

Джонатан. Вы все переписали?

Григорий. Как я и говорил, мне держать ответ перед семьей.

Джонатан. Вы это сказали уже не один раз.

Григорий. Я должен точно знать, что сюрпризов не будет. Вы помните, что купили двадцать девятого апреля, в пятницу, на шестидесят четыре доллара и сорок пять центов?

Джонатан. Если не ошибаюсь, бутылку вина к нашему обеду.

Григорий (*удивленно*). Вы обедали с Элеонорой?

Джонатан. Да, несколько раз. Особенно, пока менялись служанки. Элеонора была крайне расстроена и не ела приготовленное Ангеликой. Да, и еще сэндвич с поджаренным сыром бездомному. Но я потом вычел его стоимость из своего заработка. В бухгалтерской книге все это есть.

Григорий. То есть вы потратили шестьдесят долларов на бутылку вина для Элеоноры?

Джонатан. Я подумал, что ей вино понравится. Несколькими днями раньше мы прочитали с ней газетную статью о виноделии в Сонома-Вэлью.

Григорий. Такими расходами злоупотреблять не надо.

Джонатан. Вино ей очень понравилось.

Григорий. Возможно, но со стороны кажется, что это перебор.

Джонатан. Полагаю, я бы понял, о чем вы, если бы был подозрительным типом. Больше такого не повториться.

Григорий. Хорошо. И в тот же день на ваше имя выписан чек на сто восемьдесят три доллара и сорок семь центов.

Джонатан. Да.

Григорий. На что?

Джонатан. Сломался ее старый радиоприемник... Я выходил, чтобы купить новый.

Григорий. Но чек выписан на вас.

Джонатан. Не было у меня времени ходить взад-вперед. Я купил его по пути домой, и принес уже следующим утром.

Григорий. Но у вас было время, чтобы выпить вино.

Джонатан. Радиоприемник сломался вечером. Вы можете проверить время покупки по магазинному чеку.

Григорий. Он у вас есть?

Джонатан. Естественно. Вы меня в чем-то обвиняете? Если да, я буду признателен, если вы прямо все скажете.

Григорий. Говорю вам, Катерина может сильно осложнить мне жизнь, а я не хочу, чтобы она пожаловалась моему руководству и меня опять не переведут в статус

партнера. Это понятно?

Джонатан. Да.

Григорий. Я не могу позволить себе никаких проблем. Слишком долго я к этому шел.

Джонатан. Понимаю.

Григорий. Поэтому в будущем будет лучше, если Элеонора выпишет чек магазину, а сумма будет заполнена позже.

Джонатан. Я просто не знал, в каком магазине куплю радио...

Григорий. Пожалуйста, не спорьте со мной.

Джонатан. Хорошо.

Григорий (*просматривает записи, внезапно улыбается*). Между прочим, хотите кофе?

Джонатан. Нет.

Григорий. Пончик с черникой? Я угощаю. Черника настоящая, ягоды, а не джем. (*Джонатан молча смотрит на него.*) Ладно. Я также заметил, что в некоторых чеках сумма не делится на пятнадцать... Столько вы получаете за час.

Джонатан. Это правда. Прибавляется проезд на подземке. Туда и обратно. Поскольку приезжать я стал чаще, она решила компенсировать транспортные расходы.

Григорий. Она решила?

Джонатан. Да.

Григорий. Вам следовало обговорить это со мной.

Джонатан. Извините, я подумал, что деньги не такие большие.

Григорий. Если вы так подумали, почему включили в расходы?

Джонатан. Хорошо, я их верну.

Григорий. Это не обязательно, но в следующий раз...

Джонатан. Не нужны мне никакие подозрения, будто...

Григорий. Забудем об этом! Я хочу сказать, вы, по крайней мере, не заказываете лимузин.

Джонатан. Вообще-то один раз я возвращался домой очень поздно и вызвал такси.

Григорий. А что вы делали в квартире Элеоноры поздно вечером?

Джонатан. Она захотела посмотреть бокс.

Григорий. Бокс?

Джонатан. Поединок тяжеловесов на канале Ти-ти-один. Я подумал, что вместе смотреть будет интереснее. Позвал нескольких друзей из консерватории.

Григорий. Вы привели друзей в квартиру Элеоноры.

Джонатан. Из консерватории. Ей вечер очень понравился.

Григорий. Вы взяли с нее деньги за проведенное с ней время? И за просмотр. Разве такие просмотры не оплачиваются заранее?

Джонатан. Да, конечно.

Григорий. Вы и ваши друзья заставили Элеонору оплатить вам просмотр этого матча, да или нет?

Джонатан. Я полагаю, деньги сняли с ее счета.

Григорий. То есть она отдала такое указание?

Джонатан. Звонил я.

Григорий. И сколько стоил просмотр?

Джонатан. Пятьдесят пять долларов.

Григорий (*что-то записывает*). С налогом больше шестидесяти.

Джонатан. Включая налог.

Григорий. Неплохо вы устроились.

Джонатан. Послушайте, меня наняли, чтобы я приходил раз в неделю и выписывал несколько чеков.

Григорий. И я о том же.

Джонатан. А потом вы все свалили на меня.

Григорий. Нет, вы сами за это взялись.

Джонатан. А чего вы от меня хотели? Чтобы я плюнул на все?

Григорий. Не понимаю, о чем вы.

Джонатан. Вы переворачиваете мир старой женщины вверх тормашками и ожидаете, что все пойдет, как всегда? Тут речь не о числах. Она - человек, с чувствами, и сейчас ей нужен я.

Григорий. И зачем вы понадобились ей на... шесть часов... *(Сверяется с записями.)* Шестнадцатого мая.

Джонатан. Шестнадцатого мая?

Григорий. Во вторник. В этот день лило, как из ведра.

Джонатан. Мне пришлось отвезти ее к гинекологу.

Григорий. Розалия не могла это сделать? Похоже, женщина была бы уместнее.

Джонатан. Если мы хотели, чтобы Эленора разбила голову, вылезая из такси или садясь в него, то могли бы воспользоваться услугами Розалии.

Григорий. И на это ушло шесть часов?

Джонатан. На самом деле семь.

Григорий. Тогда почему вы не взяли положенных вам денег? Сделали скидку?

Джонатан *(встает)*. Ладно. Думаю, с меня хватит.

Григорий. Первое июня. *(Джонатан замирает.)* Тысяча девятьсот долларов. Два с половиной часа. Чек номер триста два.

Джонатан *(изображает изумление)*. Она захотела ку-

пить мне костюм.

Григорий. Костюм за тысячу долларов? Вы кто, Йо-Йо Ма?

Джонатан. А также белую рубашку, туфли, галстук. На мой день рождения.

Григорий. Разве день рождения у вас... *(Заглядывает в свои записи.)* Не в октябре?

Джонатан. Пол Стайн получил от нее костюм.

Григорий. Ну, конечно, раз Пол Стайн получил костюм.

Джонатан. Для Элеоноры покупка мне костюма была в радость. Этим подарком она хотела выразить высокую оценку моей работы. С этим что-то не так?

Внезапно он осознает, а ведь то же самое говорила и Виктория.

Григорий. Ну-ну.

Джонатан. Все совсем не так, как вы хотите это представить.

Григорий. Я думаю, будет лучше, если с этого момента вы будете держаться подальше от Элеоноры.

Джонатан. Вы так с ней не поступите.

Григорий. Я поставлю в известность управляющую компанию.

Джонатан. Григорий, послушайте...

Григорий. Швейцара тоже.

Джонатан. Пожалуйста.

Григорий. Может, вам послать ей открытку. Вы, мол, забыли продлить студенческую визу и вас срочно депортировали в Канаду.

Джонатан *(дает задний ход)*. Хорошо, хорошо, я признаю, этот костюм был ошибкой. Я верну эти деньги. Я не хотел его брать. *(Григорий только кивает.)* Да. Вы

правы. Я допустил ошибку. Проявил слабость, не подумал о последствиях моих действий. Оправданию этому нет. Но пожалуйста, ради Элеоноры, позвольте мне хотя бы видеться с ней. Мы стали очень близки. У меня нет ни бабушек, ни дедушек, которые еще живы.

Григорий. Просто из любопытства, когда ваш отец приносил цветы своей матери по праздникам, или на день рождения, или без всякой на то причины, лишь бы она улыбнулась... Вы думаете, он брал с нее деньги?

Джонатан. Хорошо, послушайте...

Григорий (*читает по своим записям*). «Цветочный магазин «Венеция». Сорок шесть долларов пятьдесят шесть центов.

Джонатан. Это был День матери. А у меня закончились деньги.

Григорий. Прекрасный подарок.

Джонатан. Ей нужен человек, чтобы приглядывать за ней.

Григорий. Именно это вы и делали.

Джонатан. Не можете вы запретить мне видеться с ней.

Григорий. Я могу все, что захочу. (*Встает, гордо выпрямляется*). Я ее бухгалтер. (*Собирается уйти, но, оказываясь, сказал не все*.) Так вышло, что после нашего ланча я упомянул коллеге, что вы заказали самое дешевое блюдо в меню. Мне это понравилось, я решил, что вы с уважением относитесь к деньгам других людей. Но мой коллега выразил озабоченность. Сказал, что ему было бы куда спокойнее, если бы вы заказали второе по дешевизне блюдо. Это указывало бы, что вы действительно с уважением относитесь к деньгам других людей, но при этом думаете не только о них.

Джонатан. А наш ланч с омаром за триста долларов? Кто заплатил за него?

Григорий меняется в лице, поворачивается и уходит. Джонатан сидит, низко опустив голову. Затемнение.

Картина 8

Элеонора сидит одна, пытается читать газеты с помощью лупы. За ее спиной появляется Катерина, растрепанная, плохо одетая, хрупкая и неуверенная в себе. В руках цветы. Решает, что ей лучше уйти, но через несколько мгновений возвращается.

Катерина. Привет, Элеонора.

Элеонора. Это кто?

Катерина. Я, Кэти.

Элеонора. Катерина? Что ты здесь делаешь?

Катерина. Приехала навестить тебя.

Элеонора. Я знала о твоём приезде?

Катерина. Мы разговаривали на прошлой неделе.

Элеонора (*скорее, не помнит*). Точно. Побудешь какое-то время?

Катерина. Несколько дней.

Элеонора. Сказать девушке, чтобы приготовила тебе комнату?

Катерина. Я забронировала номер в «Маяке». Решила, что так проще.

Элеонора. Как скажешь.

Катерина. Но она очень милая.

Элеонора. Кто?

Катерина. Новая девушка. (*Элеонора молчит*.) Рауль, наш швейцар, просил передать тебе привет.

Элеонора. И как старина Рауль?

Катерина. Совершенно не изменился. Может, чуть по-седел, но кто не седеет? Я никогда не забуду, как он начинал здесь работать. Мне было шестнадцать, но, прежде чем открыть мне дверь, чтобы я могла подойти к такси, он всовывался в окно пассажирского сидения и просил водителя «позаботиться о его дочери». А когда такси трогалось с места, делал вид, будто записывает номерной знак.

Элеонора. Как мило с его стороны.

Катерина. Это да. Его сын, Эдди, поступил в Принстон по спортивной стипендии.

Элеонора. Рада за него.

Катерина. Вероятно, он еще и умный. У Рауля на глаза наворачиваются слезы, когда он говорит о сыне.

Элеонора. Это восхитительно. Может, мне ему что-нибудь послать?

Катерина (*чуть агрессивно*). Разве совсем недавно ты не выписывала ему премию на Рождество? (*С лупой в руке утыкается в газету.*) Надеюсь, не оторвала от чего-то важного?

Элеонора. Нет, нет, я просто просматриваю новости. Ты остаешься надолго?

Катерина. На несколько дней?

Элеонора. Сказать девушке, чтобы она приготовила тебе комнату?

Катерина. Не уверена, что смогу отказаться от брони.

Элеонора. Брони?

Катерина. Номера в отеле «Маяк». (*Пауза.*) Карл и дети передают тебе привет. Они хотели приехать, но сейчас середина семестра.

Элеонора. Как у них дела?

Катерина. Очень хорошо. Карл начала преподавать в новой старшей школе рядом с Дахау. Можешь себе представить? У Николаса завершился бракоразводный процесс, и он заканчивает специальный курс по продаже страховки для домашних животных. Сабина уехала в Берлин. Хочет создавать музыкальные видео.

Элеонора. Так это здорово.

Катерина. Думаю, пошла в дядю Джо.

Элеонора. Как на улице?

Катерина. Очень хорошая погода. Если хочешь, пойдём погуляем.

Элеонора. В эти дни из дома я выхожу редко.

Катерина. Это плохо.

Элеонора. Нет, не особо.

Возвращается к газете.

Катерина. Я принесла тебе цветы.

Элеонора (*мельком оглядывает их*). Спасибо.

Катерина. Поставить их в вазу?

Элеонора. Нет, оставь на столе. Девушка с ними разберется.

Катерина (*оставляет цветы*). У них приятный аромат. (*Элеонора хватает бумажную салфетку, высмаркивается.*) Жаль, что с Викторией все так вышло.

Элеонора (*разом настораживается*). Что вышло с Викторией?

Катерина. Я лишь сожалею, что с ней все так вышло. (*Никакой реакции.*) Никогда не знаешь, с кем имеешь дело.

Элеонора. Что не знаешь?

Катерина. Какой на самом деле человек.

Элеонора. Не понимаю тебя.

Катерина. Неважно. Просто, думаю, устала с дороги.

Элеонора. Ты и выглядишь усталой. Когда прилетела?

Катерина. Несколько часов тому назад. Эти сидения в эконом-классе такие маленькие, что задумываешься о путешествии на корабле.

Элеонора. Я знала о твоём приезде?

Катерина (*резковато*). Да, ты знала.

Элеонора. Наверное, выскользнуло из головы.

Катерина (*себе под нос*). Как же мне это надоело.

Элеонора. Да, ты выглядишь усталой.

Катерина. Я это слышала и в первый раз.

Элеонора. Да?

Неловкая пауза.

Катерина (*по большей части, для того, чтобы увидеть реакцию матери*). Пожалуй, выйду купить что-нибудь к обеду.

Элеонора. Разве в самолете тебя не покормили?

Катерина. Еда была несъедобной.

Катерина всматривается в Элеонору, пытаясь прочесть выражение ее лица. Элеонора пытается разобрать имя, которое ранее написала в блокноте.

Элеонора. Кто такой Ральф?

Катерина. Ральф? Ральф Сэмюэльсон? Он был другом Адама. Маленьким мальчиком утонул в озере.

Элеонора. Я его помню.

Катерина. Почему ты о нем вспомнила?

Элеонора. Он был таким умным. Мог сесть за пианино и сыграть любую мелодию, которые ему напевали.

Катерина. У него был идеальный слух.

Элеонора. Какая жалость.

Катерина. Тогда я впервые увидела, как ты плакала.

Элеонора. Это был печальный день. Твой отец плакал.

Катерина. Он плакал всегда: на фильмах, концертах, моей свадьбе. Но ты. Это было лето, и какой-то моей части хотелось, чтобы утонула я, только для того, чтобы ты плакала, скорбя о моем уходе.

Элеонора (*со смешком*). Ничего себе.

Это не та реакция, которой ждала Катерина.

Катерина. Но я тебе не нравилась.

Элеонора (*неубедительно*). Ты мне нравилась.

Катерина (*с укором*). Вот папе я нравилась.

Элеонора. Да. Ты всегда была его маленькой принцессой.

Катерина. Адам ему тоже нравился.

Элеонора. Конечно. (*Ревниво.*) Но он был мой.

Катерина. И почему так было?

Элеонора (*берет лупу и вновь начинает читать*). Какой сегодня день?

Катерина. Четверг.

Элеонора. Думаю, мне надо кому-то позвонить.

Катерина. Кому?

Элеонора. Если бы знала, то позвонила бы, так?

Пауза.

Катерина. По пути сюда я позвонила Григорию.

Элеонора. Кому?

Катерина. Бухгалтеру.

Элеонора. И как поживает старина Григорий?

Катерина. Какой-то он был расстроенный.

Элеонора. Неужели?

Катерина. Его опять не сделали партнером.

Элеонора. Печально. Может, ему перейти в другую фирму?

Катерина. Он не из таких.

Элеонора. В смысле?

Катерина. Не из тех, кто готов пойти на риск.

Элеонора. Я уверена, он своего добьется.

Катерина. Он считает, что тебя нужно освободить от необходимости выписывать чеки.

Элеонора. Да?

Катерина. Он говорит, есть способ позаботиться о всех твоих финансовых потребностях.

Элеонора. Я сама забочусь о моих потребностях.

Катерина. Конечно, заботишься. Но мы говорим о текущих расходах. Все можно делать с помощью автоплатежа.

Элеонора. Авто?..

Катерина. Автоматического платежа. То есть банк оплачивает все твои счета и жалования обслуживающих тебя людей без твоего участия.

Элеонора (*изображая заинтересованность*). Как интересно.

Катерина. Я хотела сделать то же самое в Мюнхене. Опять же, экономятся деньги на почтовые расходы.

Элеонора. Да, это хорошо. Почта становится такой дорогой. Я плачу шесть центов, чтобы послать открытку сестре моего мужа в Калифорнию.

Катерина. Как я понимаю, потребуется подписать кое-какие бумаги, дать разрешение банку проводить эти финансовые операции.

Элеонора. Какому банку?

Катерина. Твоему банку.

Элеонора. А что с моим банком?

Катерина. Он будет оплачивать все твои счета.

Элеонора. Ладно, пусть пришлют мне необходимую информацию, и я с ней ознакомлюсь.

Катерина. Вообще-то... (*Вытаскивает из кармана бланк.*) Заявление при мне.

Элеонора (*подозрительно*). И что это?

Катерина. Заявление, которое тебе надо подписать.

Элеонора. Какое заявление?

Катерина. В банк. Насчет автоматического платежа. Чтобы у тебя не возникало с этим проблем.

Элеонора. Да?

Катерина. С твоих плеч свалится огромная ноша. Хочешь подписать?

Элеонора. Если тебе это надо.

Катерина кладет документ перед Элеонорой.

Катерина. Это для твоей пользы – не моей.

Элеонора (*подносит луну, пытается читать*). Слишком много слов. О чем речь?

Катерина. По большей части юридический жаргон.

Элеонора. Да?

Катерина. Чтобы защитить их.

Элеонора. Кого?

Катерина. Банк.

Элеонора. От кого?

Катерина. Я тебе сейчас прочитаю. (*Берет заявление, просматривает.*) Да... Да... Да-да. (*Обращаясь к Элеоноре.*) Тут, прежде всего написано, что ты предоставляешь им право действовать от твоего имени.

Элеонора. Кому?

Катерина (*теряя терпение*). Банку!.

Элеонора. Точно. (*Пытается читать с помощью увеличительного стекла.*) Дай мне взглянуть.

Катерина. Ты только что его просмотрела.

Элеонора. И что в нем написано?

Катерина. Я уже тебе сказала!

Кладет заявление перед Элеонорой.

Элеонора (*подозрительно*). Я больше не хочу его подписывать.

Катерина. Послушай, мама, я не могу постоянно находиться рядом с тобой, чтобы убедиться, что люди не пытаются использовать тебя для собственной выгоды.

Элеонора. Никто не использует меня.

Катерина. Прекрасно. (*Забирает заявление.*) Я хотела облегчить тебе жизнь, но если не хочешь подписывать, не подписывай. Никакого одолжения ты мне этим не делаешь. Я больше буду тревожиться из-за тебя.

Элеонора. Вот и не тревожься.

Катерина (*смотрит на Элеонору не веря своим ушам, потом вновь кладет перед ней заявление*). Ты подпишешь эту бумагу, мама, потому что меня тошнит от того, что ты проделываешь со своими деньгами. У тебя трое внуков, не считая Карла и меня, которым приходится жить на жалкое жалование преподавателя, а ты просто сидишь на своих деньгах. Ладно, надоело мне твое безразличие. Тебе придется подписать это заявление.

Элеонора не видит выхода, собирается подписать, но колеблется.

Элеонора. Что я подписываю?

Катерина грозно смотрит на нее. Элеонора подписывает. Когда поднимает голову, видит, что Катерина достала из кармана еще один документ.

Катерина. Теперь это.

Кладет документ перед Элеонорой.

Элеонора. Что это?

Катерина. Им нужны два экземпляра.

Элеонора (*поднимает документ, старается разглядеть*). Он не такой, как первый.

Катерина. Там написано то же самое.

Элеонора. И страниц больше.

Катерина. Я не собираюсь повторять все еще раз.

Элеонора. Не буду подписывать.

Катерина. Прекрасно. Не подписывай! (*Наклоняется, хватая руку Элеоноры, заставляет ту поставить подпись. Элеонора пытается сопротивляться, но силы слишком неравные. Документ подписан, но Катерина шокирована собственными действиями. Элеонора сидит и смотрит перед собой. Пауза.*) Не знаю, почему ты заставила меня это сделать? Это несправедливо, заставлять меня так поступать. (*Элеонора молчит.*) Ты по-прежнему моя мамуля? (*Элеонора молчит*). Мама? (*Элеонора смотрит на дочь с такой ненавистью, что та отшатывается. Но тут же берет себя в руки. Забирает подписанный документ.*) Ладно... Я... Почему бы мне... Пойду куплю что-нибудь к обеду. Что ты хочешь? (*Элеонора молчит.*) По Каналу Одиннадцать все еще показывают эти плохие фильмы? Я куплю сэндвичи, и мы сможем поесть перед телевизором... Что скажешь? Я за ними схожу, и мы...

Элеонора (*заставляет себя смириться*). Хорошо. (*Катерина широко улыбается. Идет к двери, возвращается, целует Элеонору в маковку.*) Кто это?

Катерина. Твоя маленькая Кэти.

Элеонора. Катерина? Что ты здесь делаешь?

Катерина. Ты знаешь, что я здесь делаю. Приехала, что-

бы провести с тобой время.

Элеонора. Так это хорошо.

Катерина. Да, хорошо.

Ждет продолжения, но Элеонора молчит. Улыбка сползает с лица Катерины, она уходит). Элеонора пытается читать с помощью лупы, но внезапно роняет ее на пол. Пытается достать, потом сползает с кресла, на колени, ищет лупу.

Элеонора. Черт побери... Виктория! Есть здесь кто-нибудь? (*Бормочет себе под нос.*) Как же ее зовут? (*Продолжает искать.*) Лолита? Нет. Роза?.. Розовый куст?.. Лили-Роза?.. Ох, черт...

Продолжает искать лупу.

Затемнение.

Занавес

Алексей БИТОВ

театральный критик, блогер

**... встанет из гроба.
И раскланяется...**

Горького нынче ставят много, в том числе «Васса». Особенно популярен первый вариант пьесы – с лёгкой руки Анатолия Васильева, хотя далеко не все сегодняшние постановщики видели этот знаменитый спектакль (понятно, столько лет прошло), а некоторые о нём даже и не слышали (многие знания – многие печали). Впрочем, к нашему случаю это не относится.

«Васса» в «Театральном особняке» достаточно необычна – прежде всего, тем, что спектакль идёт полтора часа (вместо 3 с гаком, памятным по другим постановкам). Полагаете, покоцали текст? Нет, отнюдь. Режиссёр Л.Краснов вообще утверждает, что ни единого слова из пьесы не убрали; возможно, он слегка преувеличивает (преуменьшает), но купюры, если таковые и были сделаны, по-любому минимальны. Тогда, спрашивается, за счёт чего удалось сократить время спек-

такля? Во-первых, практически исчезли паузы, совсем нет долгих проходов и т.д.; иными словами, плотность действия увеличена до упора – персонажи, что называется, сразу берут быка за рога. Во-вторых, темп речи: нет, ни разу не скороговорка, но никаких эканий и мэканий. Горького часто (и небезосновательно) обвиняют в многословии, а в «особнячном» спектакле не чувствуется ничего лишнего. Мало того, в тексте вдруг обнаруживается юмор – казалось бы, у такого серьёзного автора ничего подобного быть не должно, а вот поди ж ты... (спектакль обозначен как

«чёрная комедия», что, пожалуй, недалеко от истины).

И вообще, «всплывает» многое, погребённое под словесными нагромождениями. Например, «пересечения» Людмилы с Катериной из «Грозы» (как минимум: «Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-

много. Потом пойдём с маменькой в церковь» и «Ах, сад наш! Войдёшь в него утром, когда он росой окроплён и горит на солнце, – точно в церковь вошла!»); пары Людмила – Анна и Катерина – Варвара (невестка – золовка) явно рифмуются между собой. Между прочим, подобная «рифмовка» для Горького характерна, тут достаточно вспомнить «На дне», где монологи основных персонажей очевидно восходят к Хлестакову, но не будем отвлекаться от происходящего на сцене.

Парадоксально: самый неторопливый (и осторожный) в речах персонаж – Михаил, человек действия, исполнитель потаённых задумок Вассы. Всё правильно: ему спешить опасно, для начала надо чётко понять, какая задача перед ним поставлена, и промахнуться тут нельзя. А когда «намёк понят» – он действует быстро и решительно, но это там, за сценой. Логично, однако. А остальным Васса задаёт темп, для них (персонажей, не актёров) непосильный, и они (при всей своей «тормозности») вынуждены плясать под её дудку (Павел, Семён, Наталья, горничные) или, по крайней мере, подстраиваться (Людмила, Прохор, Анна – хоть и по разным причинам). Всё это, как ни крути, заложено в самой

пьесе. Вот такая любопытная картинка складывается.

О чём, собственно, спектакль? О тщете накопительства? Пожалуй, нет, берите шире, намного шире: «если хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах» – помните такое? Васса строила, строила, ничего нереального не хотела – всё, казалось бы,

просто и естественно, ах нет, в реальности по-другому вышло... «Для кого мы с отцом целковые-то копили? Для детей будто. А они – и не стоят целкового-то...» Или ещё раньше: «Какие-то всё никудышники... бездельники». Спрашивается, зачем тогда всё делалось? Псу под хвост? Но может ли Васса это признать? Она, упёртая, продолжает строить планы: «Не удалась сыновья... внуками жить буду... Сад-то и не пропадёт...» Как за соломинку хватается. А если и внуки окажутся «никудышниками», что будет с садом? Вопрос...

Повторю, всё это – из текста пьесы, никакой не «опыт прочтения». Из отклонений – разве что убрали вторую горничную (Анисью), объединив её с Ду-

ней («дальней родственницей»), но в этом ничего нового нет, персонаж скорее технический. И финал, где по центру – Прохор в гробу; Горьким вроде бы, не предусмотрено, но почему бы и нет? И музыкальный рефрен – «Крутится, вертится шар голубой...» Хотелось бы, конечно, чтобы в финале эта мелодия звучала чуть разухабистее, но тут уж, как говорится, нет предела совершенству. Главное, что актёр (который в гробу) «лежащую сцену» выдерживает. А над чем ещё стоило бы порабо-

тать – полагаю, они сами в курсе, и режиссёр, и актёры.

Вот, наконец, мы и до актёров добрались. Состав на сцене достаточно пёстрый: женские роли (кроме, разумеется, заглавной) играют студентки: заочница ГИТИС М.Шарошкина (Анна) и квартет из ИСИ. И, в общем, справляются – но хотелось бы пожелать С.Мищенко (Наталья) большей стабильности, а В.Скоробогатовой (Людмила) – некоторой вариативности, что ли. А уверенность и раскрепощённость – дело наживное, не всё сразу.

В мужском составе студент только один – Г.Джелия из ЯГТИ. Роль у него (Семён) выстроена любопытно: именно он обеспечивает «комическую часть», в паре то с Павлом, то с Натальей (отчасти Феклушей, если продолжить аналогию с «Грозой»). А.Плотников (Павел) не столь однозначен (Горький не позволяет), актёр добирает постепенно (на то и нужен репертуарный театр). С.Горбачёв (Прохор) – очень даже живой (тут, извините, некоторый каламбур: в конце спектакля именно ему достаётся роль трупа, на поклоны он восстаёт из гроба). А неспешный В.Фролов (Михаил) украшает спектакль, и не только «бисмарковскими» усами.

Отдельно – Васса. Впрочем, тут никаких откровений; от Е.Стародуб ничего другого ожидать не приходится; кто видел её на сцене, вряд ли станет спорить. Между прочим, роль Вассы совсем не проста: сюжет пьесы искушает главную исполнительницу перетащить одеяло на себя, но Елена – Васса с этим искушением справляется и оставляет партнёрам достаточно места на сцене, чтобы им было, где развернуться. И они разворачиваются. Без суеты.

Спектаклю в целом, конечно, ещё расти и расти. Благо, репертуарный театр позволяет. Как бы его ни хоронили, он непременно встанет из гроба. И раскланяется.

Татьяна ЕРМОЛИЦКАЯ

руководитель литературно-драматургической части Томского областного театра куклы и актёра «Скоморох» им. Романа Виндермана, журналист, театральный обозреватель, автор российских театральных изданий

«Страстной бульвар, 10», «Музыкальный журнал», автор томских изданий «Территория интеллекта» (ИД «Томский потенциал»), «ЗАТО - говорим», автор ряда театральных проектов.

Non fiction о человеке сложном или история с многоточием...

Недавняя премьера в Томском областном театре куклы и актёра «Скоморох» им. Романа Виндермана без преувеличения стала событием для большинства томичей, особенно тех, кто интересуется историей. Впрочем, ничего удивительного в том нет, ведь посвящена она личности удивительной, в чем-то противоречивой...

Театр «Скоморох» располагается в красивом старинном здании - Доме науки, имеющем статус исторического памятника. Он был спроектирован известным сибирским архитектором Андреем Крячковым, а идея его возведения принадлежит Петру Ивановичу Макушину (1844 — 1926) — человеку уникальному, известному своей деятельностью не только в Томске и в Сибири, но и во всей России. Купец, меценат, книгоиздатель, просветитель, Почетный гражданин Томска и Сибири, в 1871 году он открыл в тогдашнем губернском центре публичную библиотеку, а в 1873 году — первый книжный магазин. В своей типографии Макушин печатал местную

периодику, самым известным изданием которой стала газета «Сибирская жизнь». В 1912 году, в том числе и на его деньги, в Томске был построен Народный университет (Дом науки), в ограде которого Петр Иванович и был захоронен в июне 1926 года.

«Ни одного неграмотного!» - стало главным девизом деятельности Петра Макушина, и он делал все, чтобы люди приобщались к книге, становились более грамотными и образованными. Он пользовался уважением у самых известных людей России. Среди них были высокопоставленные чиновники, деятели культуры и образования. Лев Николаевич Толстой посылал свои собрания сочинений в дар для его публичной библиотеки. Известный книгоиздатель Иван Дмитриевич Сытин, оценивая масштабы деятельности П.И. Макушина, адресовал ему такие слова: «Ермак покорил Сибирь оружием, Вы покоряете ее книгой».

С другой стороны, это был расчетливый и талантливый предприниматель, сумевший на продаже книг и

других коммерческих проектах сколотить немалое состояние.

Каким же был этот человек? Бессребреником или расчетливым коммерсантом? Жил для других или для себя? А если допустить, что он был разным?

Вот такие размышления и положены в основу спектакля «Ни одного неграмотного» (non fiction о человеке сложном), над которым работали молодые постановщики – режиссер Дмитрий Гомзяков и художник Матвей Фатеев. Постановка была реализована благодаря гранту Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры.

Это первый опыт документального спектакля в «Скоморохе». Его драматургической основой стала пьеса известного томского писателя Александра Толкачева, а также письма Петра Макушина и другие документы.

Материал собирался по крупицам, постановочная команда встречалась с исследователями наследия Макушина, анализировала полученную информацию.

Действие спектакля разворачивается в двух локациях. Сначала зрители поднимаются в верхнее фойе театра, напоминающее зал музея. В музейных витринах, на подоконниках, на специальных подставках и даже на полу – книги, книги, книги... Как символ просвещения, как символ всей жизни Петра Ивановича. Зрители могут не только посмотреть, полистать книги, но и забрать понравившиеся томики домой. И редко кто уходит с пустыми руками – бумажная книга обладает особой притягательностью и энергетикой.

Кстати, чтобы собрать такую огромную библиотеку, «Скоморох» обратился к жителям Томска с просьбой поделиться книгами. Откликнулось столько народу, что сбор даже пришлось приостановить!

Экскурсовод (заслуженная артистка России Марина Дюсьметова) рассказывает о личности Макушина, о его подвижничестве и его коммерческих проектах, затрагивает и историю самого здания. Ее рассказ сопровождается видеохроникой, отражающей жизнь Томска начала прошлого века.

После импровизированной экскурсии получившие пищу для раздумья зрители поднимаются на этаж выше в репетиционный зал, напоминающий студию.

А там современная, в меру язвительная журналистка (актриса Олеся Кондратьева) берет интервью у самого... Макушина (актер Юрий Орлов). С помощью виртуальной маски, «наложенной» на лицо актера, оживает старая фотография, и перед публикой предстает

главный герой спектакля.

Разговор двух поколений, несмотря на то, что он длится час с лишним, а визуальный ряд весьма однообразен, захватывает с первых минут. Петр Макушин предстает личностью неоднозначной, но необычайно глубокой. По мере развития интервью интерес к нему и к его современникам только возрастает, а ассоциаций с современной Россией становится все больше и больше. Неизвестные многим факты, впечатляющие цифры, философия жизни человека неординарного побуждает узнать о нем, о жизни Томска и дореволюционной России еще больше. Впрочем, именно на это и рассчитывали создатели спектакля, поставившие в финале своей истории вместо точки многоточие...

Работа над постановкой, погружение в историю жизни «сложного человека» оставило отпечаток в душе каждого из них. Вот как участники спектакля говорят об этом сами:

Александр Толкачев – драматург:

- Прежде чем, написать пьесу, я изучил огромное количество материала: книгу томского краеведа, сотрудника Томской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина Ольги Никиенко, книгу Тамары Сталевой, статьи и заметки в местных и федеральных СМИ. Немало фактов почерпнул в Википедии. Надо сказать, что мнения об этом человеке очень разные. С одной стороны, это бизнесмен, который мог блестяще добывать деньги для своих замыслов, с другой стороны, книготорговец, просветитель, который во многом способствовал образованию населения не только огромной Томской губернии, но и всей Сибири, вплоть до Влади-

востока. Он был непростым, как все выдающиеся люди. Наверное, тем и интересен.

Дмитрий Ггомзяков – режиссер-постановщик:

- С точки зрения сегодняшнего времени – это гениальный коммерсант и замечательный человек. Просто поразительно: найти дело, которое приносит удовольствие, пользу для человечества и при этом получаешь хороший доход – для меня это мечта!. Мне кажется, что мы всей командой полюбили его со всеми его сложностями, которые есть в каждом. Мы просто приняли все эти его сложности и поняли, что это уникальный человек!

Марина Дюсьметова – заслуженная артистка России:

- Хочется знать о нем больше! И не только о нем, но и о его современниках, о его времени. Еще раз убеждаешься, что надо знать свою историю - и наш спектакль в том числе и об этом. Борьба за существование, за бизнес, за свою идею присуща и сегодняшнему человеку. Спектакль оставляет вопросы, хорошие вопросы, которые провоцируют на работу с информацией.

Олеся Кондратьева – актриса:

-Мы работали над спектаклем почти месяц. Очень много узнали и о самом Макушине, и о Томске, и о России в целом. Однозначного мнения о Петре Ивановиче не сложилось. И вопросов все больше. Например, как этот человек построил свой бизнес, свою книжную империю и сохранил ее при всех властях – царских, советских? Он вырастил целое поколение читающих, думающих людей, а они совершили революцию. Есть ли его ответственность за это? Мы постарались, чтобы в спектакле максимально использовалась его прямая речь,

его дневники, письма (он очень любил эпистолярный жанр). Очень хочется, чтобы зрители и после спектакля продолжили свои размышления об этом человеке.

Юрий Оорлов - актер:

- Это беглое, слегка на почтительном расстоянии, уважительное знакомство с Макушиным, которое опирается на различные источники о нем и его личные записи. Очень бы хотелось с ним поговорить, пообщаться, выслушать его, узнать реакцию на текущее положение вещей. Думаю, что мы бы нашли о чем поговорить за чашкой чая.

Михаил БАРЩЕВСКИЙ

полномочный представитель Правительства Российской Федерации в высших судебных инстанциях, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (2007). Действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (2002). Составитель «Большой юридической энциклопедии», «Домашней правовой энциклопедии», юридического пособия «Наследственное право». Автор юридических справочников серии «Ваш адвокат М. Барщевский»: «Всё о недвижимости», «Всё о пенсиях и льготах», «Всё о правах подозреваемого и обвиняемого в уголовных делах», книги «Счастливы неимущие». Писатель. Автор сборников рассказов «Мы?? Мы!», «Автор», «Автор тот же. Другие рассказы», «Не моя жизнь, или Обратный отсчет», романов «Защита против, или Командовать парадом буду я!», «Лёд тронулся», пьесы «У перекрёстка». В театре «Школа современной пьесы» шел спектакль «Проститутка» по одноименному рассказу М. Барщевского в постановке Иосифа Райхельгауза.

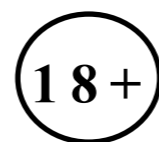
«Школа современной пьесы» шел спектакль «Проститутка» по одноименному рассказу М. Барщевского в постановке Иосифа Райхельгауза.

Екатерина КРЕТОВА

заместитель художественного руководителя театра «Школа современной пьесы», музыкальный и театральный критик, арт-директор Международного драматургического конкурса «Действующие лица». Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2021). Автор многочисленных статей о музыкальном театре, опубликованных в специализированных и общественно-политических журналах и газетах. Обозреватель газеты «Московский комсомолец». Автор инсценировок, сценариев и литературных адаптаций для театра. В том числе, автор сценария спектакля «На Трубе» (театр «Школа современной пьесы»). Автор и ведущая программы «Советской песни Атлантида» (МХАТ им. Горького). В спектакле по рассказу М. Барщевского «Проститутка» принимала участие в качестве редактора инсценировки и актрисы.

В том числе, автор сценария спектакля «На Трубе» (театр «Школа современной пьесы»). Автор и ведущая программы «Советской песни Атлантида» (МХАТ им. Горького). В спектакле по рассказу М. Барщевского «Проститутка» принимала участие в качестве редактора инсценировки и актрисы.

Михаил БАРЩЕВСКИЙ
при участии Екатерины КРЕТОВОЙ

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Действующие лица

Ляля

Иван Иванович

Шота

Женщина

Мальчик

Ляля. Провинциалы способны на многое. В смысле на гораздо большее, чем москвичи. В моей тусовке бывших провинциалов в разы больше, чем москвичей. И не только в моей. У меня подружка – маркетолог, очень крутой. Так вот, в их компании 90 процентов приезжих. А в топчике – вообще граждане Украины. Да-да, это факт. У них и президент, и вице-президент – один из Киева, другой из Харькова. А хозяин фирмы – он в Штатах живет – одессит. Нет, ну он не украинец, конечно. Ну, а я из Тулы. А если конкретно, даже не из Тулы, а из Тульской области, Богородицкий район... Не слышали? Вот такие мы, деревенские девчата – глаза большие, голубые, ножки стройные, грудь.... Короче – бюст! Рост идеальный – и балетки надеть – не лилипутка, и лабутены – не телеграфный столб. Но и это не главное. Главное – это мозги. Вернее, сочетание, культурно говоря, бюста и интеллекта. Парадоксальное

сочетание. Неожиданное. Короче, неопределенный интеграл интеллекта с переменной функцией бюста – это формула женского успеха. Моя собственная, если что.

Знаете, если начистоту, то интерес к противоположному полу я начала испытывать классе в пятом. Была бы москвичкой, черт его знает, куда бы завело. А у нас - строгое провинциальное воспитание! Нужно было сдерживать природные инстинкты. На людях. А вечером, залезая под одеяло, я могла изучать себя, как угодно. И к девятому классу поняла, что для удовольствия мужчина вовсе и не нужен...А общаться интереснее было с подругами. С ними и книжки можно обсудить, и фильмы, и мальчиков-придурков. ... А мальчики все-таки какие-то прямо вот идиоты. Перелом произошел после моего 17-летия. Я уже училась на первом курсе. В гости ко мне пришли одни девки. Мы пили вино и разговаривали о какой-то интеллектуальной херне. В комнату заглянула мама и сразу ушла. А когда все разошлись, она мне сказала: «Деточка, ты что же это делаешь со своей жизнью? Ты нормальная вообще?» И я поняла, что мама права. С невинностью пора расставаться. Ситуацию я готовила весьма тщательно. Нужен был правильный кандидат. Училась я в Тульском педсе имени Толстого. Мальчиков там вообще не было. Было три, но и те, что называется, лечебной гимнастикой занимались. Мой выбор пал на препода с кафедры иностранной литературы. Он казался глубоким стариком – лет 40 с небольшим. Но при виде него у меня сердце замирало: абсолютный красавец! Похож на портрет Блока – длинные волосы,

надменный взгляд. У нас он ничего не вел – я ходила вокруг, поджидала после окончания лекций. Ноль внимания. А время шло! И тут Лапшина, моя школьная подружка – такая же умная дура, как и я, пригласила меня к себе в общагу на новогоднюю дискотеку. А она в Тульском универе училась. Я поняла, что это шанс: там же не только девочки учатся. По ходу я присмотрелась к контингенту и определила двух претендентов на роль первого и незабываемого. Один повыше, другой пониже. К концу дискотечного веселья тот, что повыше изрядно надрался и шансы потерял. Второй робко вздыхал, смотрел нежно, и боялся покрепче обнять во время медленного танца. «Вряд ли он что-то умеет», подумала я, но процесс уже был запущен... В комнату нас впустила Лапша. Договорилась со своей соседкой, короче, проявили девки женскую солидарность. Мучилась я с этим мальчиком чуть ли не до утра. В итоге он в полном восторге, заснул в пятом часу, улыбаясь во сне блаженной младенческой улыбкой. А я была в недоумении. Нет, результат был достигнут – акт дефлорации произошел, но... где радость так сказать бытия? Где восторг физической любви? Мальчик больше не интересовал, даже как-то стал неприятен. Я вышла из комнаты. Возле нее сидели Лапшина с соседкой. Вид их в 4 часа утра был страшен. Мы втроем вернулись в комнату и растолкали героя-любownika. Он поплелся куда-то, ничего не понимая, а я заночевала на полу.

Потом парень этот меня нашел, пытался со мной общаться, но – нет. Он уже был не нужен. Нужен был кто-то, кто даст мне уверенность в том, что со мной все

в порядке, что я нормальная женщина, а не фригидная лягушка. Лапшина устроила мне встречу с тем высоким парнем, который тогда на дискотеке нажрался и, так сказать, взял самоотвод. Он оказался спортсменом, совершенно не интересным в общении, но неутомимым и достаточно опытным. Ночь провели в комфортных условиях – у него дома (он снимал комнату в пригороде Тулы), но результат вновь не порадовал. Ожидаемое несказанное удовольствие, так и не состоялось...

Шота (*поет грузинскую песню*). Увы, грузинского языка я не знаю. Правду говорю. Когда я пожалел об этом, было уже поздно учить, да и лень. Мы переехали в Москву из Тбилиси, когда мне было 7 лет. В школу я пошел в Москве. Родители дома говорили только по-русски. Странно – почему? Когда этот вопрос у меня оформился, я не рискнул его задать. Если папа так решил, значит так и должно быть. У нас в доме всегда все определял отец. Родители уехали из Грузии, когда к власти пришел Гамсахурдия. Дед мой по папиной линии был партийным боссом. Советским грузинским партийным боссом. С серьезной родословной. Сейчас мои родители постоянно живут на даче под Москвой. Эту дачу построил дед. Если честно, не сам дед, а брат бабушки. Но это уже детали – фамилия соратника вождя народов и великого кормчего, которую я ношу, принадлежала деду. Мой папа был когда-то ректором мединститута, по возрасту с этой должности ушел и теперь возглавляет попечительский совет родного ВУЗа, нося почетное звание президент. Пару раз в неделю он

посещает ректорат, где для него держат личный кабинет. Правду говорю. Он просиживает там несколько часов и возвращается обратно на дачу. Мединститут закрепил за отцом машину в знак признательности за былые заслуги, и он чувствует себя важным, востребованным и полезным для общества. Другьям рассказывает, что институт по-прежнему держится только на нем. И думает, что так и есть! Мой папа – это мой папа... Я всегда гордился своей семьей – и дедом, и папой, и братом папы. Он был величайшим грузинским актером, народным артистом СССР. В Грузии его обожали, ну не знаю... ну, как в России, может быть, Юрия Никулина. Папа хотел, чтобы я был самостоятельным. Как и положено мужчине. Денег мне не давал. К моему желанию быть литератором относился спокойно-иронично. Я написал повесть о своем тбилисском детстве. Ее напечатали. Ждал славы Алексея Толстого, но, видимо, книгоиздатель с рекламой сэкономил – какой-то раскрутки особой не было. Писал сценарии к телепрограммам. И однажды вытянул счастливую карту – пригласили вести телепередачу на НТВ. Через полгода закрыли. Низкие рейтинги и бла-бла-бла. Я оказался слишком интеллигентен для этого канала. Не формат. Лала мне очень нравилась. Я познакомился с ней, когда пришел на ее передачу – меня стали часто звать в качестве «гостя». Говорю я хорошо и выгляжу тоже. Правду говорю. И как-то я все время планировал позвонить ей, пригласить куда-нибудь. Да то одно, то другое. Вернее, то одна, то другая... И вот однажды судьба вновь повернулась ко мне нужной стороной. Руководство канала решило провести рокировку

ведущих и обновить форматы. И мне неожиданно предложили стать ведущим нового ток-шоу. Так сказать, вернули в обойму. Это был шанс, которого упустить было нельзя. Я решил апробировать свой авторский тип ведения программы – говорить очень интеллигентно о самых табуированных вещах. И рейтинги нашего шоу сразу стали очень высокими.

Ляля. Шота неплохой парень. Поначалу был такой типичный московский тусовщик – бабла нет, но веселый, интеллигентный, как говорили в древности «из хорошей семьи». Перебивался случайными гонорарами. Я сама не раз вручала ему белый конвертик с двадцатью тысячами и видела, как он пытался скрыть радость, что не обманули – обещали и заплатили. И вдруг – такой поворот. Наш канал начал новый проект. Ток-шоу с самыми провокационными сюжетами. Шоту позвали ведущим, а меня – редактором. Да-да, я работаю на ТВ. Разумеется, в Москве. Не скрою – это была моя цель, я шла к ней упорно и не буду сейчас подробно вспоминать, как именно. Скажу так: кто стал никем, тот спал не с тем. Афоризм не мой, но сказано неплохо. Короче, к 27 годам в моем активе - крупнейший канал, очень рейтинговое ток-шоу, я - старший редактор, способный затащить в студию практически любого вип-гостя. Таких «випов» на всю страну, а значит и на все телеканалы, на круг выходит человек двести. А если отбросить эстрадных звезд, популярных киноактеров, большинство из которых не может связать и двух слов в эфире, да еще спортсменов (те, кроме как о спорте, ни

о чем другом вообще говорить толково не способны), то с «видами» - проблема. В моей базе - пятьдесят две фамилии юристов, экономистов, историков, социологов и журналистов. Эти люди кочуют с канала на канал и тем самым образуют говорящую элиту страны.

Мое общение с ними – вот настоящая школа. И дело даже не в их взглядах, а в темпераменте, в манере себя вести, отстаивать свою позицию... Я отлично понимала, какое впечатление произвожу на этих «випов». Никто из них не отказывался провести время с очаровательной редакторшей, которая так упорно, пусть и льстиво, зазывала их на свою программу. Были среди них и солидные женатые дядьки, которых приятно будоражил интерес молоденькой симпатичной журналистки в короткой юбочке и с глубоким декольте. Мой способ – привлеку телом, увлеку интеллектом - срабатывал безотказно. Что-что? Харрасмент? А вот никто из них даже не подумал, что я могу спровоцировать кого-то на активные действия сексуального характера, а потом слить их или шантажировать. Все-таки мы, слава Богу, все еще живем в стране без этих штучек цивилизованного мира. Мне, кстати, тоже это в голову не приходило. Наоборот – если вдруг я чувствовала, что на меня «не клюют», я сильно напрягалась. Так случилось однажды с Зюгановым. Вот это был реальный «облом». Зюганов меня очень интересовал. Ужасно хотелось знать, что на самом деле он думает, во что верит, чем живет. Но «дедушка Зю» на мои достаточно откровенные и прямые намеки «включал дурочку». С тех пор я коммунистов недолюбиваю. Хотя на политику мне совершенно наплевать. Не наплевать

мне было на другое: ни один из моих партнеров не дал мне почувствовать кайф от секса.

Шота. Алло... Лала? Привет, это Шота. С Новым годом.

Ляля. Приветик, С Новым годом.

Шота. Ты где? В Москве?

Ляля. Ага

Шота. Никуда не поехала?

Ляля. Ну типа того. На Мальдивы не заработала, в Богородицкий район не тянет.

Шота. Тогда - поужинаем?

Ляля. Мужики типа Шоты у меня, конечно, уже были. С одним случился даже долговременный роман, Миша его звали. Миша этот уже через две недели позвал замуж. А почему бы и нет, подумала я и перестала предохраняться. Четыре месяца ждала беременности, но безрезультатно. Потом случилась банальность. Как-то раз подсмотрела пароль его телефона, прогулялась по эсэмэскам, вайберу и вотсаппу и поняла, что страсти Мишиной хватает еще на трех подружек. И пошел тогда Миша лесом. Я не сильно страдала, но зато поняла, что давний прогноз гинеколога, о том, что забеременеть мне будет сложно, оказался реальностью. Почему я про Мишу вспомнила? Да потому что у нашего Шоты тоже девушка в каждом порту. Но поужинать – это ведь не замуж выходить.

Шота. Алло... Лала? Привет, это Шота. С Новым годом.

Ляля. Приветик, С Новым годом.

Шота. Ты где? В Москве?

Ляля. Ага.

Шота. Тогда - поужинаем?

Ляля. Давай...

Шота. Наш ужин затянулся на всю каникулярную неделю. Это была неделя страстного секса, за исключением 7 января: Лала - девушка воцерковленная, а потому в Рождество, к моему изумлению, «взяла отгул». Я был с ней крайне нежен. Я вообще всегда очень нежен с женщинами. Тем более, что Лала оказалась абсолютно в моем вкусе: женственная, но при этом такая «доминантная самка». Ей очень нравится быть ведущей, «рулить» - она командир по природе. И я дал ей полную волю. Хочешь быть главной, нравится доминировать, наслаждаешься своим лидерством? Прекрасно, я готов уступить. Мог бы я на ней жениться? Не знаю, скорее нет. Тем более, что отлично знаю ее «богатую» приключениями биографию. Моя семья вряд ли приняла бы такую «жену». Отец и мама последнее время давят: тебе уже сильно за 30, надо думать о продолжении рода. И все же на Лале я бы не женился, нет. Правду говорю.

Ляля. Все бы в Шоте хорошо, но - не мужик! Ну, не чувствовалось в нем того мужского начала, которое могло бы всерьез меня увлечь. Он вообще не умеет

управлять своей волей - все время как будто чего-то просит, ищет одобрения, требует материнской ласки и поглаживания по головке. Недели тесного общения хватило мне с избытком. Хоть и не женат и вроде как представляет перспективный кадр, но я замуж ради статуса не стремилась, а надеждой и опорой Шота явно стать не мог. Да и вообще, я сильнее его. А зачем такой муж? Короче, 10 января Шота получил от меня эсэмэску, из которой узнал, что отныне мы друзья. Были с его стороны стенания о продолжении «счастья», но они остались без ответа...

Иван Иванович. Я - птенец того же гнезда что и Путин. Я из ПГУ. Нет, это не портал госуслуг. Это - Первое главное управление КГБ СССР. То есть, внешняя разведка. Есть и Второе главное управление – это контрразведка. Так вот в ПГУ у нас было два подразделения – политическое и научно-техническое. Мы говорим ПР и НТР. Я из первого. Нас не учили убивать пустыми руками, травить газом, колоть зонтиком. Нас учили думать. Анализировать, выстраивать логические цепочки, восходить от абстрактного к конкретному - да-да, вот именно по Гегелю, составлять в уме целостную картину из разрозненных элементов, ПОНИМАТЬ ситуацию и принимать решение. Еще нас учили вербовать. А что значит «вербовать»? Это, прежде всего, проникать в психологию человека. Встраиваться, как коронавирус, в цепочки его эмоциональных РНК. Задавать нужные вопросы, получать ответы и считывать – что человек

хотел сказать и что он хотел скрыть. Есть такое выражение: дипломату язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли. Нас учили алгоритму сокрытия своих мыслей и дешифровки чужих. Обнаружить слабые точки в интересующем тебя объекте вербовки, его болевые точки, его тайные интересы. Умение так вести диалог с собеседником, чтобы получить от него все, что тебе нужно, чтобы он даже не заметил, в какой момент стал послушной и мягкой глиной в твоих руках, чтобы он полюбил тебя и не мог без тебя обходиться.

Звонок этой девочки, зазывавшей меня на какое-то очередное ток-шоу, был далеко не первым, разумеется. Сколько мне таких звонило – не пересчитать. Когда я возглавил пресс-службу ФСБ, то сразу принял решение: участвовать в ТВ-шоу буду. Телевидение – колоссальный манипулятор массового общественного сознания. И нужно этим пользоваться. Ведь что такое связи с общественностью? Это умение не банально произнести абсолютную банальность. Иногда доходящую до пошлости. Ну, например: «Российские спецслужбы не имеют отношения к отравлению бывшего офицера ГРУ в Лондоне». Банальность? Кто-то поверит, кто хочет услышать именно это, а кто-то – не поверит. Потому что он хочет слышать прямо противоположное: о причастности «кровавого путинского режѐма» к этому событию. И тогда мы говорим следующее: вы утверждаете, что за этим преступлением стоит Москва, на том основании, что было применено отравляющее вещество под названием «Новичок», которое, якобы, используется российскими спецслужбами. Так? А вот вам выводы экспертов,

причем швейцарских: клиническая картина больше соответствует отравлению веществом VZ. Это вещество было на вооружении в США и Британии, в России же вообще не производилось. Убедительно, не правда ли?

О том, что там на самом деле, мы вообще не говорим. Мы живем в век информационной реальности: то, что прочли в интернете и увидели по телевизору – разные аудитории получают свою порцию лжи из разных источников – то и правда. Хвост виляет собакой. Давно уже не спрос определяет предложение, а именно только предложение и формирует спрос.

Так вот, когда она мне позвонила, эта Ляля, она меня сразу зацепила – я оценил это как профессионал. Задала мне какой-то вопрос сходу – не стандартный, не типичный, и мне тут же стало интересно. И я понял, что она это не случайно сделала – она это продумала. Ого, думаю, лет 40 назад я бы такую девочку привлек к нашей работе. Особенно, если внешность подходящая. Потом уже, когда встретились, убедился: внешность самая подходящая. Могла бы у нас карьеру сделать, пользу принести стране. С хорошим куратором, разумеется.

Ляля. Готовили программу к 8 марта. Бакшеева, наш шеф-редактор говорит: нужен генерал. Вот прям генерал-генерал. Красавец с сединами, интеллект, красиво говорящий, чтобы все влюбились. Откуда такого брать? Ну, понятно, что из комитета. Ивана Ивановича Иванова я давно заприметила. Руководитель

департамента по связям с общественностью ФСБ России. Это круто. Стройный, выправка офицерская, черноволосый. Такой же Иван Иванович Иванов, как я какая-нибудь Ли Сяо Чжи. Участвует только в политических программах. И во мне такой азарт проснулся: вот будет он у меня на программе. Мой обычный заход по телефону с взрослыми вилами такой: «Только вы, без вас никак, нам так интересно то, что вы говорили по этой теме, без вас программа будет провальная...»

Большинство ведется. Тщеславие - двигатель телевидения - мой собственный афоризм, если что. Но тут с Иваном Ивановичем этим, надо было что-то такое похитрее придумать. Звоню, представляюсь и, вдруг, так как бы «неожиданно»: Я думаю, вы со мной не по айфону разговариваете?

Иван Иванович. Вы ясновидящая?

Ляля. Нет, ну, или, по крайней мере, не на уровне вашего ведомства. Просто слышала, что в Конторе запретили пользоваться айфонами и айпадами.

Иван Иванович. Есть такое дело. Теперь понимаю, почему вы мне позвонили...

Ляля. И что же вы поняли?

Иван Иванович. Тема вашей передачи - женщины. Вы узнали про ограничения в отношении сотрудников ФСБ. На передаче вы меня спросите, можно ли нашему сотруднику заводить роман с американкой, при том, что нельзя пользоваться американской техникой? Так?

Ляля. С американской блондинкой, уверена, можно. Она все равно либо неправильно поймет, либо не запомнит. Это я вам как блондинка говорю...

И он пришел. Очень крутой. Неординарные фразы, подчеркнутая сдержанность в споре. Иногда включал старца-философа, изображал интерес к оппоненту. Играл заинтересованность получше Познера. Все это было игрой, маской, актерством, но в суперском исполнении.

Иван Иванович. Ляля оказалась очень красивой. Гораздо более красивой, чем можно было ожидать. Редкая для красотики манера – постоянная легкая ирония. Нет, не цинизм и не комикование – есть такие женщины-клоунессы, не мой тип. Никакого кокетства. А здесь другое: неожиданные реплики, подколки, мгновенная реакция на любую фразу. Давно такие не встречались. Да и встречались ли вообще?

Ляля. Не понимаю, что со мной такое. Как будто впервые мужика увидела. Ведь старик! Даже вспомнила, как на первом курсе пыталась соблазнить препода с кафедры иностранной литературы. Что в нем такого в этом якобы Иван Иваныче? Сила? Достоинство? Самодостаточность? Шлейф палача, может быть? Там КГБ, застенки и все такое? Кто ты, блин, такой Иван Иваныч, что меня так конкретно к тебе тянет? (*Голос: «Снято, всем спасибо!»*) Спасибо вам, огромное, Иван Иванович...

Иван Иванович. Не за что. Было интересно.

Ляля. Придете еще?

Иван Иванович. Лично к вам, да.

Ляля. А ко мне на запись? На интервью?

Иван Иванович. А это зависит от того, какой у вас дома кофе и разрешаете ли вы гостям курить.

Ляля. Не всем. Только тем, кто заслужит.

Иван Иванович. Ну, на свой счет я не сомневаюсь... Я про количество анекдотов, которые я знаю. А вы о чем подумали?..

Иван Иванович. Она позвала меня домой. Вот так сходу продемонстрировала, что хочет со мной переспать. Блядь? Нет, не то. Провокаторша? Это больше похоже, и уже интересно. Хочешь сыграть со мной в игру – я не против. И я поехал к ней буквально на следующий день.

Ляля. Он прочел мои мысли. Ничем не показал своего интереса, зато мой интерес вычислил мгновенно. Играет со мной. Такого еще не было никогда!

Иван Иванович и Ляля целуются.

Иван Иванович. Подожди я презерватив достану.

Ляля. Не надо.

Иван Иванович. Уверена?

Ляля. Да. Все безопасно.

Иван Иванович. Хорошо.

Иван Иванович и Ляля пьют кофе.

Ляля. Два вопроса. Скажите... скажи... а ваша... твоя работа... Ну вот насколько официальные заявления пресс-службы соотносятся с реальными событиями? Вернее, я имею в виду – вот вы знаете, что там на самом деле? И уже имеете дело с готовыми официальными версиями?

Иван Иванович. На самом деле, я не управляю департаментом связей с общественностью, а курирую его. Управляет мой заместитель. А я – аналитик. Я

не составляю тексты официальных заявлений. Моя работа не собирать информацию, а анализировать ее. Но для этого мне важно понимать, что думают те или иные люди о конкретном факте, событии. Понимаешь, парадокс нашей жизни в том, что чаще не одно событие порождает другое, ведет к нему, а отношение людей. Давай другими словами. Вот что-то произошло. В результате, может произойти то-то или то-то. Но что именно произойдет, зависит от того, как люди расценивают первое событие. Ну, скажем, массы ему рады. Тогда следующим этапом произойдет одно. Наоборот, не рады, напряжены, тогда последствия будут другие. И, ясное дело, реакция власти, действия, риторика власти. Зависит от восприятия массами первого события. Так сказать, надо резонировать, а не диссонировать.

Ляля. То есть, вы изучаете общественное мнение?

Иван Иванович. Не совсем. Меня интересует только мнение элит. Потому что они, элиты, формируют общественное мнение. Но, беседуя с разными людьми, я не только и не столько узнаю, что думают они, сколько влияю на то, что они будут думать. Формирую их видение ситуации.

Ляля. Так вы не аналитик, вы – манипулятор! Поэтому вы так быстро затащили меня в постель?

Иван Иванович

В постель меня затащила ты, а я из деликатности не посмел возразить. «Снегопад-снегопад, если женщина просит...». Ладно, какой второй вопрос?

Ляля. Забыла ...Забыла!

Первый раз, первый раз в своей жизни я испытала то, на

что любая женщина имеет право. Я знала всегда, что со мной все в порядке. Просто нужно было встретить кого-то настоящего. Вот и встретила.

Иван Иванович. Фантастическая девочка. Нет, не встречал я таких. Красота, молодость и ум. Сказать кому-то – не поверят, скажут, не бывает. А вот бывает.

Шота. Рейтинги нашей программы буквально летели вверх. И тут Лалку переводят к нам редактором. С нашей сексуально-рождественской недели – после того, как она меня фактически послала – мы не виделись. Как-то не пересекались в Останкино, не совпадали по времени. Я уже и забывать стал, какая она. А тут она вошла. Звезда. Да, просто звезда. Я попытался пригласить ее поужинать – уж от этого она никогда не отказывалась. Но натолкнулся на такой ... даже не отлуп. Хуже. Просто я для нее не существовал как мужчина. И это было очень странно для нее – она всегда со всеми была... нет не то, чтобы доступна, но как бы возможна. Всегда всем оставляла некий шанс – пусть теоретический. Вот, сейчас объясню: ни один мужик не чувствовал себя рядом с ней априорно отвергнутым. Она, как принцесса Турандот, как бы всем видом давала понять: отгадай загадку – и получишь меня, а не отгадаешь – голова с плеч, как договаривались, ничего личного, все по правилам. Правду говорю. А тут – голяк. Пусто. Никакого шанса.

Шота. Здравствуйте, уважаемые телезрители. Телеканал

ПСР – Первый среди равных – и я, ведущий Шота Харабадзе – приветствуем вас на уникальном ток-шоу «Магический переход». Как всегда, главный герой программы не присутствует в студии, потому что его уже нет в живых. Мы рассказываем истории людей, совершивших суицид. Что привело их к страшному решению? Почему они сделали свой последний роковой шаг? Почему их не остановили близкие? Почему они навсегда оставили своих родных с незаживающей раной в сердце и вопросом, который никогда не получит ответа: почему? Ток-шоу «Магический переход» – фантастическая попытка получить ответ на этот вопрос. Мы развернем время и окажемся в том безоблачном прошлом, когда наш герой был еще жив. Мы нащупаем точку невозврата, the point of no return, которая сделала неотвратимой эту трагедию. Мы поймем, была ли возможность изменить будущее, или герой был обречен? Мы сделаем все это, не прибегая к помощи экстрасенсов, парапсихологов, спиритуалистов, ясновидящих и других шарлатанов. Мы не делаем игровых реконструкций. В наших руках – подлинные документы: видеозаписи, переписка в соцсетях, электронные письма, рассказы участников событий. И, конечно, мнение экспертов – людей науки и искусства, мудрецов, которые помогут нам со стороны взглянуть на личность нашего героя. Мы воспользуемся техникой вспоминания Тайши Абеляр, ученицы Карлоса Кастанеды, которая и сама добровольно ушла из жизни после смерти своего учителя. Заглавием ее знаменитой книги названа наша программа – «Магический переход». Итак, мы будем вспоминать!

Светлана Чижова. Молодая красивая женщина. Мать очаровательного 3-хлетнего малыша, от которого отказался его отец. Давайте посмотрим на нее. Вот домашние видео, которые нам предоставили ее подруга Ира, мама Валентина Геннадиевна и ее друг Александр. Посмотрите, сколько энергии в ее пластике, сколько радости на ее лице. А вот это – похороны Светланы. Между этими кадрами – всего три месяца. Что же случилось за это время?

Ляля. Стоп. ОК. Здесь мы вмонтируем интервью с матерью. Оно, практически, готово. Можем посмотреть.

Шота. Я видел. Да, она там нормально так все рассказывает. И кладбище выразительно смотрится – цветов много на могиле. Душевно.

Ляля. Не перебивай. Затем у нас интервью с подругой. Оно еще не снято. Будет такая пробежка по разным кафе, где они бывали. А потом останавливаемся в одной локации и там снимаем основной ее рассказ. Просто еще не выбрали кафе – там «Шоколадница» вроде бы хочет, или еще есть вариант «Хлебъ насущный». Коммерческий отдел ведет переговоры – они нам скажут, что это будет за локация, когда договорятся об условиях. Потом выведем на экран пост Светланы ВКонтакте, где она пишет, что не хочет больше жить. И там комменты такие циничные.

Шота. ОК. А в студии кто будет?

Ляля. Ты сценарий читал?! В студии будет Александр и мать Светланы. Он как раз расскажет о проведении теста ДНК на отцовство, что он оказался не отец и все такое. Типа, как он объявил Светлане, что дорогая, я в этом вранье жить не буду, ты мне три года врала и

бла-бла-бла. Я с ним уже говорила предварительно, он нормально разговаривает, слегка такой косноязычный, но это и хорошо – натурально так, искренне выходит. Ну, типа, действительно, почему я должен считаться отцом, если я не отец, нефига из меня лоха делать и бла-бла-бла. И потом мы приводим в студию малыша - этого он не будет заранее знать. Александр, я имею в виду. Знать будет только бабушка, эта вот как ее зовут, Валентина Геннадиевна. Мальчик войдет и Александр, конечно, не может не отреагировать – все-таки он три года был папой. Теперь слушай меня внимательно. Когда мальчик появится, ты прямо вот сразу сливаешься с креслом. Никаких комментариев, текстов – тишина. Усвоил?

Шота. Да понял, понял... Лала...

Ляля. Все внимание на мальчика и его так сказать, «непапу».... Если честно, я вообще не понимаю, что это за хер с горы такой. Воспитывать ребенка три года, любить его, в зоопарк водить, а потом сказать пошли вы все нах...

Шота. А что он должен делать?

Ляля. Ничего, блин...

Шота. Ты чего?

Ляля. Чего?

Шота. Женщине хорошо рассуждать. Правду говорю. Она всегда знает точно, что она мать. Или не мать. А еще она знает точно, от кого родила.

Ляля. Кто сказал?

Шота. Наши эксперты скажут. Это хороший вопрос, кстати, к экспертам. Всегда ли знает ли женщина, кто отец ребенка?

Ляля. Да, интересный вопрос. Сейчас давай снимем твою подводку к экспертам. ОК? Они уже на гриме. Через 5 минут я их веду.

Ляля. Я залетела. Как это, почему, вопреки всем прогнозам врачей... Я беременна. Что мне делать? Иван Иванович женат. Я бы даже сказала – безнадежно женат. Убежденно. На одной женщине, на которой он женился 40 лет назад. И никогда ее не оставит. Это не обсуждается даже. То есть у ребенка не будет отца. Аборт? А если потом больше не получится? Я могла бы запросто исповедовать философию child free, если бы Бог не дал мне ребенка. А он вот взял и дал. И когда дал, я сразу поняла, что все это сраное child free - только оправдание бесплодия. Или эгоизма. Эта беременность – чудо. А я от него добровольно откажусь? Да и ребенок от Ивана должен быть умницей, гены все-таки. Но как растить-то? И как родители отнесутся к такой «радости»?! Мама! Маааама!!!

Иван Иванович. Ты поправились... Ты беременна?

Ляля. Извини. Шутка природы.

Иван Иванович. Ну, и какие планы?

Ляля. Буду оставлять.

Иван Иванович. Это готовое решение...

Ляля. Да.

Иван Иванович. А мое мнение тебя не интересует?

Ляля. Пойми, И-И, то, что я забеременела – чудо! Это мое чудо, мое счастье. Мне от вас ничего не надо. Это будет мой и только мой ребенок. Обещаю. Поэтому..., поэтому и не спрашиваю. Мама и бабушка мне помогут.

Они вообще счастливы. Вот.

Иван Иванович. Что значит чудо?

Ляля. У меня такое строение труб... ну не важно... я второй раз наверняка не смогу забеременеть. У меня не будет вообще детей, если я аборт сделаю.

Иван Иванович. Значит так – твое решение, твой ребенок, твоя ответственность. Тогда зачем ты мне все это рассказала?

Ляля. Ты заметил живот, я объяснила причину.

Иван Иванович. Глупое решение. Сломаешь себе жизнь...

Ляля. Хорошо. Пусть так. Можно одну просьбу? Не бросай меня, пока не рожу. Потом – все закончим.

Иван Иванович. Да. Хорошо. Может быть, удастся тебя как-то убедить не делать этой глупости.

Ляля. А насильно меня на аборт не отправишь?

Иван Иванович. В тайный абортарий в подвалах на Лубянке? Не отправлю. Его там нет.

Иван Иванович. Мне 65 лет. С женой мы вместе вот уже 40 лет. Женился перед первой командировкой. Жена для офицера КГБ, работающего за границей – гарант возвращения. Сыну 38 лет. Дочке 35. Они старше Ляли. Особой любви к супруге у меня никогда не было. Просто хорошая девушка, потом – хорошая верная жена. Мог развестись? Вполне. Нет сейчас таких жестких правил морали в нашей системе. Дело не в этом. Просто, есть у меня убеждение: многоженство – верный путь к ранней старости. Я имею в виду последовательное многоженство. Признанный

внебрачный сын – нет, не для меня. Это жестоко по отношению к жене, к детям. Это ранит их, даже если поймут.

Ляля. И-И, у нас... у меня родился сын.

Иван Иванович. Поздравляю. Когда ему исполнится 18, армия наверняка будет контрактной. Извини, что не сразу ответил – был на совещании.

Ляля. И это – все. Это был конец. Ни звонков, ни помощи. Впрочем, я и не рассчитывала. Может быть, мечтала – да, втайне, не признаваясь себе. Хотела, чтобы, как в каком-нибудь сериале, он пришел, увидел сына, прослезился, бросился к ногам, осыпал всевозможными благами... А еще и жена бы его приехала – тоже обняла меня, поцеловала и зажили бы мы дружной семьей... Шучу. Вместо всего этого, когда бабушка и мама уж очень причитали, какой он негодяй, я вдруг говорю – ну сами-то подумайте, зачем ему новорожденный в 65 лет... И тут мою бабушку просто заколбасило... Сколько? 65?! Он что – всего на три года меня моложе? А мама так просто выматерилась. Ну ... не удержалась. Короче, через три месяца я вышла на работу. И тут начались чудеса. Сначала меня назначили шеф-редактором нового проекта. Через неделю пригласил руководитель Дирекции информационных программ. Минуты две рассматривал меня с большим любопытством. Потом говорит: «Значит так. Захочешь, можешь подыскивать интересные сюжеты, снимать. Оператора будем давать. Посмотрим, что ты умеешь. Оформим тебе совместительство на полставки». Апофеозом «месячника чудес», стало предложение одного крупного бизнесмена за его счет снять

документальный фильм к пятидесятилетию губернатора Хабаровского края. На производство фильма он выделял пять лямов, хотя хватило бы и полутора. Догадаться было несложно. Как там И-И говорил? «Первый раз - случайность, второй – совпадение, третий – КГБ». Старая шутка советских времен. Послала ему сообщение – «Спасибо!». В ответ – «Не за что». Написала еще – «Спасибо за заботу». Ответа не последовало.

На экране ток-шоу. В кадре Иван Иванович.

Иван Иванович. Мы живем в эпоху информационного терроризма. Фейк становится мощным оружием – таким же, как ядерная бомба. И очень важно, в чьих руках это оружие. Напомню вам советский анекдот. Парад на Красной площади. Среди гостей на трибуне Александр Македонский, Чингисхан и Наполеон. По площади идут танки. Македонский: эх, были бы у меня такие колесницы, я завоевал бы всю Азию. По площади проходят ракеты средней дальности. Чингисхан: были бы у меня такие копья, я завоевал бы всю Европу. А Наполеон даже не смотрит на площадь – уткнулся в газету. «Сир, почему вы молчите? Вас ничего не впечатляет?» «Еще как впечатляет! Была бы у меня такая пресса, все были бы уверены, что при Ватерлоо я одержал победу». Так вот, интернет в сотни раз сильнее газет.

Ляля. Красавец. С экрана не слезает, а ко мне не идет...

Работает хорошо. Прет, как танк, а вот как-то изящно. Фехтует словами. Танк-фехтовальщик...

Але, мама, как вы? Как Сережа? Что с аллергией? Я его заберу на выходные, будем день рождения его отмечать. Три года – юбилей. Конечно, и ты и бабушка – всех заберу, пойдем куда-нибудь сходим. ... Нет ничего, как всегда. Мам, ну, он всегда СМСкой – поздравляет. И все.... Нет, ничего не присылает, не дарит, все мама... Да посылала я ему фото. Ноль реакции... Да, очень хорошо, конечно. ... Да, мама воспитывай. Слушай, у меня тут в программе был Рошаль... Тот самый, да. Я ему рассказала про Сережину аллергию. Он устроил нам консультацию мощного аллерголога. Так что будем теперь к врачу ходить.

Шота. Когда Лалка родила, я как-то успокоился. Да, собственно, не особо и волновался. Но просто все стало ясно и понятно. Правду говорю. Встречал ее периодически в Останкино – она ушла на другую программу шеф-редактором, а потом и продюсером новой франшизы. Периодически списываемся с ней. Сына она Сережей назвала. У меня с этим именем четкая ассоциация – Анна Каренина. Мы с ней на эту тему даже поржали. Она сказала, что под поезд не собирается, потому что ни от Вронского, ни от Каренина не зависит. Да здравствует феминизм, поддержал я. Но она скривилась: «Вот уже нет. Эта хрень не про меня».

Ляля. Эта хрень не про меня. Феминистка – не та женщина, которая терпеть не может мужчин, а та, которую мужчина терпеть не в состоянии. Мой

собственный афоризм, если что.

Шота. А я удивился, что она ребенка оставила. Зачем дети? Только одни проблемы, вот честное слово. Ну... она же у нас альфа-самка. Я больше к ней не лезу. Так переписываемся иногда...

«Как ты? Что поделываешь?» (*Улыбающийся смайлик.*)

«С сыном в больнице.» (*Улыбающийся смайлик.*)

«Ой! А что случилось?» (*Грустный смайлик.*)

«Ничего страшного. Аллергию лечим».

«Надеюсь, аллергия не на тебя? (*Улыбающийся смайлик.*) Серьезное что-то?»

«Фигня. Непонятно отчего вдруг начинаются приступы икоты. Познает мир и от удивления икает» (*Улыбающийся смайлик.*)

«Ого! У меня в детстве было то же самое. Никто так и не понял, почему. В пубертате прошло... А сколько точно лет твоему сыну?... Почему не отвечаешь?! ... Ответь! Это важно... Проверил по нашей переписке – получается три года и месяц?.. А кто отец?.. Его зовут Сережа, я прав?.. Я про сына, а не про отца... Это мой сын?.. Почему ты мне не сказала?.. Посмотрел его фотку на твоей страничке. Можешь на вопрос не отвечать. И так все ясно – он моя копия!

Ура! Друзья, поздравьте! Я нашел своего сына! Я – отец! У меня сын!!!»

Ляля. У него сын, блин... Зашибись... Ну ладно, получай...

«Не хотела тебя беспокоить. Я сама как-то справлялась (*Улыбающийся смайлик.*) Не бери в голову».

Шота. Алло! Лала! Назови адрес! Я хочу сейчас приехать!

Ляля. Первые две недели Шота приезжал как по расписанию - через день. Привозил машинки и пистолетики, играл с Сережей, учил его рисовать. На меня особого внимания не обращал, так – «Привет!.. Пока!» И шел с Сережей в зоопарк.

Шота. Слушай, когда мы были в зоопарке, я решил, что надо переделать свидетельство о рождении сына. Неправильно, когда в графе отец стоит прочерк.

Ляля. Можно было и без прочерка – сейчас со слов матери в этой графе можно кого угодно указать. Но мне это не нужно. Сережа записан на мою фамилию. А отчество... Можно выбрать любое.

Шота. И какое отчество ты выбрала?

Ляля. Иванович.

Шота. Теперь будет Шотович!

Ляля. А я думала – Шотаевич...

Вот это поворот... Он серьезно решил стать отцом. Нет, это просто цирк.

«И-И. Привет. Твоего сына хотят усыновить. Что делать?»

Иван Иванович. Дети – это норма, традиция, связь времен, которая не должна распадаться. У меня двое детей. Есть уже внуки. Самой младшей внучке – 3 года. Дочь родила ее на день раньше, чем Ляля родила своего сына. Так что это для меня как напоминание: день рождения внучки, на следующий день – должен поздравить Лялю. Что и делаю. Ляля пишет «твоего сына»... Смысла для меня в этих словах нет совершенно. Это ее сын.

Я понял. Позвони. Надо встретиться

Иван Иванович. О плюсах я говорить не стану. Давай о минусах. Первое – он тебя не домогается, к сексу не склоняет, жениться не предлагает. Значит, ты ему не нужна. Второе – Сережу он не любит, для него это лишь предмет тщеславия. Ясное дело – мужику под сорок, первый сын. И еще надо помнить – грузин. Считаю, коэффициент – десять. Может, со временем, конечно и привяжется по-настоящему. Но это и хорошо, и плохо. Это будет теперь не только твой ребенок.

Ляля. Вот я и боюсь больше всего, что вдруг он потом его отберет...

Иван Иванович. Я думаю, здесь ты застрахована. Ты всегда сможешь через суд отменить усыновление, сделав анализ ДНК. Ты ведь утверждаешь, что не он биологический отец?

Ляля. И-И, ну зачем я буду тебе врать? Какой резон при наших нынешних отношениях? Я спала с ним в январе, а залетела от тебя в марте. Я вообще не понимаю, как он сам не может этого не сообразить. Прости, корявая фраза получилась. Я что, по его мнению, слониха?

Иван Иванович. Это-то как раз просто объяснить. Спустя столько лет он помнит, что вы занимались любовью зимой, когда был снег. Снег и в январе, и в марте. А, скажем так, «в чередѣ событий», да к тому же спустя четыре года, такие детали ускользают.

Ляля. Не знаю, может быть.

Иван Иванович. Продолжим. Главный риск, что Сережа к нему привыкнет, а потом кто-нибудь его, Шоту, надоумит сделать ДНК-тест. Что тогда будешь делать? Как ты Сереже все объяснишь – был папа и

исчез папа?

Ляля. А как я сейчас ему объясняю, где папа, ты не спрашиваешь?

Иван Иванович. Мы закрыли эту тему. По факту закрыли. Не забывай, ты тогда сказала – это будет только твой ребенок. Мне продолжать? Или уйти?

Ляля. Продолжать...

Иван Иванович. Так вот, это, с моей точки зрения, главный риск. Но решать тебе.

Ляля. Ты не возражаешь?

Иван Иванович. Это – твой ребенок, твое решение, как и все, что связано с твоим ребенком.

Ляля. Хорошо. Поняла.

Стоят, смотрят друг на друга, начинают раздеваться.

Шота. Знаете, что это? Это свидетельство о рождении моего сына. Харабадзе Сергей Шотович. У меня сын! Вылитый я. Правду говорю. Гены никто не отменял.

Ляля. Да, это точно. Слава Богу, у Сережки не твои гены. Слушай, Шота, нужно сейчас к весне купить Сереже новый комбинезон, обувь... Ты сам купишь или дашь мне деньги? Хочешь, я все куплю, а ты мне на карту переведешь?

Шота. Что? Нет, я сам. Вот я привез Сережке новый трансформер. И знаешь что... В эти выходные поедem к моим на дачу.

Ляля. Что?! К твоим родителям? Да не может быть!

Шота. Бери вещи – ночевать останемся.

Ляля. Ты за нами заедешь?

Шота. Нет... Я не из Москвы поеду... Так что давай на

своей машине.

Ляля. Вообще-то бензин тоже денег стоит... И Сережу придется назад сажать одного... И дороги я не знаю!

Шота. Слушай, не стони... Давай как-то проще...

Ляля. Окей. Проще так проще.

На экране ток-шоу. Портреты известных деятелей искусства с молодыми женами: Шаинский, Табаков, Джигарханян,

Шота (в роли ведущего). Когда муж годится жене в отцы, а иногда и в дедушки... Дадим слово нашим экспертам...

Иван Иванович. Никого не осуждаю. Личная жизнь каждого — его священное privacy. Желание продлить молодость свойственно многим. Не зря на эту тему написано величайшее произведение мировой литературы — «Фауст» Гете. Однако давайте вспомним: чтобы вернуть молодость, которая нужна была Фаусту для банального секса с юной Гретхен — ни для чего другого! — герой продает душу дьяволу! Так что лично я исповедую иную философию. На мой взгляд, жены второго поколения — это тупиковая ветвь развития человечества. Каждый мужчина имеет право на старость. С молодой женой старости не будет. Ей хочется на Ибицу, а ему в Юрмалу. Но и молодости не будет — не каждому подворачивается Мефистофель.

Ляля возвращается домой, ивыряет, вещи. Мальчика спящего держит на руках, кладет его на кровать.

Ляля. Спи, Сереженька, спи маленький... (*Набирает номер на телефоне.*) Ну блин... это что.-то... .. Алло... Мама! Я вернулась с этой дачи... Да, уже.... Я не осталась?! Да нас выставили! Просто выставили. Сначала была... даже не знаю, не обед, а некая трапеза. Вот именно трапеза. Ритуальная. Со мной едва говорили. Суррогатная мать... что-то типа того. Сережу... даже не знаю, как это объяснить... Отец Шоты — как бы «дед» — взял его, повел куда-то, что-то видимо показывал. Меня не позвали с собой. А часов в 10 — я думала, сейчас покажут, где нам лечь, этот «дедушка» вдруг заявляет: я как врач считаю, что режим для ребенка превыше всего. Поезжайте домой. Представляешь? Режим! Нам ехать два часа! Ночью, дождь, дорога незнакомая — я туда по навигатору ехала... А что Шота?... Ах, Шота... Так я тебе главного не сказала — его там не было вообще. Он во второй половине дня позвонил и сказал, что приедет поздно. Когда я уезжала, его еще не было... Нет, конечно, не случайно... Не знаю.

Шота. Привет...

Ляля. Привет... Ты куда делся? Три дня тишины. Ты вообще в курсе, что меня за дверь выставили твои предки? Что я с Сережей ночью до Москвы еле доехала? Ты даже не позвонил после этого!

Шота. Ты тоже не звонила...

Ляля. А я зачем должна была звонить? Претензии предъявлять? Это не в моем стиле.

Шота. Да... Не в твоём.

Ляля. Что случилось? Что у тебя с голосом?

Шота. Тут дело такое. Наверное, ошибка. Но тест ДНК показал, что я не отец Сережи. Надо тест переделать. Я уверен, что ошибка.

Ляля. Тест? А кто делал тест?

Шота. Папа, когда Сережу в кабинет повел, взял у него мазок. Ну, вот... Я не знал. Честное слово.

Ляля. Я перезвоню. *(Ляля начинает хохотать. Смех переходит в слезы. Берет телефон.)* И-И. Твоего сына хотят вернуть.

Иван Иванович. Действия твои такие. Повторный тест не делать. Пусть мучается в сомнениях всю жизнь. Сама подаешь в суд на отмену усыновления. Адвоката дам и оплачу. Толку от такого отца, как от козла молока. Поняла?

Ляля. Поняла.

Иван Иванович начинает раздевать Лялю.

Ляля *(обнимает мальчика).* Вот свидетельство о рождении моего сына. Уже третье. Он снова Сергей Иванович. В графе «отец» - снова прочерк. Но мне хорошо. Я отправила переделанное свидетельство И-И по ватсапу и через минуту получила ответ: «Ты приняла правильное решение. Уважаю. Отцом быть не готов. Но, если согласишься, буду для Сережи дядей Ваней. Пойми правильно, мне 68, менять жизнь поздно. Да и надолго ли? *(Грустный смайлик.)* Наше общение хотел бы продолжить. И-И.»

Наше общение хотел бы продолжить. Продолжить! Продолжить!!!

В восторге прижимает к себе мальчика.

Голос: «Спасибо, снято».

Из первого ряда на сцену поднимается Женщина, берет мальчика за ручку. Надевает на него курточку, шапочку. Ляля смотрит на них в полном недоумении. Пытается задержать мальчика.

Женщина. Деньги где получить?

Ляля. Деньги?..

Женщина. Да, за съемку Стасика?

Ляля. Стасика?

Женщина. Да, можно поскорее, а то он устал уже... Сейчас, маленький, пойдем домой...

Ляля. Домой?

Голос: «Подойдите ко мне за гонораром».

Женщина хватается Мальчика и уходит из зала.

Ляля смотрит им вслед.

Занавес

Журнал «ДрамТеатр» Гильдии драматургов России
приглашает к сотрудничеству спонсоров

INFO@GPRUSSIAN.RU

Уважаемые читатели!

С 2022 года журнал «ДрамТеатр» Гильдии драматургов Росси начинает выпуск приложения к журналу. Первым выпуском станет сборник пьес для детей и подростков, отобранных жюри драматургического конкурса «Я В МИР УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЭТОТ ПРИШЕЛ».

Информация о сборнике ищите на сайте Гильдии драматургов
<http://gprussian.ru>

Как известно зима в Россию приходит неожиданно! И так же неожиданно для театров вдруг остро встает вопрос, а какую пьесу будем ставить для ребят на новогодних каникулах? Публикуя на страницах журнала новогодние пьесы, редакция не оставляем надежду, что они найдут свое место в репертуаре театров.

Александр ПУДИН

Драматург, поэт, режиссер.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей СССР. Член Союза писателей России. Член Союза театральных деятелей России. Участник семинаров драматургов в Рузе, Сочи, Денвере (США).

Автор более 70 пьес, которые широко ставились в России и за рубежом. В 2007 году издал собрание пьес в 3-х томах. Работал художественным руководителем и директором Мордовского нацио-нального театра, Ростовского академического театра драмы им. М. Горького. Заслуженный деятель искусств России. Народный писатель Республики Мордовия. Лауреат Государственных премий Мордовии. Лауреат премии города Москвы. Член экспертной комиссии по вопросам театра Общественного Совета Министерства культуры России. Живет в Москве.

Вячеслав БУРМИСТРОВ

Драматург, актер, режиссер.

Родился в Ленинграде, закончил Театральный институт (ЛГИТМИК). Член Секретариата Гильдии драматургов России, Петербургской Гильдии драматургов, Союза Театральных Деятелей (СТД) и Мастерской драматургов при СПб отделении СТД. Сотрудничал как

автор с «ГТРК 5 канал», «ТВ-3», радио «Петербург», «Европа Плюс» и «Радио-1-Петроград», работал Главным редактором на т/к «Твой TV Петербург», актером в театрах РФ и СПб.

Александр Пудин

Мороз Иванович

зимняя сказка

(по мотивам одноименной сказки кн. Вл. Одоевского.)

Действующие лица

Мороз Иванович.

Маняшенька, рукодельница.

Дуняшенька, ленивица.

Нянюшка.

Кукарекулька, петух, друг рукодельницы.

Печка.

Золотая Яблонька.

Лавка-Проказница, лежанка Мороза Ивановича.

Маленькая Метелька, помощница и внучка Мороза Ивановича.

Мушенька, большая, сонная муха, подружка ленивицы.

Действие первое

Картина 1

Зима. Мороз. Снег. Из декораций - окно, дверь, лавка, деревянная кровать. В углу – часть колодца. Входит петух Кукарекулька.

Кукарекулька (Нянюшке). Нянюшко! Ко-ко-ко! Нянюшко! (Входит Нянюшка.) Кричать «ку-ка-ре-куль-

ка»?

Нянюшка. погоди, Кукарекулька! Дай поспать Маше и Дуняше!

Кукарекулька. Не могу! Солнце уже глаза слепит! (Кричит.) Ку-ка-ре-кулька!

Нянюшка. Какое слепит! Или не видишь - темень глаза колет!

Кукарекулька. Маняша! Дуняша! Вставайте! Нянюшке своей помогайте!

Нянюшка. Помогут, помогут, Кукарекулька!

Кукарекулька (ворчливо). Знаю, как помогут! Дуняша спит, а Маняша за водой бежит. (Открывается дверь – с мороза входит уставшая Маняшенька. В руках ведра с водой). Что я говорил? Дуняша спит – Маняша за водой бежит!

Маняшенька. Нянюшка! Я водицы принесла!

Нянюшка. Принесла – неси еще!

Маняшенька. Сейчас еще одно ведерко принесу, а потом всю эту водицу через ситечко процежу! И будет она чистая-пречистая!

Нянюшка. Добро! Добро! Люблю, когда дети работают!

Маняшенька (переливая воду в кувшин). Что, золотой наш петушок, проспал ты нынче зарю?

Кукарекулька. А вот и нет!

Маняшенька. Как нет! Что-то я не слышала нынче твоего красивого голосочка!

Кукарекулька. Я с утра колодец чинил, а клюв на морозе и застыл.

Маняшенька. Клюв у тебя застыл?

Кукарекулька Да. Но сейчас все прошло! (Поет.) Кука-ре-кулька-а-а-а! Почти прошло!

Нарочито покашливает.

Нянюшка. Вот вы оба хоть и работающие: по дому убираетесь, за водицей ходите, а про наказ мой не забываете?

Маняшенька. Не забываем, Нянюшка!

Кукарекулька. Не забываем!

Нянюшка. Глядите же! В колодце зимой батюшка Мороз Иванович живет!

Маняшенька. Знаем! И кто к нему попадает – того он в ледышку превращает!

Кукарекулька (*кричит*). Ку-ка-ре-кулька! Нынче клюв мой был сосулькой! (*Нянюшке.*) Нянюшка, мне бы теплого молочка испить! Совсем сиплым голосок стал!

Маняшенька. Сейчас, достану тебе молочка из печки!

Нянюшка. Печку затопила, а каши не сварила, Маняша?

Маняшенька. И каши сварила! И хлеб замесила! Вот избу осталось подмести! (*Наливает Кукарекульке молока.*) Пей, Кукарекулька! А я пол подмету!

Кукарекулька. Я помогу тебе! (*Пьет молоко.*) Хорошо-то как! Сразу петь хочется!

Маняшенька. Тогда работай, а сам пой!

Маняшенька и Кукарекулька метут пол, поют свою песенку «Добрые дела».

Если в доме вашем
Дел не впроворот,
Как вам быть – подскажет,
Все, как есть, расскажет
Наш честной народ.

Припев

Снежная пороша

Землю замела.

Но тепло приносят

Добрые дела.

Кто в заботах любит

Принимать рассвет, -

У того все люди

Хороши! Все люди!

Виноватых – нет!

Припев

Снежная пороша

Землю замела.

Но тепло приносят

Добрые дела.

(*Закончив с делами, Маняшенька берет ведро.*) Ну, я пошла за водицей!

Уходит.

Кукарекулька (*кричит*). Ку-ка-ре-кулька! Дуняша спит, Маняша за водой бежит! (*Подходит к кровати.*)

Дуняша! Вставай! (*Не замечает Дуняшу.*) Нянюшка, а где Дуняша? Что-то не видно ее?

Из-за кровати появляется растрепанная голова – это Дуняшенька.

Дуняшенька (*сердито*). Нянюшка, а пошто я под кроватью лежу?

Нянюшка. А ты вчера так умаялась, так умаялась, что велела тебя не трогать.

Дуняшенька. Верно. Я вчера умаялась. Целый день мух считала!

Зевает.

Нянюшка. Вот ты умница! Всех мух сосчитала!

Дуняшенька. Не всех, Нянюшка! Со счета сбилась!

Нянюшка. Не велика беда – нынче всех посчитаешь!

Дуняшенька. Ох, не знаю, Нянюшка! Больно уж тяжелое это дело!

Нянюшка. Верно, тяжелое это дело!

Дуняшенька (*спросонья*). Нянюшка, надень мне чулочки!

Нянюшка. Сейчас, милая! Садись на кроватку! А я и надену!

Дуняшенька садится – да не попадает, а падает мимо кровати.

Дуняшенька. Нянюшка, кроватка у меня плохая стала. Скачет и скачет от меня.

Нянюшка. Плотнику накажем – пусть новую делает.

Помогает Дуняше усесться на кровать.

Дуняшенька. Нянюшка, теперь башмачки завяжи!

Нянюшка. Сейчас, милая! Сейчас, моя умница!

Дуняшенька. Нянюшка, а где моя любимая подружка?

Нянюшка. Мушенька? Да она же с тобой спала! (*Зовет.*) Мушенька!

Дуняшенька (*зовет*). Мушенька!

Из-за кровати встает Мушенька - большая сонная и неряшливая муха.

Мушенька. Кто меня зовет? Кто спать не дает? Не лето же красное! (*Лениво зевает, распркидывает лапы по сторонам.*) Как я устала! Зима! Все мухи спят! Одна я тут работаю!

Дуняшенька. И я так устала!

Тоже зевает, обнимает Мушеньку.

Кукарекулька(*ворчливо*). Устали! Лентяйки несчастные!

Дуняшенька. Это все из-за тебя, глупый петух! Совсем спать не даешь!

Мушенька. Нехороший петух! (*Жалуется Дуняшеньке.*) Сестрица, он все время норовит меня съесть.

Кукарекулька (*Мушеньке*). Жалуйся, жалуйся, ябеда!

Дуняшенька. . Вот я ему задам!

Кукарекулька. Задай, попробуй!

Дуняшенька. И задам!

Хочет встать.

Кукарекулька. Ну, задай!

Дуняшенька (*устало*). Нет, я устала! (*Нянюшке.*) Нянюшка, я устала!

Нянюшка. А ты полежи! Отдохни!

Дуняшенька. Нянюшка, я и вправду полежу! Только булочку дай покушать!

Нянюшка. Сейчас, милая! Лежи, лежи! А я тебе и булочку, и кашку в постельку подам!

Нянюшка идет к печке, достает оттуда миску с кашей, несет Дуняшеньке.

Кукарекулька. Дуняша, иди Маняше помоги!

Дуняшенька. Не видишь, я занята?! Мух считаю!

Кукарекулька. И много насчитала?

Дуняшенька. Много. Со счета сбилась.

Кукарекулька. Смешная ты, Дуняша! Какой прок забавляться с мухами? Да и видишь, какие они сонные зимой!

Дуняшенька. Сам ты сонный петух, Кукарекулька!

Заходит Маняшенька. Она расстроенная. Даже, кажется, плачет.

Маняшенька. Нянюшка, у меня ведерко в колодце утонуло!

Нянюшка. Как утонуло? А ты куда смотрела?

Маняшенька. Я смотрела в колодец, а веревка возьми

да развяжись! И ведро утонуло!

Дуняшенька (*смеется*). Ничего ты делать не умеешь, Маняша! То ли дело мы с Мушенькой! (*Кашляет.*) Кажется, я подавилась! (*Испуганно.*) Нянюшка, я подавилась!

Суета вокруг «подавившейся». Бьют по спине – та стонет.

Дуняшенька (*оправившись*). Ну, кто кашу варил? Кого мне за волосы потаскать?!

Нянюшка. Маняша!

Дуняшенька. Нехорошая каша! В рот не лезет!

Маняшенька. Маслица положи! Или водицей запей!

Дуняшенька. Маслица много, а вот водицы нет. (*Мушеньке.*) Сестрица, принеси мне водицы!

Мушенька. Пусть петух принесет! Устала я, сестрица!

Дуняшенька. Подай воды, Кукарекулька! Мы устали!

Кукарекулька. Вот еще! Я лучше пойду Маняшеньке помогу ведро достать!

Маняшенька. Не надо, Кукарекулька! На улице мороз лютый! Нельзя тебе выходить на улицу!

Кукарекулька. Но я же твой друг! Тебе плохо!

Маняшенька (*тяжело вздыхает*). Еще как плохо!

Кукарекулька. А друзей нельзя в беде бросать!

Дуняшенька. Не так! Если одному другу плохо, значит и другому плохо будет. Пусть уж лучше один плачет!

Кукарекулька. Сердца у тебя нет, Дуняшенька! (*Маняшеньке.*) Идем, Маняшенька, к колодцу!

Дуняшенька. Пусть сама справляется! Ничего не может сама сделать!

Нянюшка. Не пущу тебя, петух, нынче на улицу! Ты нам по хозяйству нужен!

Маняшенька. Даи правда. Не ходи, Кукарекулька! Ты по дому помогай Нянюшке и Дуняшеньке! А я сама справлюсь!

Нянюшка. Сама беду сделала, сама и поправляй! Учила я тебя этому уму, Маняша?

Маняшенька (*опустив голову*). Учила, Нянюшка.

Нянюшка. Сама ведёрко утопила, сама и доставай!

Маняшенька. Все поняла, Нянюшка. Пойду исправлять свою беду.

Маняшенька уходит. Кукарекулька нервно ходит по дому.

Нянюшка. Ты что, Кукарекулька скачешь по избе? Иди, повесели Дуняшеньку.

Кукарекулька. Не буду веселить твою ленивицу, Нянюшка. У нее есть Мушенька, - вот пусть она и повеселит.

Дуняшенька. Злюка-петух! (*Мушеньке.*) Иди ко мне моя, красавица! Моя умница! Спой мне песенку!

Маняшенька. Какую, сестрица? Про «Добрые дела»?

Дуняшенька (*кривит губы*). Фу! Какие добрые дела?! Мы же так устали! Уф!

Мушенька. Уф! (*Поет*). Песенка «Жу-жу-жу и зы-зы-зы»!

Жу-жу-жу и зы-зы-зы!

Ни о чем нас не проси!

Девочки мы вялые,

От всего усталые!

Как проснемся – поедим!

Поедим – и снова спим!

Уф-ф-ф!

Привет

Зы-зы-зы! Жу-жу-жу!

День красиво провожу!
С кем дружу – не скажу!
Догадайтесь сами – Жу!
Уф-ф-ф! Уф-ф-ф!

Жу-жу-жу и зы-зы-зы!

Мы споем вам два раза!
В третий раз не станем –
Очень уж устанем!
Уф-ф-ф!

Привев

Зы-зы-зы! Жу-жу-жу!

День красиво провожу!
С кем дружу – не скажу!
Догадайтесь сами – Жу!
Уф-ф-ф-ф!

Кукарекулька. Уф-ф! Только встали – уж устали! Лентяйки! А Маняшенькачулки вяжет, рубашки кроит и шьет... И никогда ей скучно не бывает!

Дуняшенька. Вот и иди к своей Маняшеньке!

Кукарекулька. И сколько раз вам повторять, что не говорится так – «два раза». Два раза! Запомните – два раза! Грамотеи несчастные!

Мушенька. Он опять нас учит! Гони, гони его к этой рукодельнице, сестрица! Житья нам от него нет!

Дуняшенька. Иди, иди, петух!Надоел ты нам! (*Молчание.*) Что, или мороза боишься?

Кукарекулька. Ничего я не боюсь! Ради друга я и замерзнуть готов!

Нянюшка. Тогда и иди с богом, Кукарекулька!

Кукарекулька уходит.

Картина 2

Свет падает на Колодец. К нему подходит Кукарекулька. Он заглядывает за него, ищет Маняшеньку.

Кукарекулька (зовет). Маняшенька! Ты где? (*Колодец.*) Колодец-колодец, а ты не видел здесь Маняшеньку, Рукодельницу нашу?

Колодец. Как не видел? Видел. По веревке спустилась – у Мороза Ивановича очутилась. Ведерко же у нее утонуло. Или не знаешь, петух, про ее беду?

Кукарекулька. Знаю.

Начинает дрожать.

Колодец. Что, страшно?

Кукарекулька. Н-нет... Н-н-не страшно, К-к-колодец...

Колодец. Отчего же тогда заикаешься?

Кукарекулька. Х-х-холодно мне, с-с-сосед.

Колодец. Холодно – иди домой!

Кукарекулька. Не мм-м-огу я друга в беде бросить...

Колодец. Тогда иди на помощь.

Кукарекулька. А мне можно за ней спуститься?

Колодец. Спуститься-то можно. Только там еще больше холодней! Заболеешь ты, Кукарекулька.

Кукарекулька. Пускай заболею! Но друга в беде не брошу!

Колодец. Дело твое. В таком случае - берись за конец веревки – да спускайся. Только хочу предупредить тебя – веревка стала короче. Падать тебе придется, Кукарекулька.

Кукарекулька. Ничего! Не ушибусь! У меня же крылья есть!

Колодец. Тогда иди, спускайся к своему другу на выруч-

ку.

Кукарекулька лезет в колодец.

Затемнение.

Картина 3

Владения Мороза Ивановича. Мерцающий блеск стен.

Входит Маняшенька. Она оглядывается по сторонам, не увидев, натывается на Печку.

Печка (*стонет*). Ой, как больно! Или не смотришь, куда идешь?

Маняшенька. Смотрю. Извините, а вы кто?

Печка. Печка я! Хотела дать тебе пирожок, да теперь уж и не знаю, как быть?

Маняшенька. Простите, сударыня Печка! Я нечаянно.

Печка. Э, да ты, гляжу, уважительная! И назвала меня хорошо – «сударыня». Никто меня так еще не звал. Как звать-величать тебя?

Маняшенька. Я – Маняшенька. Ведерко тут свое ищу. Не видели вы ее, сударыня Печка?

Печка. Нет, не видел. Но мой дружок-пирожок тебе поможет.

Маняшенька. Дружок-пирожок?

Печка. Да. Бери его с собой!

Маняшенька. Не вижу, где он.

Печка. Гляди лучше. Румяный, поджаристый; сидит, на тебя поглядывает да приговаривает.

Маняшенька. Так он еще разговаривает?

Печка. Сама слушай!

Голос из печки. Я – пирожок! Румяный бочок! А ты кто, дружок?

Маняшенька. Я – Маняшенька.

Голос из печки. Красивое имя!

Маняшенька (*согласно*). Хорошее... Покойная матушка меня так назвала.

Голос из печки. Маняшенька! А я еще больше подрумянился! сахаром да изюмом обжарился! кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Маняшенька. Ой, какой он разговорчивый!

Печка. Что же стоишь, сиротка бедная? Бери мой пирожок! Дотянешься?

Маняшенька. Дотянусь! Ну, иди ты ко мне, дружок-пирожок! (*Берет из рук Печки пирожок.*) Спасибо вам, сударыня Печка!

Печка. На здоровье, дорогая! Будешь замерзать – вспомни меня! И тебе теплее станет! Люблю я детей воспитанных! А сироток – жалею!

Вздыхает.

Маняшенька. Не вздыхайте, сударыня Печка! Вы мне очень понравились! Я еще вернусь к Вам! И опять спасибо скажу!

Печка. Ну, иди! Иди с богом за своим ведерком!

Маняшенька отходит от печки. Сделав несколько шагов, на пути ее встает Золотая Яблонька.

Маняшенька (*удивленно*). Какая красивая! А вы кто?

Золотая Яблонька. Я – Золотая Яблонька. А ты кто?

Маняшенька. А я - Маняшенька! Я у вас ведерко тут свое ищу. Не видели?

Золотая Яблонька. Какое видеть?! Я только и знаю, что за своими золотыми яблочками гляжу! Э, да я вижу, что ты им понравилась! Слышишь, как они заговорили?

Маняшенька. Они тоже говорить умеют?

Золотая Яблонька. Послушай!

Голос яблочек. Мы яблочки наливные, созрелые! корнем дерева питались! студёной росой обмывались!

Маняшенька (*в восторге*). До чего же они красивые! (*Яблочкам.*) Какие вы красивые!

Голос яблочек. Да, мы красивые! Мы наливные! А еще мы тебе вот что скажем!

Маняшенька. Что?

Голос яблочек. Подойди поближе! (*Маняшенька подходит к Яблоньке еще ближе.*) Слушай! Кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Золотая Яблонька. Ну что же стоишь, бери мои золотые яблочки!

Маняшенька. Нет-нет! Что вы! Я не заработала, чтобы получить золотые яблочки!

Золотая Яблонька. Заработала, девочка! Доброта имеет свою цену. А ты девочка добрая!

Голос яблочек. Ты – хорошая! Бери, не стесняйся!

Золотая Яблонька. Бери! Видишь, сами они тебе в руки просятся! (*Протягивает Маняшеньке яблочки. Маняшенька стоит в нерешительности.*) Ну, хорошо! Я ценю твою скромность и честность. Тогда спой мне свою песенку, а в знак благодарности я тебе отдам свои яблочки.

Маняшенька. Какую песенку, дорогая Яблонька?

Золотая Яблонька. Мне Колодец нахваливал твою песенку про «Добрые дела».

Маняшенька (*поет*).

Если в доме вашем

Дел не впроворот,

Как вам быть – подскажет,

Все, как есть, расскажет

Наш честной народ.

Припев

Снежная пороша

Землю замела.

Но тепло приносят

Добрые дела.

Кто в заботах любит

Принимать рассвет, -

У того все люди

Хороши! все люди!

Виноватых – нет!

Припев

Снежная пороша

Землю замела.

Но тепло приносят

Добрые дела.

Золотая Яблонька. Действительно, хорошая песенка!

Я растрогана! Бери, бери, мои золотые яблочки, Маняшенька! Бери, дорогая!

Маняшенька. Спасибо, Золотая Яблонька! Я век не забуду вашей доброты!

Маняшенька берет золотые яблочки у Золотой Яблоньки, кланяется ей, уходит.

Картина 4

Чертоги Мороза Ивановича. Всюду – иней, лед. Ледяная лавочка. Из клубов пара выходит Мороз Иванович. За ним – Метелька и Лавочка-Проказница. Они еще кружатся по комнате, никак не могут остановиться.

Метелька. Дедушка, хорошо мы тебя закружили?

Мороз Иванович. Хорошо! (*Притворно.*) В один мо-

мент даже страшно стало – подумал: а вдруг да эта метель не уляжется! Уж глаза закрыть хотел!

Метелька. Зачем?

Мороз Иванович. Как зачем? Когда становится совсем холодно, кровь во всем живом застывает – и они засыпают.

Метелька. Все люди?

Мороз Иванович. Не только люди. И животные: и лошади, и коровы, и собаки, и куры...

Лавочка-Проказница. Это я помогла! (*Метельке.*) Ты без меня, Метелька, не смогла бы так дедушку Мороза Ивановича закружить!

Метелька. А вот и смогла!

Лавочка-Проказница. А я говорю, не смогла бы! Я по стене стучала – иней выбивала!

Метелька. Дедушка, Лавочка-Проказница говорит, что она мне помогала.

Мороз Иванович. Если помогала, значит она – хорошая подружка.

Метелька. Дедушка, а когда я пойду на улицу? Чтобы людям поля и дороги снегом заметать?

Мороз Иванович. Когда вырастешь, станешь большой Метелью – и отпущу тебя на волю. Правильно заносить снегом Землю – это целая наука. (*Поет.*)

После слякоти противной

Час Мороза настает.

Как волшебник самый дивный

Превращаю речки в лед.

Я дороги выправляю –

Я в снегу их всех валяю!

Пусть летят во все концы

Под дугою бубенцы!

Припев

Снежная и чистая,

Звонкая, пушистая!

Зимушка российская!

Смехи кутерьма!

Сказка новогодняя,

Песня хороводная,

Вовсе не холодная

Русская Зима!

Метелька. Дедушка, а к нам кто-то пришел.

Мороз Иванович. Где? Вы так тут навьюжили, что ничего не видно.

Входит Маняшенька. Она с изумлением оглядывает жилище зимнего чародея. Замечает Мороза Ивановича.

Маняшенька (*в сторону, в страхе*). О-хо-хо! Страшно-то как! Тряхнёт головой - от волос иней сыплется, духом дыхнёт - валит густой пар. И снегом закусывает!

Мороз Иванович (*сердито*). Кто это тут у меня во дворце сам с собой разговаривает? Где иней сыплется? Где густой пар? Кто снегом закусывает? (*Тишина.*) Ну, кто тут, в моем доме?

Маняшенька (*тихо*). Я.

Мороз Иванович. Кто «я»?

Маняшенька. Я, Маняшенька.

Мороз Иванович. А! Это ты? Здорово, рукодельница!

Маняшенька. Здравствуйте, дедушка. Простите, что не знаю, как Вас звать-величать.

Мороз Иванович. Величай Морозом Ивановичем. А это – моя внучка Метелька. А ты, погляжу, с гостинцами

идешь?

Маняшенька. Откуда Вам известно?

Метелька смеется.

Мороз Иванович. Я все знаю. Ведь я волшебник.

Маняшенька. Да, с гостинцами, уважаемый Мороз Иванович! Печка пирожками угостила! А Золотая Яблонька – золотыми яблочками! Не хотите отведать?

Мороз Иванович. Отчего же не отведать. Если это даётся от доброго сердца? Сердце у тебя доброе, рукодельница?

Маняшенька. Не знаю, батюшка Мороз Иванович.

Метелька снова смеется.

Мороз Иванович. Что, тебе никто не говорил, какое у тебя сердце?

Маняшенька. Никто, батюшка.

Метелька. Совсем никто-никто? Ни одна душа? Бедная девочка!

Маняшенька. Нет. (*Вспомнив.*) Вспомнила, батюшка! Есть! Есть такая душа! Кукарекулькаего зовут!

Метелька снова смеется.

Мороз Иванович. Кукарекулька? Чудное какое-то имя!

Маняшенька. Это петух. Он друг мой!

Мороз Иванович. Друг? А отчего же он не с тобой?

Маняшенька. Не знаю.

Печально опускает голову.

Мороз Иванович. Ну, ладно, давай попробуем твои пироги.

Маняшенька. Это не мои. Меня ими Печка угостила.

Мороз Иванович. Если угощают – значит, ты добрая. (*Все это время Мороз Иванович и Метелька едят пироги, едят да головой покачивают.*) Спасибо, что ты меня

пирожком угостила. Давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Метелька. И я, дедушка, не ела.

Маняшенька. А вы, батюшка, еще золотых яблочек отведайте! (*Метельке.*) И ты, Метелька!

Мороз Иванович. И яблочек отведаем, спасибо. И ты с нами, Маняшенька, откушай!

Маняшенька. Спасибо, батюшка Мороз Иванович.

Мороз Иванович. Знаю я, зачем ты пришла. Ты ведёрко в мой студенец опустила.

Маняшенька. Верно, опустила, а веревочка возьми да оборвись в ненужный час! (*Замечает ведерко.*) Вот оно, мое ведерко!

Мороз Иванович. Твое, не спорю. И я тебе его отдам. Только ты мне за то три дня службу прослужи.

Маняшенька. Какую, батюшка, службу?

Мороз Иванович. А разную! Будешь умна, тебе же лучше!

Метелька. А будешь ленива, тебе же хуже. Вот так!

Маняшенька. Хорошо, батюшка Мороз Иванович. Буду служить!

Мороз Иванович. А теперь, мне, старику, и отдохнуть пора. Поди-ка приготовь мне постель, да смотри - взбей хорошенько перину.

Мороз Иванович кивает на Лавку-Проказницу, которая теперь стоит смиренно, как ни в чем не бывало, чуть поодаль. Даже лежит на полу.

Мороз Иванович (внучке). А ты, Метелька, за ней гляди да приглядывай!

Метелька. Хорошо, дедушка.

Мороз Иванович уходит. Маняшенька подходит к Ла-

вочке-Проказнице. Только хочет до нее дотронуться, - а она бежит прочь. Метелька смеется.

Маняшенька. Стой! Мороз Иванович велел мне перину взбить!

Лавочка-Проказница. Ну, взбивай! Чего же стоишь?!

Лавочка-Проказница ложится на пол, но только Маняшенька как ней подходит – она вскакивает и бежит от нее прочь. Метелька смеется пуще прежнего. Когда Лавочка-Проказница в очередной раз ложится, а потом пытается убежать от Маняшеньки, на сцену неожиданно вбегают Кукарекулька: быстро оценив ситуацию, он бежит наперерез Лавочке-Проказнице. Та падает. Маняшенька садится на нее. Метелька в страхе прижимается к стене.

Маняшенька. Каракулька, спасибо тебе за помощь! Но как ты здесь оказался?

Кукарекулька. Я подумал, что ты одна не справишься.

Маняшенька. Как вовремя ты пришел на выручку! Ты настоящий друг!

Лавочка-Проказница с испугу кричит, зовет на помощь.

Лавочка-Проказница. Караул! Разбойники! Дедушка! Мороз Иванович! Помогите!

Маняшенька (заметив испуганную Метельку). Метелька, не бойся! Это друг мой! Петух Кукарекулька!

На крик выбегает Мороз Иванович.

Мороз Иванович. Что тут у вас случилось-приключилось?

Лавочка-Проказница. Дедушка, в твой дворец прокрался злой разбойник!

Кукарекулька. Я не разбойник!

Мороз Иванович. А кто же ты?

Маняшенька. Это мой друг – Кукарекулька

Метелька. Дедушка, это добрый петух. Рукодельница о нем рассказывала.

Мороз Иванович (Кукарекульке). Вот ты какой оказывается - героиней!

Маняшенька. Батюшка Мороз Иванович, ваша перина готова!

Лавочка-Проказница. Это не честно! Они вдвоем меня одолели!

Мороз Иванович. Почему же не честно? Честно, если друг помогает другу! Все, теперь сиди смирно! (Маняшеньке.) Замерзла? Если замерзла – пальчики снегом потри. Они и отойдут! Я ведь старик добрый... (Маняшенька неожиданно становится печальной.) Что случилось? Откуда печаль у красной девицы?

Маняшенька. А вы не обидитесь, если правду скажу.

Мороз Иванович. На правду никто не должен обижаться.

Маняшенька. Вот вы говорите, что добрый, а зачем вы зелёную травку под снежной периной держите, на свет божий не выпускаете? Пока я тут за Лавочкой бегала - все видела.

Мороз Иванович. Не выпускаю потому, что ещё не время; ещё трава в силу не вошла.

Метелька. Не обижайся, рукодельница! Осенью крестьяне травку посеяли, она и вошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы её так остудила, что к лету травка бы и не дожила.

Маняшенька. Получается, под снегом травке тепло?

Мороз Иванович. Конечно. А весна придёт, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь,

выглянет и зерно.

Кукарекулька. Про зерно я дальше сам знаю.

Мороз Иванович. Ну, коль знаешь, расскажи, петушок!

Лавочка-Проказница (*Кукарекульке*). Задира и хвастун!

Кукарекулька. Сама задира! (*Продолжает рассказывать про зерно.*) А потом зерно крестьянин соберёт да на мельницу отвезёт.

Мороз Иванович. Правильно.

Кукарекулька. А мельник зерно смелет, и будет мука!

Маняшенька. А из той муки я дома хлеб выпекаю.

Кукарекулька. Но я тоже вопрос хочу тебе задать, Мороз Иванович. Скажи, зачем зимою по улицам ходишь да в окошки стучишься? Мне в хлеву ой как страшно бывает!

Мороз Иванович. А я затем в окошки стучусь, чтобы люди не забывали печи топить да трубы вовремя закрывать.

Кукарекулька. Трубы закрывать?

Метелька (*объясняет*). Это чтобы тепло из печки не убежало!

Мороз Иванович. Верно, внученька! А затем ещё я в окошко стучусь, чтоб никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нет шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали. Ведь зима у нас какая? Правильно, - морозная!

Мороз Иванович запекает свою песню. Все поют вместе с ним, танцуют.

Второе действие

Картина 5

Декорации те же, действие происходит в доме Мороза Ивановича. Маняшенька и Кукарекулька весело убираются в комнате. Сами поют свою песенку:

Если в доме вашем
Дел не впроворот,
Как вам быть – подскажет,
Все, как есть, расскажет
Наш честной народ.

Припев

Снежная пороша
Землю замела.
Но тепло приносят
Добрые дела.
Кто в заботах любит
Принимать рассвет, -
У того все люди
Хороши! все люди!
Виноватых – нет!

Припев

Снежная пороша
Землю замела.
Но тепло приносят
Добрые дела.

Входит Мороз Иванович.

Мороз Иванович. Чисто вы тут у меня убрались! Молодцы! Очень жаль, но пора и честь знать.

Кукарекулька. Верно, батюшка! В гостях хорошо, а дома лучше! Нам бы домой надо! (*Ежится от холода.*)

Три дня мы тут...

Запинается, не знает, какое слово подобрать.

Маняшенька. Служили. Друзей-товарищей нажили.

Мороз Иванович. Знаю, ждут вас дома.

Маняшенька. Ждут, ждут, батюшка.

Мороз Иванович. Спасибо тебе! Умная ты девочка! Хорошо ты меня, старика, утешила! И я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь, люди за рукоделие ...

Замолкает.

Маняшенька. Знаю, спасибо говорят.

Мороз Иванович. И спасибо. И деньги платят. Так вот, я возвращаю тебе твое ведро.

Маняшенька. Спасибо, батюшка Мороз Иванович!

Мороз Иванович. Подожди говорить «спасибо». Я в ведро насыпал целую горсть серебряных пяточков!

Маняшенька. Спасибо, это лишнее.

Мороз Иванович. Не спорь со мной! Да сверх того, вот тебе на память брильянтик - косыночку закалывать.

Маняшенька. Спасибо, батюшка!

Мороз Иванович. А тебе, петушок, - шапочку из меха, чтобы гребешок твой зимой не мерз.

Кукарекулька. Спасибо!

Мороз Иванович. Так идите же, с богом!

Метелька. Будет скучно – возвращайтесь! Вы нам понравились!

Мороз Иванович прощается с ними. Маняшенька и Кукарекулька уходят.

Картина 6

Декорации первой картины. Дом Нянюшки. Шум за дверью. Пенье Кукарекульки.

Нянюшка. Идут! Идут, пропавшие!

Дуняшенька. Нянюшка, надо их поругать хорошенько! Я так устала, что сил не осталось ни на что!

Нянюшка. Сейчас! Сейчас я их поругаю! Будет им! Вот я их ухватом!

Берет в руки у печки ухват. Входят Маняшенька, за ней – Кукарекулька.

Нянюшка. Так ты за ведром ходила, Маняша? Три дня! Битых три дня пропадала!

Дуняшенька. . Да, а мы тут сидим в холоде!

Мушенька. И в голоде!

Дуняшенька. И в голоде!

Нянюшка. Ведро, по твоей вине, утоплено! Печь, по твоей вине, не топлена!

Маняшенька. Прости, Нянюшка! Прости, Дуняшенька! И ты, Мушенька! Что страдать вас заставила! Если это вас утешит, я вернулась не с пустыми руками.

Кукарекулька (с порога). Кукареку-кукареки! У рукодельницы в ведре пятаки!

Маняшенька протягивает всем ведро. Все бегут смотреть - от жадности раскрывают рты.

Нянюшка. Поди ж ты! Неужели золотые пятаки!

Маняшенька. Серебряные! Самые что ни на есть! Мне их батюшка Мороз Иванович подарил!

Нянюшка. Мороз Иванович? А за какие такие труды?

Кукарекулька. За хорошие!

Маняшенька. Я ему, Нянюшка, честно служила, как моя покойная матушка наказывала: в комнате прибирала, на кухне готовила, одежду штопала...

Дуняшенька. Подумаешь, она служила! А я не хочу служить!

Нянюшка. Что же ты, Маняша, на золотые пятаки не наработала?

Дуняшенька. Лентяйка она! А еще Рукодельницей зовут!

Маняшенька. Не лентяйка я, сестрица Дуняшенька! А еще он вот эту булабочку бриллиантовую подарил!

Маняшенька демонстрирует булабочку.

Нянюшка. Красотища! Дай подержать!

Дуняшенька. И мне дай подержать!

Мушенька. И мне!..

Нянюшка. Бриллиантовая, говоришь?

Маняшенька. Она самая, Нянюшка.

Нянюшка (*Дуняшеньке*). Вот видишь ты, Дуняшенька, что люди за рукоделие получают!

Дуняшенька. Подумаешь! Если захочу, мне еще побольше дадут! И пятаки у меня золотые будут!

Нянюшка. Вот и захоти! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай! Пятаков и бриллиантов заработай!

Дуняшенька (*передумав*). Нет. Не хочу работать! Я мух считать хочу!

Нянюшка. А пяточки получить хочешь?

Дуняшенька. Хочу.

Нянюшка. А бриллиантовую булабочку, как у Маняши?

Дуняшенька. И булабочку хочу. Только не как у Маняши, а побольше!

Нянюшка. Тогда иди к старику Морозу Ивановичу, заработай!

Дуняшенька. И пойду!

Нянюшка. И правильно сделаешь!

Дуняшенька. И пойду! Идем, Мушенька!

Мушенька. Я? К Морозу Ивановичу?

Дуняшенька. Куда же еще? Где еще нам золотых пятков и бриллиантов насыплют короб?

Мушенька. Не пойду я, сестрица. Иди одна. Устала я.

Дуняшенька. Ах, ты устала! А кто говорил, что мы - подружки навек?

Мушенька. Пожалей, сестрица. Я замерзну. Давай лучше нашу песенку споем: «Жу-жу-жу! Зы-зы-зы»!

Дуняшенька. Я тебе сейчас покажу – «жу-жу-жу»! Не буду смотреть, что ты моя любимая подружка! Собирайся – и все разговоры! (*Нянюшке.*) Прощай, Нянюшка! Жди меня к вечеру с коробом золота!

Маняшенька. Сестрица! Дуняшенька! Только ты с добром и чистым сердцем все делай! Мороз Иванович доброту и ласку любит.

Дуняшенька. Не учи, рукодельница! Сама знаю! Подай мне ведро! (*Маняшенька подает ей ведро.*) Да и пустой короб в придачу! А лучше – два! Побольше пятков наберу! (*Маняшенька подает ей два короба.*) Прощай, Нянюшка! Ждите меня с богатством! (*Мушеньке.*) Иди, Мушенька, вперед!

Мушенька сопротивляется, не хочет выходить из дверей. Дуняшенька вынуждена силой. Кукарекулька охотно помогает ей.

Картина 7

Декорации из третьей картины. Печка. К ней выскакивают, держась друг за друга, Дуняшенька и Мушенька, падают.

Печка. Тихо! Вы меня чуть не придавили!

Дуняшенька. Сама тихо! Печь старая! Что под ногами путаешься?!

Печка (*возмущенно*). Поглядите на них! Я под ногами путаюсь! Вообще-то я у себя дома! А вот вы кто такие?

Дуняшенька. Не твое дело, печь допотопная! Не знаешь, где тут Мороз Иванович живет? Видишь, я к нему за золотыми пятаками иду!

Показывает пустые ведро и коробка.

Печка (*многозначительно*). Ну-ну, идите! А я еще хотела вас пирожками угостить!

Дуняшенька. Ну, угости! От пирогов мы не откажемся!

Голос из Печки. Я пирожок поджаристый!

Дуняшенька. Да хватит лясы точить! Воду из пустого в порожнее лить! Хочешь угостить – угости! А сказки нечего сказывать!

Голос из Печки (*продолжает*). Я совсем подрумянился, сахаром да изюмом обжарился! кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Дуняшенька. Да, как бы не так! Мне себя утомлять - лопатку поднимать да в печку тянуться!. . . Захочешь - сам выскочишь. (*Мушеньке*.) Идем, Мушенька!

Мушенька. Я есть хочу, сестрица!

Дуняшенька. Не нужны нам пироги, которые сами в руки не идут! (*Дуняшенька и Мушенька отходят от Печки и тут же натываются на Золотую Яблоньку*.) Под ноги смотри! Не видишь, куда идешь?!

Золотая Яблонька. Вообще-то я никуда не иду. Я на месте стою.

Дуняшенька. Вот и стой, как стоишь, коряга старая!

Золотая Яблонька. Вообще-то я не коряга. Я Золотая Яблонька. И яблочки у меня золотые!

Дуняшенька (*оживившись*). Не врешь? А ну покажи! (*Золотая Яблонька показывает Дуняшеньке свои золо-*

тые яблочки.) Мне это надо! Дай, а?

Золотая Яблонька. Мои яблочки наливные, созревшие! корнем дерева питались, студёной росой обмывались!

Дуняшенька. Как я устала от твоих глупых присказок! Дай же скорее!

Золотая Яблонька. Кто их с дерева стрясёт, тот себе и возьмёт.

Дуняшенька. Что? С дерева стрясать? Да, как бы не так! (*Мушеньке*.) А ты, сестрица, хочешь эту корягу стясти – золотых яблочек наскрести?

Мушенька. Нет. Я устала, сестрица.

Дуняшенька (*Золотой Яблоньке*). Видишь, даже Мушенька не хочет. Нам себя утомлять - ручки поднимать, за сучья тянуть. . . Успеем набрать, когда сами попадают!

Золотая Яблонька. Ну идите. Хорошей вам дороги!

Картина 8

Снова чертоги Мороза Ивановича. Всюду – иней, лед. Входят Дуняшенька и Мушенька. Они подозрительно оглядывают жилище зимнего чародея. В воздухе висят клубы пара. Когда он немного рассеивается, вошедшие видят вдали от себя старика Мороза Ивановича: он весь седой-седой, сидит на ледяной лавочке да снежные комочки ест. Поодаль стоят Метелька и Лавочка-Проказница.

Дуняшенька. Эй! Это ты Мороз Иванович? (*Слышится хруст льда*.) Хватит льдом хрумкать, старик! Ты Мороз Иванович? Или не слышишь меня?

Мороз Иванович. Я. Я хорошо тебя слышу. Что тебе надобно, девочка?

Дуняшенька. Пришла я к тебе послужить да за работу получить.

Мороз Иванович. Хорошо.

Дуняшенька. Хорошо-то хорошо! Только не серебряными пятаками хочу получить, как ты Маняше отсыпал, а золотыми! Да и побольше! (*Кивает на ведро и коробы.*) Ты меня понял?

Метелька смеется.

Метелька. Какая смешная и невоспитанная девочка!

Дуняшенька (зло). А ты кто такая, чтобы нос совать, куда не следует?!

Мороз Иванович. Это внучка моя – Метелька. Она моя помощница!

Дуняшенька. Глупая у тебя, старик, внучка! Ну да ладно! Хватит нам лясы точить!

Мороз Иванович. Хватит так хватит!

Дуняшенька. Я теперь буду твоей помощницей! Вместе с моей сестрицей Мушенькой!

Кивает на Мушеньку.

Мороз Иванович. Это хорошо! Вместе вы мне много добрых дел наделаете!

Дуняшенька. Добрых-не добрых, а наделаем! Вот – ведро и два короба! Наполняй, пока работать стану!

Подает Морозу Ивановичу ведро и короба.

Мороз Иванович. Дельно ты сказала, девочка. За работу действительно платить надо. Только посмотрим, какова ещё твоя работа будет.

Дуняшенька. А что смотреть – деньги готовь, старик!

Мороз Иванович. Ну, хорошо! Поди-ка взбей мою перину! (*Кивает на Лавочку-Проказницу.*) А потом кушанье изготовь, да платье моё повычини, да одежду по-

выштопай. А я пока другими делами займусь.

Мороз Иванович уходит.

Дуняшенька. Он велел перину взбить? Сейчас взобьем! (*Идет к Лавочке-Проказнице, но та убегает.*) Странная перина! (*Мушеньке.*) А ну-ка, сестрица, пойдй ей навстречу! Я спереди, а ты – сзади! Ей, глупой невдомек! И скоро она перед нами постелится!

Дуняшенька и Мушенька гоняются за лавочкой, но все тщетно. Метелька смеется.

Дуняшенька (зло и мстительно). Вместо того, чтобы смеяться, - возьми и помоги нам!

Метелька (смеется). Попроси хорошо – может, и помогу!

Дуняшенька. С чего это я стану тебя просить? Твой дед – ты и взбивай перину!

Метелька. Тогда ты золотых пятаков не получишь!

Дуняшенька (в сторону). Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт.

Входит Мороз Иванович.

Мороз Иванович. Что, Дуняшенька, взбила мне перину?

Дуняшенька. Взбила! Денег дай, старик!

Мороз Иванович. А ужин приготовить? Или у тебя есть с собой пирожки?

Дуняшенька. Ишь, чего удумал! Пирожки ему подай! Вон лед свой хрумкай!

Метелька (схватившись за голову). Как она не культурно себя ведет!

Дуняшенька. А ты меня тут не стыди! Наложь золотых пятаков в ведро и короба – и я вас знать не хочу (*Му-*

шеньке). Ведь так, сестрица?

Мушенька. Так. З-зы-зы! Ж-жу!

Дуняшенька (*Морозу Ивановичу*). Слушай, старичок! Я знаю, какая у тебя следующая служба.

Мороз Иванович. Неужто знаешь? Ну давай, почини мне одежду! Твоя сестрица Маняшенька очень хорошо справилась с задачей.

Дуняшенька. Дай мне иголку! (*Мороз Иванович подает ей иголку.*) Теперь продень в нее нитку!

Мороз Иванович (*Метельке*). Внучка, помоги мне. Я совсем плохо видеть стал. (*Метелька помогает ей.*)

Ну, штопай, красна-девица! (*Дуняшенька пытается «чинить» платье Мороза Ивановича, Мушенька ей «помогает», но укалывает себе палец. Она вскрикивает «больно», берет палец в рот.*) Ну, ладно, красна-девица!

Будет с тебя! Перину ты мне взбила?

Дуняшенька. Взбила!

Мороз Иванович. Еды наварила?

Дуняшенька. Наварила!

Мороз Иванович. Одежду починила?

Дуняшенька. Починила! Теперь денег давай!

Мороз Иванович. Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, красна-девица, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

Дуняшенька. Да, как же! Я ведь у тебя целых три дня жила.

Мороз Иванович. Знаешь, голубушка, что я тебе скажу: жить и служить - разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперёд пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит!..

Дуняшенька. Не зазрит! Давай!

Мороз Иванович. Я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда. (*Мороз Иванович достает «награды»*). В одну руку тебе – большой-пребольшой серебряный слиток, а в другую руку - пребольшой брильянт.

Дуняшенька. Ух ты! Какая я теперь богатая! (*В сторону.*) Как хорошо я обманула этого старика Мороза Ивановича! (*Мушеньке.*) Идем, Мушенька! Идем! Теперь я тебе меда и сахару куплю! На, держи бриллиантик! *Подает Мушеньке бриллиант. Внезапно становится темно. В темноте только блестят глаза. Мушенькии Дуняшеньки. Воеет вьюга.*

Голос Мушеньки. Сестрица, ты здесь?

Голос Дуняшеньки. Я здесь.

Голос Мушеньки. Мне страшно.

Голос Дуняшеньки. И мне страшно. Давай кого-нибудь позовем!

Голос Мушеньки. Эй! Кто-нибудь! Помогите!

Тишина.

Голос Дуняшеньки. Золотая Яблонька, помоги нам! (*Молчание.*) Печка! Помоги, пожалуйста! (*Молчание.*) Никого. Никто нам помочь не хочет. Ты знаешь, сестрица, я бы все пятаки отдала и бриллиантик, если бы нас услышала Маняшенька! Ведь она такая добрая! Она бы выручила нас! (*Внезапно доносится шум. Включается свет. Вбегает Маняшенька, следом – Кукарекулька. Все бросаются друг к другу.*) Спасибо, сестрица! Ты от смерти нас спасла! И тебе спасибо, Кукарекулька! (*Мушенька понуро уходит в сторону.*) Видишь, Мушенька, мы с тобой ничего делать не умели! И добра в нашем сердце не было! А Маняшенька подсказала, как надо

правильно жить.

Маняшенька. Это сама жизнь подсказывает! (*Зовет.*)

Батюшка Мороз Иванович! Мороз Иванович! Метелька!

Кукарекулька. И Лавочку-Проказницу!

Маняшенька. И Лавочку-Проказницу! (*Зовет.*) Мороз Иванович! Выходите!

Выходят все - Мороз Иванович, Метелька, Лавочка-Проказница, Печка. Золотая Яблонька и другие участники сказки. Кукарекулька смотрит на ведро и коробка Дуняшеньки, начинает смеяться.

Кукарекулька. Кукареки-кукареки! У Дуняши в ведре – угольки!

Все тоже смотрят на ведро и коробка – дружно смеются. Мороз Иванович хитро разводит руками.

Дуняшенька. . А что еще должно быть? Ведь я большего пока не заслужила!

Маняшенька. Не переживай, сестрица! Я поделюсь с тобой богатством!

Мороз Иванович. Вот такой сказ у насполучился! С добрым концом! А вы уж сами думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставление. Но помните одно, что главное всего на свете правда и доброта. Они ценнее любой награды!

Конец.

Вячеслав Бурмистров

«Раз, два, три! Елочка, гори!»
новогодняя сказка-детектив

Действующие лица

Заяц, плюшевая игрушка.

Бобер, резиновая игрушка для ванны.

Сова, старая елочная игрушка из стекла.

Белка, елочная игрушка из меха.

Волк, бракованная пластмассовая игрушка.

Дедушка.

Внучка.

В эпизоге Дедушка преобразается в Деда Мороза, Внучка – в Снегурочку.

Пролог

Новогодняя елка, вокруг вата вместо снега. Дедушка украшает ее игрушками. Входит Внучка в пижаме, несет плюшевого зайчонка, сажает под елку.

Внучка. Дедушка, а зачем Дед Мороз?

Дедушка. Подарки приносит детям. Ложись спать.

Внучка. А вот и нет!

Дедушка. Что – нет?

Внучка. Он чтобы ёлку зажечь! «Раз, два, три! ёлочка, гори!» Нет огоньков – нет и праздника, нет праздника – прощай подарки. Всё просто!

Дедушка. Будет, всё будет. (*Вешает гирлянду, Внучка помогает.*) Иди спать. Я сам уже.

Внучка. Я тебе больше скажу, дедушка! Это не лампы... (*Прячет Зайца в коробку.*) А ты не подслушивай! (*Шепотом, Дедушке.*) В фонариках живут – светлячки! Самые настоящие! Из леса! Поэтому и слушаются Деда Мороза. Он ведь тоже из леса?

Дедушка. Понятное дело, из леса, откуда же еще.

Внучка. А откуда он знает, что пора включать елку?

Дедушка. Дети подскажут. «Раз, два, три – елочка, гори!» И сразу все гирлянды загораются. На всех-всех ёлках! Спи уже!

Картина 1

Огромная новогодняя елка (видна только нижняя часть). Под ней стоит домик из ваты-снега. В окошке светится огонек, дверь чуть приоткрыта. Рядом огромная и яркая подарочная коробка. Часть игрушек и шаров уже висят на елке, другие лежат еще под елкой. В домике, на кукольной кровати, спит кукла-девочка (копия внучки). Вверху, на ветке, дремлет старая елочная игрушка из стекла Сова. Внизу резиновый Бобёр катает из ваты снеговика.

Сова (сверху). Бобруша, проверь, девочка уснула?

Бобер. Сова! Я не «бобруша», я бобер.

Сова. Зануда ты! Вот ты кто.

Бобер (заглядывает в окошко домика). Спит.

Сова. Умаялась. Спит, поди, без задних ног.

Из подарочной коробки выпрыгивает Заяц, копия зайчонка, которого спрятала туда девочка.

Заяц. Как это – без задних? Если у нее и «передних» нет...

Сова. Уф! Напугал! Чуть с ветки не упала!

Заяц (обиженно). Я не страшный, я добрый.

Сова. А если б я разбилась?!

Заяц. Ты же ведь же – Сова. Разве ты не летаешь?

Бобер (скептически). Ага, летает!

Сова. Уж получше, чем ты плаваешь. (*Зайцу.*) Ты зачем в коробку для подарков залез?

Бобер. Тоже мне «подарок»!

Заяц (вздыхает). Нет, я не подарок! Я от Волка прятался...

(*Зевает.*) И уснул. А про светлячков – это правда?

Сова. Про светлячков... «правда» – что?

Заяц. Что они в гирляндах зимуют. Девочка сказала.

Сова (шепотом). Тс! Это страшная тайна! Кстати, а она откуда знает?

Бобер. Я не говорил. А что за Тайна?

Сова. Зая, это не ты ребенку нашептал?

Заяц. Я сам ни сном ни духом!.. Может, ей приснилось?

Сова. Ладно, прикройте дверь. (*Бобер плотно закрывает дверь в домике с девочкой.*) Люди вообще про это не знают. И знать не должны, поняли?

Бобер. Сама, гляди, не проболтайся.

Сова (ерничает). Нет, сейчас полечу и всем расскажу!

Бобер. Зачем?

Сова. Бобер, ты чего, совсем резиновый?

Бобер. Ну да, я же плаваю (*Показывает.*) В ванне.

Сова. Рассказываю. Елку видишь? Елочная гирлянда – горит?

Бобер. Да нет.

Сова. Так «да» или «нет»?!

Бобер. Да – вижу. Нет – не горит.

Сова (шепотом). Светлячки на зиму – прячутся в эти гирлянды. И спят там. Пока дети не крикнут: «Раз, два,

три! Елочка, гори!». Светлячки просыпаются – гирлянда загорается! И потом снова спят, до лета...

Заяц и Бобер подходят к елочной гирлянде, изучают фонарики.

Заяц. Шевелится что-то...

Бобер. Нет там никого!

Сова. Значит, еще не прилетели.

Заяц. Дед Мороз, получается, над ними главный?

Сова. Нет, у них главная – Фея! Они и светятся только благодаря ей! Без нее – ничего не получится.

Бобер. А ты сама-то... видала эту Фею?

Сова. Один раз!..

Бобер *(с завистью)*. Счастливая.

Сова *(щурится, вглядываясь вдаль)*. Чуть сослепу не проглотила ее...

Заяц. Мой хвостик...

Бобер. Что «хвостик»?

Сова. Зая, беги! Волк!

Вбегают, хромя на одну лапу Волк, видит Зайца.

Волк. Стой!

Заяц. А то что?

Волк. А то! Хуже будет.

Заяц *(заикаясь)*. Вот именно.

Волк. Хамишь?! Сейчас дядя Волк кого-то съест.

Сова *(сверху)*. Угу! Если догонит!

Волк отвлекается на Сову, спотыкается – Заяц убегает.

Волк грозит кулаком Сове, гонится за Зайцем.

Бобер. Хромой опять Косого гоняет.

Сова. Какая дикость!

Бобер. Безобразие! Никто работать не хочет.

Сова. Жалко Зайчонка! Сердце доброе, тяжело ему

придется.

Бобер. Почему?

Сова *(назидательно)*. С волками жить – по-волчьи выть!

Бобер. Не, не хочу *(Заканчивает делать из ваты снеговика, втыкает нос-морковку.)* Лучше скажи! Почему Волк такой злой?

Сова. Добрых волков – не бывает. С добрыми, вообще нынче... большой дефицит.

Бобер. Дефн, дифц... Большое – что?

Сова. Мало доброты, жадности много... «Мое дупло – моя крепость!»

Бобер *(уважительно)*. Мудрёная ты птица!..

Сова. Старая я... *(Зекает.)* Устала. Днем – бессонница. Ночью – не вижу ничего. *(Поет.)* У

меня в дупле темно,

Лишь Луна грустит в окно,

В темноте темно читать,

Буквы есть, - а не видать!

Да еще и без очков!

Бобер. Завела бы светлячков!

Освещали бы дупло:

И уютно, и светло!

Возвращается Заяц.

Заяц. Волк, волк! Прячьтесь!

Он прячется в коробку с подарками, Бобер забрасывает ее снегом, садится сверху. Хромя, вбегают Волк.

Волк *(Сове)*. Эй, лупоглазая! Заяц не пробежал?

Сова. Кому надо, тот пусть и ищет, если ему так надо.

Волк. Не мудри. Говори толком.

Сова. Потому что, извини, Серый, но ты серый!

Волк. Ох, доберусь я до тебя!

Сова. Доберешься, когда летать научишься!

Волк (*садится на коробку, в которой дрожит Заяц*). Уши оборву.

Бобер. Кому?

Белка. Уж не мне ли?

Волк. Всем! И тебе тоже!

Белка. А ты залезь – и оторви!

Волк (*кричит от злости*). Говорите, где Зайца искать! (*Встает с коробки для подарков, подозрительно на нее смотрит. Пинает ногой.*) А здесь что?

Белка. Зайца прячем. От тебя! (*Все с ужасом смотрят на Белочку, потом на Волка.*) Не веришь? А ты открой и посмотри.

Смеётся.

Волк. Издеваешься, да?

Белка. А ты как думаешь?

Волк бросается на ёлку, но допрыгнуть не может. Погрозив кулаком, уходит. Дрожащий Заяц вылезает из коробки.

Заяц. Спасибо... вы, вы меня... о-очень спасли.

Белка. Нормально. Мы же друзья.

Заяц. Вы храбрые, вам хорошо! Белка прыг-скок! – и на дереве. Сова – фр-р! – и улетела. Бобер плюх! – и под водой. А мне куда?..

Заяц, Бобер и Сова поют.

Заяц. Открою вам один большой секрет: Страшнее Волка в целом мире нет! Положено дрожать, бояться всем!

Бобер. Пока Хромой не съел тебя совсем!

Заяц. Вот если б силы нам объединить, Схватить за хвост – и в клетку посадить!

Бобер. Ага! А кто за хвост его возьмёт?

Сова. Луна скорее с неба упадет!

Все смеются.

Заяц. Смешно, а у меня хвост до сих пор трясётся.

Белка. Гляди, не потеряй!

Бобер. А то Волк быстро его укоротит.

Заяц (*чесет за ухом*). Эх, поменяться бы с Волком местами. Чтобы не я, а он дрожал от страха!

Белка. «Хищный заяц – гроза леса!»

Заяц (*обидевшись*). Очень смешно.

Белка. Не обижайся, я любя... Ладно, поскакала! Если что, я там. Третья ветка сверху!

Белка, высоко подпрыгнув, исчезает на елке. Заяц и Бобер машут ей вслед.

Бобер. Не пара она тебе.

Заяц. Тебе, что ли, пара?

Бобер. Она прыгает выше всех. Я ныряю глубже всех!

Заяц. А я бегаю быстрее всех!

Бобер. Не бегаешь, а убегаешь.

Заяц. Ну и... плыви отсюда!

Бобер поправляет у снеговика нос-морковку.

Сова. Друзья, не ссорьтесь! Бобр, будь добр...

Бобер. Я не бобр, я бобёр!

Сова. Бобёр, будь добёр... Кинь мне снежок. Пожалуйста!

Бобер. А тебе зачем?

Заяц. Сова! Лови!

Заяц бросает снежок, нечаянно сбивает им Сову – та падает вниз.

Сова (*сидя внизу, оглядывается*). Спасибо. Очень помог.

Заяц. Промахнулся, извини.

Сова. Нет, не промахнулся! Ты мне в глаз попал!

Заяц и Бобер помогают ей встать.

Заяц. Ой! (*Заикаясь.*) Хвостик мой!

Бобер. Опять, что ли, заикаешься?

Заяц. Только, когда Волк рядом!..

Заяц снова прячется в коробке для подарков. Хромая, вбегает Волк.

Сова (*оставшись одна*). Всё! Сейчас меня точно съедят.

Волк. Эй, лупоглазая! Где заяц?

Сова. Не видела... Плохо вижу (*Изображает.*) Совсем слепая стала...

Волк со злости ломает снеговика.

Волк (*рычит*). Зашибу! Где он?!

Сова. Это который?.. С большими ушами такой?

Волк. Куда он побежал? Говори, чучело пучеглазое!

Сова показывает в сторону коробки.

Сова. Туда! Он там, где-то ...

Бобер (*опешив*). Эй, ты что делаешь, Сова?

Волк. Не крикай, рыбина!

Бобер. Я не рыбина. Я – Бобер!

Сова. Рыбы, вообще-то, молчат.

Волк. Вот и ты молчи! Курица старая.

Волк идет, но – не к Бобру, а в противоположную сторону.

Бобер. А почему он... ко мне не пошел?

Сова. Говорят же! Не верит никому. Вот и злится.

Волк незаметно возвращается, подслушивает.

Бобер. Ловко ты его!..

Сова. Теперь он меня наверняка съест. Стучат, вроде, где-то?

Бобер. Дятел, наверно.

Заяц, тяжело дыша, вылезает из коробки.

Заяц. Я чуть не задохнулся! (*Его трясет от страха.*)

Спасибо, друзья... вы снова меня спасли...

Сова (*успокаивая*). Волка все боятся. Так что, не переживай, не ты один.

Бобер. Да! Ты не один.

Сова. Друзья всегда рядом.

Заяц потрясен открытием.

Заяц. Выходит, волка боятся все... А трус – только заяц?

Я что, хуже всех?

Сова. Да нет, не хуже.

Заяц (*заикаясь*). Ой... опять хвостик!

Из кустов выскакивает Волк, бросается на Заяца. Тот чудом увернувшись, убегает. Сова дрожит, Волк хватается Бобра за шкурку, трясет.

Волк. Никому верить нельзя! (*Бобру.*) Может, тебя съесть, рыбий хвост?

Сова. Отпусти его!.. Подслушивать, между прочим, нехорошо.

Волк. И врать тоже!

Сова. Я, кстати, правду тебе сказала.

Волк. Ты и сейчас врешь.

Сова. Самому-то не надоело... бегать, высунув язык?

Волк. И правда, устал чего-то. (*Отпускает Бобра.*) Живи пока! (*Отрывает у сломанного снеговика нос-морковку.*)

Что там зайцы у нас любят? Морковку, говоришь?

Сова. Я такого вообще не говорила! А тебе зачем?

Волк. Значит, морковку.

Волк привязывает к морковке толстую нитку.

Сова. А что это ты делаешь?

Волк. Зайчик увидит, вот обрадуется. (*Кладет морковку на пол, прячется с ниткой за ёлку.*)

А я его – ам! И бегать не надо.

Сова. Учти, я молчать не стану. Я всё ему...

Волк. Клюв откроешь – чучело сделаю. Между прочим, всех касается! *(Вверх.)* И наверху чтоб тихо! Не то сшибу, как шишку с дерева.

Возвращается Заяц, оглядывается.

Заяц. Хромой ушел? *(Видит морковку.)* Ого! Моя любимая.

Заяц делает шаг, наклоняется, чтобы взять морковку. Волк тянет за ниточку – морковка отъезжает от Зайца.

Игрушки *(кричат шепотом).* Не трогай! Это ловушка!!! Там волк!

Заяц. Не слышу ничего! *(Махнув лапой.)* Потом!

Заяц делает еще шаг, хватает морковку – из-за елки выскакивает Волк, ловит Зайца.

Волк. Ну как? Вкусно?

Заяц *(заикаясь).* Не-нечестно! Отпусти меня, а?

Волк. Не могу. Ты мой десерт! *(Поёт.)*

Пусть «серые» волки! Мы воем зимой!
Обидно без толку скулить под Луной.
Не нравится песня? Могу и не петь!
Попробуй на это по-волчьи смотреть:
Орехи – для Белки! Иголки – на ёлке!
Морковка – для Зайца, а Заяц – для Волка!
(Воем.) Каждому – своё.

Заяц *(друзьям).* Что же вы молчите?

Бобер *(виновато).* Мы кричали тебе, а ты...

Сова. Прости нас, Зая.

Волк *(всем).* Цыц! Я – сила! Значит, я прав. *(Роется в коробке, достает тарелку, вилку, нож. Расставляет.)*
Хочу, как у людей. Чтоб по-человечески! Куда вилки ложут, Сова?

Сова. Кладут. Вилки – слева, ножи – справа.

Волк. Слева? Это где? *(Запутался. Делает все наоборот.)*
К столу не приглашаю. *(Хохочет.)* Пока!

Сова. Ты нарушаешь все, все Лесные Правила!

Волк. В лесу одно правило.

Бобер. Какое?

Волк. Волчье! Никаких правил.

Бобер. Моя хатка с краю.

Сова. Эх ты!.. ни рыба, ни мясо...

Волк. Приятного мне аппетита.

Откуда-то сверху на ветку прыгает Белка.

Белка. Чего шумим?

Сова. Волк Зайчонка хочет съесть.

Белка. Не посмеет!

Волк. А кто запретит? Ты, что ли? *(На Бобра.)* Или ваш головастик?

Бобер. Я – Бобер!

Волк. Захлебнись! Не посмотрю, что от тебя рыбой пахнет.

Белка. Эй! Хромоногий!.. Быстро отпустил Зайца!
Волк ковыряет вилкой в зубах.

Волк. А то что?

Белка. Разбужу людей! Тогда узнаешь!

Волк. Уже дрожу. *(Кричит.)* Люди, ау, на помощь!

Белка. Зайчика спасёт только чудо.
Вокруг игрушек возникает мерцающее облачко из Светлячков. Словно маленькие звезды, красочные огоньки то мерцают, то ярко вспыхивают, то потухают.

Сова. Мне худо... звездочки в глазах... туда-сюда...

Светлячки *(поют).* Мы не звездочки! Светлячки вокруг!
Помогай скорей, если ты наш друг.

Кто-то взял-украл нашу Фею – и!..

Белка. Кто посмел украсть?

Светлячки (*поют*). Помоги найти,
Поскорей поймать вора страшного!

И лохматого, и ушастого!

Не то сгинем все, как букашки мы!

Будет всё тогда – вверх тормашками!

Белка. «Вверх тормашками»? В каком смысле – вверх
тормашками?

*Светлячки садятся к каждому на ладошку, помигав,
медленно угасают.*

Бобер. Сова, что это было?

Сова. Ты оглох? Фею светлячков украли!.. А эти букашки
без нее – пшик!.. Видишь, уже гаснут...

Бобер. Нам-то что?

Сова. Похоже, Праздник – отменяется...

Заяц. Как это, зачем?

Сова. А так это! Ни елки, ни огоньков, ни подарков...
Ничего в этом году не будет!

Бобер. Здравствуйте-пожалуйста...

Волк наступает на Зайца с вилкой и ножом.

Волк. Хватит скулить! (*Зайцу.*) Помаши лапкой друзьям.
Сегодня не твой день.

Бобер (*шепотом*). Держись, дружище... мы с тобой...

Волк (*на каждого, по очереди*). Ты – Завтрак. Ты – Обед.
Ты – Ужин. (*Себе.*) Кушай на здоровье!

Сова. Чтоб тебя подбросило!

*Бобра, и правда, подбрасывает вверх. Лес качнуло так,
словно произошло маленькое землетрясение. Все упали на
землю - и замерли, словно они окаменели. Потом также
одновременно все ожили. Все с ужасом смотрят на*

хромого Волка.

Сова. Прилетели.

Заяц. Что же все-таки произошло?..

Бобер. Теперь он нас всех сожрет!..

Заяц неожиданно становится на пути Волка.

Заяц. Бегите, все! Я его задержу!

Волк (*пятится, прячется за коробку*). Кто эта
страхолюдина?!

Белка. Это он сейчас про кого?

Волк. Вон тот, который... С шестью лапами!

Игрушки озираются по сторонам.

Все. Где? Где?!

Волк (*заикаясь, на Зайца*). Да вон же!.. Четыре лапы
внизу!.. И две на голове!

Белка. У кого?

Волк. У з-ззз... зверюги!..

Сова. Это Заяц. А на голове – уши, а не лапы. (*Ничего не
понимая, все смотрят на Волка.*) Хромой... да ты никак
Зайца испугался?

Волк (*заикаясь*). Я теперь всего боюсь!

Белка. И меня?

Сова. И меня?!

Волк (*скулит*). Я даже сам себя боюсь!

*Белка топает на Волка – тот отскакивает. Сова хлопает
крыльями – Волк закрывает голову лапами, прячется под
елку. Все на него смотрят: трусливого Волка еще никто
не видел.*

Заяц (*дергает себя за хвост*). Вообще ничего не
понимаю!

Белка. Похоже, Волк – тебя боится. Ты сам-то как?

Сова. Заинька, а у тебя всё в порядке?

Заяц. Дрожу, как раньше... но без страха.
Нервно смеется.

Белка. Ты – герой! Защитил нас. И Волка не испугался!
Все дружно аплодируют зайчонку.

Заяц. Боюсь!..

Бобер. Волка, что ли? Брось! Он теперь даже меня боится.

Заяц. Я храбрости своей боюсь.

Сова. Успокойся. На-ка, съешь морковку.
Заяц смотрит на морковь, нюхает.

Заяц (*брезгливо*). Фу, какая гадость!

Сова. Она чистая. Ешь, не бойся, я помыла.

Заяц. Выкинь!

Волк (*заикаясь*). А можно... я морковку возьму?..

Заяц. Забери. (*Кидает морковку.*) И запомни! Еще кого-нибудь тронешь – уши оборву.

Волк хватает морковь, жадно грызет.

Белка (*Зайцу*). Что с ухом?

Заяц. Ерунда, царапина.
Белка перевязывает ему ухо.

Белка. Ты настоящий герой!

Заяц. Мой хвостик больше не дрожит.

Волк (*поджав хвост*). Зато мой за двоих работает.

Бобер. Ну что? (*Берет Волка за шкурку.*) Будем учить тебя плавать.

Волк (*заикаясь*). Не надо меня... ничему учить. Я воды боюсь!..

Бобер. Учись! (*Нырнет в вату – и вдруг нелепо машет лапами, как будто тонет. Испуганно.*) А-а!.. Я, кажется, забыл... как надо плавать. Тону!..

Заяц. Здравьете! Ты же Бобёр... Эй, Сова!.. А ты чего?

Сова (*машет беспомощно крыльями*). Я, похоже, тоже...

(*В ужасе.*) Друзья, я... летать разучилась!..

Белка (*не может допрыгнуть до ветки*). А я!.. А я!.. по веткам скакать!..

Волк. Допрыгались?

Все беспомощно смотрят друг на друга.

Бобер (*садится на коробку*). Устал я чего-то.

Сова. Ничего не сделал и устал?!

Бобер (*поет*). Ходить лениво и сидеть.
Лениво мне о лени петь.
Лениво плыть, лениво есть.
На пень и то лениво сесть.

Заяц. А мне мяса хочется. (*Пристально смотрит на Волка.*) Почему-то...
Заяц берет вилку и нож.

Волк (*заикаясь*). Не надо на меня так смотреть... Совсем озверел?.. (*Все отступают от Зайца, на всякий случай.*) Он нас всех загрызет... Почему мне никто не верит?!

Сова (*грустно*). Потому что ты сам никому не веришь.

Заяц. Не скулите! Что это было, Сова, а? Думай, ты же мудрая!.. Что с нами?

Белка. Может, землетрясение?

Бобер. Если не хуже...

Сова. Почему мы все всё разучились?.. Причем, все – и сразу.
Белка, подпрыгнув, висит, наконец, на ветке. Но вниз головой. Все поют.

Белка. Вот те на! Вот те на!
Нашей жизни грош цена:
Я подпрыгнуть не могу,

Бобер. Я нырнуть в своём пруду!

Все. Вот те на! Вот те на!

Нашей жизни грош цена:

Сова. Не летаю я теперь...

Волк. Заяц – самый страшный зверь!

Белка (*вниз головой*). Какие вы смешные!.. Когда вверх тормашками!

Сова. «Вверх тормашками»? (*Бьет себя по лбу.*) Дырявая башка!..

Бобер. Ты о чем?

Сова садится на коробку.

Сова. Светлячки! Помните, они жаловались, что их Фею похитили?

Бобер. Да кому она нужна!

Белка. погоди! Это что получается... всё из-за Феи?!

Сова. Из-за нее всё «вверх тормашками». Точно!

Заяц. А не помнишь, светлячки не сказали, кто ее похитил?

Сова. Лохматый какой-то, с ушами.

Все подозрительно глядят друг на друга.

Заяц. Нужно найти, кто похитил. (*Смотрит на Бобра.*) И спасти Фею!

Бобер. Какой я лохматый, вы что!.. Я гладкий!

Белка. А уши, а?

Бобер. Сама ты – с ушами! Сова вон... тоже с ушами.

Волк (*заикаясь*). Съела Фею! Теперь делает вид, что не помнит.

Все окружают Сову.

Сова (*крутит у виска*). Мне что, еды в лесу мало?

Заяц. Предположим. Вспомни, про что еще светлячки пели.

Сова. Что он был страшный!.. И с огромными ушами!

Заяц. Страшный? (*Наступает на Волка.*) Говори, твоя работа?!

Волк. Давы что... (*Заикаясь.*) На кой она мне, эта букашка?

Белка (*Зайцу*). Извини, но у тебя у самого, ого-го какие уши!

Все по-новому смотрят на Зайца, окружают его.

Бобер. Извини, дружище. Остаешься только ты.

Волк (*заикаясь*). Это он! Ату его!

Сова. Вы совсем, что ли, озверели? Заинька не мог. Скажи им...

Заяц. Какая Фея? Я в глаза её не видел ни разу!

Белка. Честное заячье?

Заяц. Ну да.

Волк (*заикаясь*). Он всё врет, врет! Из-за него всё!

Заяц хватает Волка, трясет.

Заяц. Цыц! Не скули!

Белка. Может, ты взял – и забыл?

Заяц. Забыть мог. Но я не брал. Вроде бы.

Волк (*заикаясь*). Чуть «фонарь» мне не поставил. Своей морковкой.

Заяц. Точно! Фонарь!

Отпускает Волка.

Белка. Что за фонарь?

Заяц. Я подарок хотел Сове... Фонарик. Из светлячков.

Сова. Мне? Зачем?

Заяц. Тебе темно, в дупле. Ты сама говорила.

Белка (*перебивая*). И-и-и?

Заяц. И не успел. Посадил светляка в банку и... потерял где-то, пока бегал.

Сова. Стоп! А банка была – с крышкой?

Заяц. Ну да, и что?

Сова. И всё. Фее – крышка... Ежели, она задохнется, мы так и останемся...

Белка. «Вверх тормашками»? *(Все с немым укором смотрят на Зайца.)* Ну да... *(Бобру.)* Ты будешь ковылять по земле. Пешком, всю жизнь!

Бобер. Мне нельзя... Я должен плавать.

Белка. Волк останется трусливым! А мы с Совой, как две курицы, будем кудахтать и собирать шишки...

Сова. До первых заморозков.

Волк *(заикаясь)*. Хочется завывать. Можно, я тихонечко повоюю?

Заяц. Не думал, что так все получится.

Сова *(стучит себя по лбу)*. Думать надо!

Бобер. Утоплюсь!

Волк *(заикаясь)*. Это – катастрофа!

От Зайца все отворачиваются.

Заяц *(кричит)*. Откуда я знал, что она – Фея!

Белка снова пытается подпрыгнуть, Сова взлететь, Бобер тихо скулит, - у всех паника.

Белка. Ты совсем не помнишь, где ее потерял?

Заяц. Не помню я!..

Сова. Значит, будем искать. Хоть, всю ночь!

Волк *(заикаясь)*. Я темноты боюсь!

Сова. Странно. Вроде бы, темно. А вокруг всё светлее и светлее...

Заяц. И правда... Коробка! Смотрите!

Коробка с подарками светится изнутри – Волшебным светом. Все смотрят на коробку, потом друг на друга.

Заяц. Вспомнил! Фея там! Я ее в коробке выронил, когда от Волка прятался. *(Заяц пытается открыть коробку – у него не получается.)* Недавно открывалась... Защелкнуло, что ли?

Бобер. Пусти, дай-ка... Что б вы без меня делали?

(Бобер пытается открыть коробку – у него тоже не получается.) Шишки-ёжики!..

Сова. Ты же мастер на все руки!

Бобер. Был, да весь сплыл!

Белка. Она там задохнется... Сделайте хоть что-нибудь!

Бобер. Замок старый, заело... Чтоб его перекосило!..

Стучит кулаком по крышке – коробка неожиданно открывается. Свет в коробке медленно меркнет. Все смотрят на Зайца, тот быстро залезает в коробку. Все в напряжении, ждут.

Белка. Ищи, скорее...

Сова. Не торопись...

Заяц *(из коробки)*. Ищу я, ищу!

Волк *(заикаясь)*. Аккуратнее...

Бобер. Не разбей банку. Пригодится еще.

Заяц. Кажется, нашел!..

Коробка снова озаряется изнутри слабым, дрожащим Волшебным сиянием.

Сова. Ну как она там? Дышит?

Заяц. Вроде, светится. Но как-то не очень...

Вылезает из коробки со светящейся банкой. Все замирают.

Белка. Зая, не дыши на нее.

Бобер. Вылезай уже!

Все обнимаются, шепотом кричат «ура», тихо хлопают в ладоши.

Волк *(заикаясь)*. Он их чуть не угробил... а они ему хлопают.

Сова отбирает у Зайца банку, пытается снять крышку – у нее не получается.

Сова. Она задыхается... Бобер, давай ты...

Волк (*заикаясь*). Лишь бы совсем не погасла.

Сова. Не каркай!

Бобер пробует открыть банку.

Бобер. Крышка тугая!.. Мне никак... (*Протягивает банку Зайцу.*) На! Сам закрутил – сам и раскручивай!

Волк (*заикаясь*). Стойте! (*Бобер становится между Зайцем и Бобром с банкой.*) А вдруг косою не отпустит?

Вдруг ему понравилось... быть Главным?

Белка (*Зайцу*). Ты ведь ее выпустишь?

Все смотрят на Зайца. Ждут.

Заяц. Думаю, что – да.

Бобер. Чихать, что ты думаешь! Открывай давай и выпускай!

Сова. Ты ведь хочешь вернуть все как было?

Заяц молчит.

Заяц. Если честно? Не уверен.

Белка. Как это – не уверен?

Бобер. Открывай! Я из-за тебя... плавать разучился!

Белка. А я по веткам прыгать!

Сова. А я летать!

Волк (*заикаясь*). А я всего уже боюсь!

Все. Выпускай Фею! Она угасает! Скорее!

Сова отбирает у Волка банку с Феей светлячков, протягивает Зайцу.

Сова. Берешь и откручиваешь. Все просто.

Заяц. Выпущу... А потом?

Белка. Всё опять будет, как прежде.

Заяц. Здорово... А я как же?.. Опять дрожать и прятаться?

Бобер. Хочешь, я научу тебя нырять?

Белка. А я шишками кидаться!

Волк (*хнычет*). А я не хочу быть трусом...

Все. Заткнись!

Сова (*Зайцу, строго*). Слушай свое сердце. И ничего не бойся!

Заяц открывает крышку, выпускает Фею светлячков – снова землетрясение. Все на некоторое время замирают, боясь пошевелиться. Слетаются Светлячки. Они мерцают, словно, красочные разноцветные огоньки. Ярко вспыхивая, они кружатся вокруг одиноко стоящего Зайца.

Светлячки (*радостно пищат*). Наша Фея свободна! Она жива! Спасибо вам, друзья! Спасибо тебе, Заяц!

Фея светлячков (*Зайцу*). Ты настоящий герой!

Заяц. Прости, светлая Фея... если сможешь...

Фея светлячков. И запомни! (*Садится к нему на ладонь.*)

Боишься – не делай, а делаешь – не бойся.

Фея, сияя ярче всех, улетает. Светлячки летят вслед за своей сказочной Феей.

Бобер. Коробку сломали.

Сова. Зануда ты, Бобруша.

Все поздравляют друг друга, качают Зайца. Тот с удовольствием грызет морковку.

Все. Ура герою! Молодец! Мы верили в тебя!

Белка – запрыгивает на елку. Волк – чинит коробку для подарков. Сова машет крыльями. Все становятся сами собой, как прежде.

Бобер. Пойду, поплаваю!

Ныряет в вату.

Сова (*машет крыльями*). Работают, родненькие мои!

Взлетает на елку.

Волк. Еще увидимся.

Волк прихрамывая, уходит.

Заяц (*сняв повязку с уха*). Сохраню, на память... (*Белке*.)

Ты обещала чему-то научить.

Белка. А ты готов?

Белка и Заяц кидаются шишками. Все игрушки поют финальную песню.

Заяц. В Природе так заведено:

Все роли розданы давно!

Волк. Сегодня ты Лесной Кошмар!

Бобер. А завтра – бац! – и ты комар!

Волк. Родился Волком? Волком вой!

Сова. Летай, но ночью! Коль Совой

Ты уродился.

Бобер. И бревном –

Не будь, уж если стал Бобром!

Заяц. Мне лапки кверху и дрожать,

И по кустам опять скакать?

Белка. Иди на Волка, смело, в бой!

Не трусь и будь самим собой!

Бобер. И свой талант – не зарывай!

Сова. И птиц на волю отпускай!

Белка. Всё просто, дверь Души открой

Все. И будь собой! Самим собой!

Эпилог

Дедушка преобразается в Деда Мороза, внучка – в Снегурочку.

Внучка. Деда, все в порядке. Светлячки прилетели.

Дедушка. Это ты о чем?

Внучка. Смотри! – Раз, два, три! Елочка гори!

На праздничной ёлке загораются, светятся и подмигивают разноцветные огоньки.

ГИЛЬДИЯ ДРАМАТУРГОВ РОССИИ

Журнал «ДрамТеатр» сотрудничает с авторами. Редакция принимает пьесы, статьи, очерки по теме журнала. Решение о публикации принимает редакционный совет.

Электронный адрес редакции журнала

INFO@GPRUSSIAN.RU

Над журналом работали

Юрий Бутунин (Москва), Юрий Ломовцев (Санкт-Петербург), Валерий Бегунов (Москва), Нина Мазур (Ганновер), Татьяна Ермолицкая (Томск), Алексей Гостев (Алматы), Юлия Тупикина (Москва), Алексей Битов (Москва), Татьяна Медведева (Москва), Ирина Гирш (Москва)

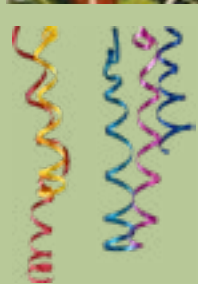
Перепечатка материалов журнала возможна только с разрешения редакции журнала.

Права на пьесы и другие материалы журнала принадлежат авторам.

Рукописи не рецензируются.

© Гильдия драматургов России, 2021 г.

С Н о в ы м г о д о м !

С Н о в ы м г о д о м ! С Н о в ы м г о д о м !

